

«Петербургский дневник» представляет

Анатолий Белинский

Каждая строка этой книги свидетельствует о непреложной истине: в Великой Отечественной войне наша страна победила потому, что на ее защиту встал весь народ.

Дорогами ВОИНЫ 1941–1945

*Наше дело правое!
МЫ ПОБЕДИЛИ!*

Писатели на войне, писатели о войне

Анатолий Иванович Белинский

Дорогами войны. 1941-1945

Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481801

*Дорогами войны. Сборник воспоминаний: Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-080-8*

Аннотация

Сборник «Дорогами войны» – это сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. В числе авторов сборника – моряк, тонувший в водах Балтики во время эвакуации советских войск с полуострова Ханко, а затем воевавший на Ладоге, где был тяжело ранен; артиллерист, дважды раненный под Мясным Бором; донской казак, которому досталась нелегкая доля отступать в донских степях летом 1942 года; и, наконец, командир пулеметного взвода зенитчиков, которому довелось в мае 1945 года побывать у стен рейхстага в Берлине. Со страниц этой книги говорит невыдуманная, неприкрашенная правда, повествующая, какое это страшное, тяжелое дело – ратное противоборство. И одновременно каждая строка книги утверждает великую истину:

мы победили в Великой Отечественной войне потому, что на защиту Родины стал весь народ на фронте и в тылу.

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
Александр ШЕВЧУК	8
Виктор РЕДКОЗУБОВ	60
Даниил КОРОБКОВ	200
Рудольф ПРОТАСОВСКИЙ	287
Коротко об авторах	358

А.И. Белинский

Дорогами войны.

Сборник воспоминаний

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

О Великой Отечественной войне написаны тысячи книг: научные исследования, художественные произведения, публицистические материалы, мемуары военачальников, воспоминания рядовых участников этих трагических и героических событий.

Предлагаемая читателю книга воспоминаний находится в ряду тех изданий, в которых «бойцы вспоминают минувшие дни»... И в то же время этот сборник отмечен некоторым своеобразием, о чем нелишне будет сказать. Перед нами сборник воспоминаний, рассказанных ветеранами – рядовыми участниками тех героических событий. В их числе моряк, тонувший в водах Балтики во время эвакуации советских войск с полуострова Ханко; артиллерист, принимавший участие в боях за освобождение города Тихвина, дважды раненный в боях под Мясным Бором; летчик авиации дальнего действия, который вместе со своим экипажем воевал в небе над Ленинградом, Белоруссией, Финляндией, над

Берлином; командир пулеметного взвода зенитчиков, побывавший в мае 1945 года у стен поверженного рейхстага. В этих воспоминаниях встает во весь рост простой русский человек, который в тяжелейших условиях отступления в донских степях в 1942 году сказал:

– Ишь, сволочь, чего захотел: «Ивэн...сдавайс»! Нет, брат фриц, пока воздержимся!

Рассказы авторов этого сборника отличает та высокая степень правды, которая равна лучшим произведениям художественной литературы о войне, таким как «Василий Теркин» или «В окопах Сталинграда». Это та правда, о которой герой А.Т. Твардовского сказал:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка -
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька...

Со страниц этой книги говорит такая правда: невыдуманная, неприкрашенная, повествующая, какое это страшное, тяжелое, требующее сверхчеловеческих сил дело – ратное противоборство. И одновременно каждая строка этой книги утверждает, высвечивает, поднимает непреложную истину: в Великой Отечественной войне наша страна победила потому, что на защиту ее стал весь народ, от мала до велика,

на фронте и в тылу.

Эта книга – еще один правдивый документ той эпохи, которая навсегда останется в памяти нашего народа.

Александр ШЕВЧУК

А БЫЛО ТАК...

Герой этой повести пронес свою отзывчивую на боль душу через тоску и голод переселенцев, через горечь потерянных надежд и милую робость любви к своей оплаченной и подтвержденной собственной кровью ответственности за жизнь своей души, своей земли и всего беспредельного мира жизни.

Я знаю Александра Шевчука по обороне Гангута, по солдатскому братству, не знавшему, что такое отступление. И я воспринимаю эту повесть как долг исполненной справедливости.

Михаил ДУДИН

1991 год

В ночь на восьмое ноября сорокового, после парада (хватит праздновать!) подняли нас по тревоге. Разбираем оружие, трем глаза... Перед строем – контр-адмирал Трайнин и его начштаба Клевенский.

– Товарищи краснофлотцы! Кто до призыва работал на судах морского или речного флота – выйти из строя! Остальным – разойдись!

До утра вызывал по одному адмирал за перегородку нас и... страшал, страшал морем: «Там, знаете, как укачивает?»

До смерти! Это вам не вдоль лозовых кустиков рейсы совершать...» Только двое «устрашились», не пришли с согласием после завтрака к командиру базы.

«Купцы» приходят и уводят хлопцев – кого куда. Треть учебного батальона ушла на береговые батареи, что южнее Либавы стоят (мы их строили по ночам). Потом пришел черед и нам, «крестникам» Трайнина, кто не убоился тяжелой корабельной жизни.

– Здравствуйте! Я – мичман Бумберс. Я пришел вас пригласить служить... Как это? Совместно с латышскими моряками.

Высокий, крупнолицый, не нашего покроя шинель, пуговицы от плеча к поясу – клином. Мичман вел нас по той же прибрежной дороге, по которой совсем недавно топали мы в полуэкипаж. Латыш напускал на свое лицо окаменелость, но смешинки так и сыпались из его голубых глаз. «Нет, братцы, – подумалось, – с таким ничего не страшно – ни шторм, ни гром!» Пишет бывший матрос Латвийского буржуазного флота Эдгар Залитис: «Посылаю воспоминание о составе эскадры Латвии перед передачей ее в состав КБФ.

1. «Вирсайтис». Водоизмещение 510 тонн, ход 18 узлов.
2. Тральщики французской постройки – «Иманта» и «Вестур».
3. Подводные лодки «Ронис» и «Спидола», два буксира – «Варонис» и «Артиллерист» и шесть гидросамолетов – шведских.

Командовал этой «эскадрой» и довольно спокойно пере-

дал ее командованию советского Балтийского флота бывший царский офицер контр-адмирал Спаде (Это произошло 19 августа 1940 г.)».

В своей книге «Морской фронт» адмирал Ю.А. Пантелеев вспоминает: «Эстонский комфлот после официальных приветствий спросил меня:

– Господин адмирал, когда мы будем поднимать советские военно-морские флаги? Они нам кажутся очень красивыми... Мы к этому готовы.

Как позднее я узнал от контр-адмирала Трайнина, который в то время был в Либаве (весной 1940-го), с подобным же вопросом к нему обратился и командующий Латвийским флотом».

Угольная стенка. Две калошины-тральцы «Вестур» и «Иманта», братец и сестрица. Рядом с ними внушительно выглядит – труба, фок-мачта, мостик, длинная пушка – сторожевой корабль «Вирсайтис».

– Равняйся... Смирно! – командует Бумберс. Выходят на стенку командиры кораблей. Командир (комдив) Межрозе поздравляет нас с вступлением в боевую интернациональную семью...

Оказывается, мы уже распределены по кораблям. Я... приветствую военно-морской флаг нашей великой державы, который весело полощется на корме «Вирсайтиса»!

И попадаем мы, девять славянских гавриков, в волосатые ручки рыжего боцмана Цирулиса.

– Это, значит, ми вас всех сичас настроим... как это сказать? Устроим.

Мне досталось жить под полубаком. Показали рундук, где «все толжно бить как полошено». Спать – в подвесной койке (гамаке), на день – выносить под боевую рубку.

Как в тумане – первый день корабельный. Во-первых, это тебе не «Кулга» – речной трамвай, – на которой я корчил из себя морского волка. Все так необычно: трапы, кубрики, столы висячие, бачковые, обед, знакомство с товарищами-латышами, с русскими – легко потерять себя самого. И сон... не сон, бдение с думой: как бы к утру не уснуть и не проспять койку вязать (пеленать, как египетскую мумию).

Гулкие шаги вахтенного... по голове!

Называя корабельную службу «каторжной», адмирал Трайнин, наверно, имел в виду угольную погрузку... От себя скажу: всякая работа из-под палки – каторга. А в то утро...

Надели робы, на руки – рукавицы, в рукавицы – ручки тачек (кой-кому достались корзины – это хуже), и...

На стенке – оркестр из латышских капралов-сверхсрочников.

И:

Утро красит нежным светом...

И:

Наверх, вы, товарищи...

Молодцы-черти, все разучили трубачи!

– Пошел, пошел, Иванов! Березкин, не сачкуй! В яму, в

яму угольную не угодите! – шумит Петя Акентьев, машинист-одессит.

Тут же, возле ямы, крутится юлой рассеянно-озабоченный механик Киртс (копия импресарио из кинофильма «Цирк»!).

– Ой, салага, на кого ты похож? – смеется мой старшой Смирнов.

– А ты? – парирую я. – Точь-в-точь абиссинский негус! Потом два часа мыли, чистили, скребли, мылись, стирали... Проголодались.

Как замечательно кормят у нас на флотах! Традиция.

И вот он, момент! По всем палубам, кубрикам звонки: длинный – два коротких, длинный – два коротких.

– По местам стоять! Со швартовых сниматься! (И то же самое по-латышски.)

Шипит пар, дым из высоченной трубы нашего сторожевика накрывает черным одеялом берег, «Иманту», «Вестурс».

– *Мазу уз прекишу* (малый вперед)!

Звяк машинного телеграфа... Командир – грозный, неприступный – руки по швам – парадно вышагивает по мостику с крыла на крыло. На верхнем мостике у главного компаса (мое заведование) хлопочет чистенький, открыточный (усики-пиявки, пробор на голове) лейтенант Стурес.

Легли на створ – по корме – на выход из средних ворот гавани. Корабль, как перед старыми знакомыми, начал раскланиваться перед каждой встречной волной.

Мне стало плохо... Пресловутый ком перекрыл горло. Пулей с мостика! А там... вдоль борта уже склонили свои гордые головы Ваня Березкин и мой отделённый старослужащий Смирнов, и прочие лица... (Это позорное кормление рыб было у меня в первый и последний раз. Так «не ругай меня, мамаша», как поется в одной популярной песне.) Из дымки на горизонте – проблеск прожектора: тире-точка – буква «наш», сигнал об открытии артогня. И – фуurr! фуurr! фуurr! Три снаряда, от полета которых воздух ходуном ходит! Три попадания в парусиновый щит, что у нас за кормой на буксире. Так стреляет крейсер «Киров»!

Вот он, выполнив задачу по стрельбам, приближается к нам. Стремительно вырастают из воды тренога мачты, дальномеры, трубы, орудийные башни... Горнист играет «захождение». Становимся лицом к проходящему мимо нас крейсеру. Красиво! А ход! Говорят, торпедному катеру не догнать его.

Мы тоже стреляли. Щит для нас таскал «Вестурс». Стреляло носовое орудие Яши Румянцева. Результат: недолет, перелет, попадание. Комендоры утверждают, что это хорошо, по всем правилам-наставлениям. М-да...

А «Киров» – то лучше нас работает!

Уходим на зимний отстой к Усть-Двинской крепости, в Болдераю (пригород Риги). Декабрьские волны вскидываются на верхний мостик. Бедные «Вестурс» с «Имантой»! Как бы не утопли – только мачты из воды торчат.

При нашем заходе в Ирбенский пролив ветер вроде бы приутих. Но тоже – крен под сорок градусов!

Правый поворот.

– Флаг «покой» до места! – командует Стурес.

«Вестурс» и «Иманта» повторяют сигнал. И тут... у меня из рук ветром вырвало фалинь.

Флаг с прищепкой-клёунтом у самой реи! Это означает для идущих сзади: все время руль держи вправо. Мигом, ничего никому не сказав, по вантовому трапу... Коленки дрожат от холода (больше от страха): вот-вот сорвусь. Мачта – хорошая праща, далеко забросила бы, дурака. Не гляжу вниз, лезу, пытаюсь даже петь что-то героическое, но уже и «мама» не сказать. Рея! Но до нока по ней еще надо проползти около двух метров, держась за оттяжки...

И вот – флаг в зубах!

Вниз спускаюсь без песен. Получил за «отвагу» три наряда.

Говоря теперешним языком, наша зимовка в Болдерае была продуктивной: мы с Березкиным стали настоящими сигнальщиками (семафор, световая морзянка, флажный свод сигналов, правила совместного плавания, силуэты кораблей, ведение журнала)!

А универсальный спец Бумберс учит сухопутному бою: коли, стреляй, бросай гранату! Хлопцы, которые недалеко-видные, ворчат:

– Нужна нам эта пехотная грамота, как попу гармонь. (Все

пригодилось вскорости!).

Для развития мускулатуры – дважды в неделю в крепости катаем мины, снаряды нянчим... Зато уж в увольнение на берег... Щедрый Межрозе отпускает в среду, в субботу, в воскресенье!

– Девушка по-латышски – *мэйтэнэ. Эс юс мылу* – это значит: я вас люблю, – натаскивает нас, салажат, все тот же многоопытный Бумберс.

Замполит Фролов:

– Пожалуйста, помните, что вы – советские моряки! И чтоб по форме... В зимних шапках!

Сходим на берег, ищем сугроб поглубже, шапку – в снег, подругу боевую, бескозырку, на голову! А патрули в Риге – *сухопутные – ребята путные!*

А больше, кажись, ничего такого не нарушали.

Нарушали! Со стыдом вспоминаю вечер встречи с шефами, с рабочими завода ВЭФ, в канун Дня Красной Армии. Латышечки, беленькие, стройненькие, пели, чинно прыгали в танце. Мы тоже. Коля Гребенников, радист, играл на гитаре. А потом, крутанув в воздухе свой инструмент, пошшел бить чечетку!

Но один наш, как говорится, дурак испортил песню – мой старшой Смирнов. Мы вчетвером несли его, пьяного, через весь город, а он... Никогда я не слышал такого грязного сквернословия. Дали мы ему!..

На корабль присмиривший Смирнов шел своим ходом.

Март улыбается... рот до ушей! В большом носовом кубрике:

– Дорогие товарищи! – говорит замполит. – Сегодня мы встречаемся с замечательным сыном латышского народа, известным писателем-коммунистом Вилисом Лацисом! Мы знаем его по книгам, по всей его трудовой жизни и просим быть нашим депутатом в Верховном Совете...

Лацис, скуластый, широкоплечий, как-то весь сжимается от смущения, ломано говорит по-русски, потом по-латышски. Сын рыбака... Помню его веселое обнимание с нашим Леоном Бумберсом – оказывается, они однокашники по старой Лиепайской школе инструкторов флота (Латвийского).

Зюйд-вест апрельский гложет, крошит последние льдины в Рижском заливе. Встречаемся с немецким «купцом», с большим пароходом, идущим *«нах фатерланд»*. Приспуская красный с черной свастикой на белом кружке флаг, толстый германец в форменной фуражке кланяется, как нэпман-лавочник. Я тоже салютую флагом, стронув его чуть-чуть с гафеля. Снова – немец, за ним – еще. Идут непрерывной кильватерной колонной из Даугавы в сторону Ирбена германские суда, увозя из Прибалтики своих германцев. Расчищают поле боя? Уже оккупированы Дания, Норвегия... А из Берлина – по-прежнему клятвенные заверения в нерушимости Пакта о ненападении.

«Беспроволочный телеграф»: фашистские самолеты то и дело появляются над Либавской базой. Будто бы наши дозо-

ры на днях заметили у приемного буя, у средних ворот гава-ни, неизвестную подводную лодку.

В дозоре. Боевая готовность № 2. Ходим между Либавой и «заграничной» Палангой (Германия два года назад ее захватила у Литвы). Справа на горизонте, в трех милях, цепочка торпедных катеров. Не наши, конечно, немецкие. Июнь, начало лета, а летней радости нету, – как перед грозой с градом. Пограничный катер у борта. Ребята сказали, что вчера на внутреннем рейде в Либаве совершил «вынужденную» посадку немецкий гидросамолет. Наши арестовали летчиков, но из Москвы велели срочно отпустить, оказать помощь всяческую... Улетели фашисты!

19 июня. Я в госпитале (заправляя катер, наглотался бензина). Кострицкий, моторист:

– А сегодня мы в дозор уходим, поближе к Риге...

– Подожди меня! – прошу приятеля, и – к милосердным сестренкам:

– Дайте мне мою одежду! Скажите, что сам нашел...

Палдыес! Спасибо!

(22 июня в полдень фашистскими торпедными катерами был потоплен транспорт вместе с больными Либавского военно-морского госпиталя...)

Ирбен. Оба берега видны: эстонский остров Эзель и латвийский мыс Колка. Четыре пограничных «Охотника» с нами в дрейфе.

20-21 июня. Ничего существенного. Может, только по-

меньше германских судов прошло мимо нас из Риги. А погода!..

«Двадцать пятого, – говорят, – смена придет! Интересно, пустят ли нас в увольнение в этот раз?» (Думается о чем угодно, только не о том тревожном, о чем думалось в дозоре у Паланги.) «Собачья вахта» – с полночи до четырех утра. Стоим с молоденьким лейтенантом из подплава, взятым «напрокат» (забыл его фамилию). Стурсеса к этому времени списали с корабля.

– Что-то много рыбацких судов – идут и идут в пролив, на выход.

– А ну-ка, освети их прожектором! – приказывает лейтенант. Не похоже на рыбаков, одеты чисто. – Ладно, – заключает штурман, – они никакой опасности не представляют. А там их еще погранкатера прощупают...

22.06.1941. 04.00. Смена вахты. В той стороне, где Виндава, сверкает что-то. Молния? Но ни одной тучи на небе. Снова всполохи.

– А может, это наши корабли... Учение, готовность № 2? – рассуждает Березкин.

Будим командира. Командир:

– Радиста ко мне!

Заспанный Коля Гребенников доложил... что не может связаться с базой:

вышел из строя наш допотопный передатчик.

Полным ходом идем поближе к мысу Колка, там должен

быть пост наблюдения и связи. Семафор на берег: «Вышла из строя рация, жду указаний, смены...» А с поста в ответ – крутит и крутит сигнальщик только одно слово: «война», «война», «война»...

12.00. Гребенников починил радио. Выступление Молотова... Как обухом по голове!

Иван Федорович, замполит, обычно улыбочивый, сейчас хмурый, осунувшийся:

– Товарищи краснофлотцы! Подлый враг напал на нашу любимую Родину, рассчитывая внезапностью удара смять нас, поставить на колени, уничтожить завоевания Октябрьской революции. Отбросим, товарищи, благодущие... Враг очень силен. Но мы – большевики! И мы обязательно победим! А если придется... умрем как люди.

Орудия, пулеметы – в небо, в море. Пока – ничего. Параллельно нашему курсу носятся, вспенивая воду, пограничники.

– Справа девяносто – силуэт эсминца! – докладываю.

– Запросить опознавательные!

Наш. «Грозящий». Морзянка: «Следуйте в Ригу, остаюсь на линии дозора».

17.00. На траверзе – остров Рухну. Сзади, в Ирбене, – артпальба.

Темнеет. Барашки волн. Прямо по курсу – силуэты кораблей. Запрашиваем пароль – опознавательный. Идут в сторону Ирбена крейсер «Максим Горький», эсминцы «Гордый»,

«Гневный», «Стерегающий».

...А это впереди не туча, это наши легкие силы на рейде Усть-Двинска с «Кировым» во главе. Без огней. Пропускают нас в Даугаву.

Всю ночь в Мильгрависе, задыхаясь от черной пыли, грузим уголь (одна труха). К рассвету сполоснули корабль кое-как, приводим в порядок машины, оружие. Солнце выскочило из-за сосен... Самолеты. Со стороны залива. Кто-то сказал: «Наши...» Самолеты разворачиваются над эсминцами, грузящими у стенки напротив... мины. Рев, свист, грохот такой, что кажется – земной шар раскалывается! А с берега, от складских помещений, пулеметные очереди... Фонтанчики угольной пыли у самого нашего борта. Крастыныш, Румянцев, еще кто-то с винтовками побежали к пакгаузам, «айзсаргов», местных фашистов, уничтожать. Вернулись ни с чем. Нигде никого.

В устье реки Бульупе. Грузим, таскаем в погреба снаряды из крепости: только здесь мы можем пополнить боезапас, только здесь еще остались снаряды к нашим чехословацким пушкам. Забираем даже болванки учебные – пригодятся!

В темном копотном небе сплошной вой, вспыхивают и гаснут разрывы снарядов... Бьют из-за крепости зенитки «Кирова». Прожектора...

Ага! Попался, гад! Крест на желтом пузе. Пули, пули цокают рядом со мной!

– Самолет пикирует на нас! – ору, как поросенок недоре-

занный.

Межрозе:

– Что за базар? Спокойно надо докладывать.

Рядом – стук пулемета. Крастыныш... Ура Крастынышу: фашист, не выходя из пике, хлюпнулся в Даугаву!

Какое сегодня число? Никто не знает. Авиация противника атакует нас непрерывно. На рейде, в устье Даугавы – пароходы, мотоботы... «Неужели уже эвакуируют Ригу?»

Все, что скопилось на рейде, нам приказано сопровождать в Моонзунд. Головным идет «Вирсайтис», замыкает этот китайский флот «Иманта». У «Иманты» на буксире три торпедных катера – нет бензина своим ходом идти. Небо – горячее марево, вызывающее слезы, если долго смотреть. Одиночные «желтобрюхие» летают мористее, видимо, охотятся за нашими крупными кораблями, ждут, когда те пойдут в Ирбен. А нам и мелководный Муху-Вяйн годится.

Со стороны залива, прямо к нам идет-стучит рыбацкий мотобот. Видим в бинокль: на мотоботе, испачканные в чем-то белом, контр-адмирал Трайнин и капитан 1-го ранга Клевенский, новый командир Либавской базы. Оказывается, шли на торпедном, катер скис, пришлось прибегнуть к помощи рыбаков. У нас была бочка бензина. Ушли высокие гости на одном из наших катеров назад, к «Кирову».

«Постой, постой... А почему здесь Клевенский? Неужели уже оставили Либаву? А корабли у «Тосмаре»? А батареи, что мы, салаги, помогали строить? А наши ребята?..»

(Только после войны все прояснилось: Либава героически оборонялась больше недели. А Ригу... штаб Северо-Западного фронта оставил уже вечером 22 июня. Восьмая армия, отступающая от Либавы и Виндавы, вела в эти самые дни, дни нашего отхода в район Эзеля – Даго, ожесточенные бои с фашистами восточнее столицы Латвии.)

Латвия... Уходят твои сыны. Без боя почти... Боцман Цирулис, чуть свободная минута, гладит всеобщего любимца команды, старого кобеля Джека, что-то говорит ему тихо по-латышски. Джек – смирный, притихший, напуганный. Не узнать собаки. Как услышит за облаками звук летящего «юнкерса», начинает, задрвав лохматую морду, подвывать. А бывало...

– Джеки, – просят его матросы-латыши, – покажи, как баришня входит в баню.

Джек становится на задние лапы...

2 июля. Узнаём от комиссара (введен институт комиссаров) Фролова о наших потерях.

Товарищи, на всех направлениях идут ожесточенные бои. Враг несет потери, теряем и мы... здесь. Кроме «Сторожевого», который был поврежден в Рижском, погиб эсминец «Гневный». Помните, он сопровождал крейсер «Максим Горький»... «Горький» тоже, оторвало носовую часть. Это произошло северо-западнее Даго, там фашисты выставили минную банку. У нас мало тральщиков, потому-то и «Киров» проходил по углубленному земснарядами проливу Му-

ху-Вяйн...

Ух, сколько нас тут скопилось, в Моонзунде! «Сильный», «Сердитый», «Смелый», «Стойкий», сторожевики «Снег», «Туча» – из «дивизиона хреновой погоды», как его на Балтике величали. Готовятся к походу в Рижский залив.

Бухта Трииги, северо-западная кромка Эзеля. Радио в кубрике:

– Братья и сестры, соотечественники, к вам обращаюсь я, друзья мои...

– Тише, тише! Сталин говорит! Сталин!

– Сейчас решается вопрос: или – или...

Суровы лица моих боевых товарищей... («Если придется, умрем как люди...»)

Вот какое дело: наш Межрозе уходит от нас... на повышение. «Ведь он капитан 2-го ранга, а на таком малом корабле», – объяснили нам. Жаль. Очень даже жаль.

Пришел новый, шумный, круглый, небольшого роста старший лейтенант, грузин. Широкая, как решето, фуражка с крохотным козырьком.

– Команде купаться! – с ходу приказал новый командир. Всеобщее удивление (а вдруг самолет сейчас?..). Но мы уже три недели не раздевались и не разувались. Стоим в трусах на баке, у ног бескозырка... Так положено: если после купания твоя бескозырка будет одиноко лежать, значит, ты того... пошел к морскому шкиперу...

– В воду!

Сигаем с высоты шести метров прямо в жгучий, как крапива, студень медуз. Бррр! Разгребаю эту нечисть, не знакомую мне ранее, ищу место почище и... натываюсь на притонувший труп краснофлотца...

Счастливым новым командиром: пока мы пребывали в обществе медуз, ни один «стервятник» не появился над нами.

А зовут нового командира Гриша. Фамилия? Зачем фамилия? Гриша и Гриша. Гришу знает вся Балтика! Сколько анекдотов про него ходило до войны! «А помнишь, как Гриша из отпуска возвращался? Командование получает от него телеграмму: «Масква – столица нашей Родины, задэрживаюсь на двое суток...»

17 июля. 23.30. Справа по носу темная полоска острова Муху.

– Прицел 130, целик... Орудие... Залп! – корабль дернулся.

– Орудие... Залп!

Ведем огонь по батарее противника, по Виртсу. Мористее бьют – перепонки трещат! – три наших миноносца. И еще с Эзеля, береговые стволы Елисеева.

Высадились наши. Триста краснофлотцев. Путь в Рижский залив свободен!

... Не успеваю записывать в журнал. Сегодня нас бомбили двадцать восемь раз. Уже не страшно. Остолбенел.

Пикирующий бомбардировщик Ю-87. Неубирающиеся шасси – ноги грифа, стервятника. А когда он, «стервятник»,

вываливается из-за облаков... кажется: с телеги камни сбрасывают (крестьянское восприятие).

Пишу первое, с начала войны, письмо родителям, на Украину. Уцелевший чудом после бомбежки пробитый осколками почтовый ящик на столбе... А уж местность та, куда написал... Радио на штабном пароходе: «Наши войска, после... боев... оставили город Житомир...» А это уже на 70 километров восточнее моей изначальной малой родины...

Бухта Рохукюля. Снимаемся, идем в дозор в Соэло-Вяйн (между Эзелем и Даго). Не успели выйти за брекватер, на встречу пограничный МО, на носу катера – наш Джек. Он перешел от нас на «Иманту» три дня назад, во время смены дозора...

– Вот только собаку и удалось выловить... – сказали ребята. – Мина... «Иманта», сестрица «Иманта»! Дорогие, золотые хлопцы! Джек жметесь к ногам, дрожит.

...Проходим у острова Вормси. В кильватер за нами – два транспорта, буксиры, цепочка торпедных катеров тянется за буксиром.

Да, следуем в Таллинн. Кончился у нас иноземный боезапас, нечем воевать.

Моонзунд для нашего корабля навсегда остался за кормой.

Еще до глубокой осени будут прорываться сквозь вражеский огонь, мимо Муху, в Рижский залив наши корабли, будут громить там германские конвои, еще будут ребята Пре-

ображенного летать с Эзеля в «неуязвимое» небо Берлина и загонять в бункер брюхатого Геринга и самого бесноватого Адольфа; еще будут наши бойцы обливаться кровью в неравной драке за архипелаг. Особенно ожесточенные бои разгорятся на южной оконечности Эзеля – Сырве. А потом, после ухода командования обороной на Ханко (и дальше – самолетом – в Кронштадт), оставшиеся... кто пулю в лоб, кто переправится через Ирбен на латвийский берег в партизаны, а кого на связанных колючкой бревнах прибьет к берегам нейтральной Швеции.

Выживут они и еще долго будут трудиться на родине, на дальних лесосеках...

Моонзунд...

Главная база Балтфлота – Таллинн. Редкие самолеты на большой высоте. Зато другое беспокойство – проверяющие. Химик, минер, связист, кто еще?

Комиссар Фролов ворчит:

– Сотни раз немцы нас проверяли за этот месяц.

Как дикари набрасываемся на газеты, принесенные из политотдела. Но... хоть не читай: «оставили», «отошли»... Что происходит? Что-то немислимое.

С мостика эсминца «Карл Маркс», из репродуктора:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Мурашки по телу! Это даже не песня, а крик!

...Таллинн окружен! 7 августа немецкие войска рассекли пополам нашу 8-ю армию и вышли на берег Финского залива в районе Кунды. Эту новость мы узнали 8-го утром во время погрузки угля, под «музыку» главного калибра крейсера «Киров».

В полдень снимаемся. В Кронштадт. Там нам поменяют пушки: на две наши «иностранки» осталось десять фугасных снарядов и болванки учебные.

Гриша привел штурмана, лейтенанта с черным чубом:

– Георгий, – отрекомендовался лейтенант. («Жора», – подумали мы.)

Два транспорта грузятся в ковше. Боже, сколько же он, гад, народу накалечил! В порт на машинах и всяко прибывают и прибывают раненые. Небритые, глаза запали.

Идем. Впереди «Клюз» и «Ударник» с тралами, потом мы, главная сила конвоя (с десятью снарядами), за нами транспорты, шаланды, мелкие катера – все облеплено-увешано увечными, травмированными.

Ход, естественно, в час верста – только кустики мелькают, по поговорке. Едва приготовились у Наргена сделать правый поворот – «юнкерсы»! Группа. За ней – еще, еще. Идут низко, словно на посадку. И – пулеметно-пушечным огнем по надстройкам, по палубам, по ногам, по головам... Истошные крики. Раненые поднимают в небо костыли, культяпки. Наш огонь – мимо: уж очень низко летают!

– Перископ слева! – кричит Березкин.

– Орудие – левый борт!

Вдруг – черная копна взрыва выросла на том месте, где был перископ.

Видимо, германская субмарина с миной встретилась.

Снова «юнкерсы». Две бомбы. Нам!.. Нет, мимо. Вот он, фашист, на выходе из пике. Носовое Румянцева – хрясь! Снарядом-болванкой ему по хвосту!

О, как они, фрицы, хорошо умеют нырять! Это вам, сволочи, за раненых на пароходах, за «Иманту»! Еще не так вас будем колотить, погодите!

Две «Чайки» (И-15), родные «этажерочки» встречают нас, покачивая крыльями. Толбухин маяк открылся. Дошли!

...Издавна на флоте о командире корабля, о талантах его судят по швартовке, постановке на бочку и якорь.

Наш Гриша... Нет, он, по-моему, в этот раз превзошел всех командиров: с каким шиком он, бросив якорь (там, где надо), пролетел впритирку мимо стоящего эсминца, дал задний и, аж присел «Вирсайтис», остановился в тридцати сантиметрах от стенки. Приготовленный Цирулисом кранец, для смягчения удара, не понадобился. Молодец, грузин!

Скребки – в руки! Сурик, старый кузбаслак. Едкая пыль обволакивает нас под корпусом, разъедая кожу на лице. Маслопупы в машине ковыряются, рабочие морзавода крепят на баке и на юте площадки для новых стомиллиметровых орудий, а еще будут две сорокапятки, пушка-автомат тридца-

тисемимиллиметровая. Во! Теперь, простояв недельку в доке, мы будем больше похожи на боевой корабль. А то новый штурман Жора признался, что он, когда увидел в Таллинне «Вирсайтис», подумал: «А это что за пароход?»

29 августа. Вышли из дока и... при выходе из гавани нос в нос встретились с крейсером «Киров», он шел в сопровождении двух эсминцев. Пассажиры – сухопутные, гражданские на борту. Неужели... Таллинн пал? И это – все, что осталось от флота, самого сильного в Союзе? Только дней через десять мы узнали от ребят с миноносцев подробности перехода – как шли по минным полям, под непрерывными ударами вражеской авиации (нам было в сто раз легче).

Не погиб, жив, несравненный, как поется в песне, Балтфлот! И он еще себя покажет.

Куда мы идем? В Ленинград? Зачем? Чайки барражируют над Маркизовой лужей. Морской канал. У каменной отсыпи – грозная громада линкора «Марат».

И может, это редкость в истории Ленинграда – днем разводят мосты, пропуская нас. На набережных любопытные. Ох, не на парад корабли вошли в Неву, не на праздник...

В темноте подошли к Понтонной (двадцать с лишним километров от Ленинграда). Катер ЗИС по корме. Гриша:

– Сигнальщик! Спроси в мегафон: куда топаешь, сороконожка? (Я повторяю слова командира, он не терпит никакой редакции своих приказаний.)

– Я командир отряда, Чероков, – ответили из темноты.

Командир отряда приказывает немедленно продвинуться вверх по реке в район Корчмино и оттуда открыть огонь по Ивановскому, куда прорвались уже немцы.

Все окрест осветилось вспышками наших новеньких со-ток! Мы так близко подошли к позициям немцев, что на наш огонь они сразу же ответили... минометным огнем (тоже небывалый в истории случай).

Мины с противным визгом перелетают через нас, и их квакающие разрывы слышны у противоположного берега. Угломонили мы тех минометчиков. Утром – отходим вниз, к заводу на Понтонной. А с заводского причала:

– Не подходи! Стрелять буду!

Что такое? У нас приказание... А это, оказывается, охранница... Прямо на мостик направила свою двустволку. Увещевали. Ни в какую!

Тогда Гриша, в шутку:

– Носовое орудие – на правый борт!

Яша Румянцев принял игру, разворачивает длиннющий ствол прямо на ретивую тетку. Но не такие ленинградки, чтоб убояться какой-то стомиллиметровки!.. В общем, если бы не подоспел ее начальник, пальнула б заполошная тетка из ружья по мостику.

Кроме сигнального и рулевого дела я – пулеметчик. Мой «Виккерс», родной брат нашему «Максиму», укреплен на правом крыле мостика.

Меняю охлаждение – воду с глицерином, смотрю, как там

у меня со смазкой замка, и, сам не помню, как это случилось, – скользкий, масляный замок совсем неслышно – шух за борт... В жар и холод бросило меня. Это же трибунал! Рядом – Иван Федорович, комиссар:

– Ты чего? На тебе лица нет.

Я доложил: так, мол, и так.

– Ты никому об этом не докладывал еще? Успокойся. На будущее наука. Сегодня эту рухлядь, – он кивнул на пулемет, – стащим в заводской металлолом, а нам, взамен «Виккерсов», поставят новенькие ДШК. Отличное оружие!

А меня колотило всего до самого вечера. Пришли и стали на огневую позицию у поселка Свердлова эсминцы «Строгий», «Гордый», «Славный». У Невского лесопарка притулился «Стройный», канонерская лодка «Красное знамя», канонерки (бывшие самоходные баржи-грунтовок) «Зея», «Ока», «Сестрорецк»...

Приведу еще несколько строк из книги адмирала Ю.А. Пантелеева «Морской фронт»:

«Невская оперативная группа начала создаваться лишь в сентябре. Можно себе представить, как сложилась бы обстановка восточнее Ленинграда в районе Невской Дубровки, если бы здесь не была вовремя создана флотом мощная артиллерийская позиция северного берега, не было кораблей, поддерживающих нашу героическую пехоту».

Столб с дощечкой: «Деревня Овцино» (написано с мягким «и»). Вероятно, писали, как и произносили, здешние

немцы, бывшие колонисты. Овцыно. Теперь здесь наша, почти постоянная, позиция.

8 сентября. Баржа со снарядами. В появившуюся над кораблем «раму» (немецкий разведчик) не стреляем: вдруг сдуру сбросит чего-нибудь в боезапас?

Флагманский артиллерист капитан-лейтенант Слизкой прибыл. Будет «работка»!

Боевая тревога. Тревога на лицах командиров. Потравили носовой, чтоб носовая и кормовая могли стрелять в сторону реки Тосна.

Говорит Гриша:

– По данным разведки, враг готовит переправу через Неву с целью соединиться с финнами. Мы нанесем удар... Сигнальщики, пока комендоры работают, смотрите в оба – возможна ответная атака с воздуха.

– Носовое... Кормовое... Прицел сто двадцать восемь...
Огонь!

Били до трех часов утра, с перерывами для изменения корректировки.

Потом... они... плыли...

Радио: *«От Совинформбюро. 8 сентября наши войска оставили город Шлиссельбург...»* Немцы на берегу Ладоги!

Одиночный самолет, сыплет листовки. «Доблестные бойцы и командиры рабоче-крестьянской Красной Армии! Вы сделали, что могли... Вы окружены, ваше положение безна-

дежно. Переходите на сторону войск Великой Германии, вы получите мир, хлеб, жизнь. Настоящая листовка является пропуском...»

– А больше, фриц, ничего тебе не хоцца? А? – спрашивает пространство машинист Акентьев, одессит из города Николаева. Петя Акентьев вынес из машинного патефон:

Татьяна, помнишь дни золотые...

Поет Лещенко (да не Лева, а тот, старый). Под элегическую музыку Акентьев пускается в воспоминания.

– Понимаешь, только я, это, сошел с трапа – я тогда на «Марти» служил, – смотрю: идет... глаза, брови... Идет! А сама – раз-раз глазами на мене. Подхожу к ней, представляюсь: «Петручио! Из Одессы!» И – под ручку. А она, понимаешь, дрожать начинает. Ну, тут я...

Петручио, Петручио... Что бы мы делали без твоей травли?

В темноте вполнеба сплошное, бесконечное вибрирующее зарево – передовая. Не условное, а настоящее огненное кольцо.

Ребята собираются в разведку. Петя Акентьев, кок Костя Головин. Придирчиво осматривает их снаряжение старший группы, бывший командир погибшего недавно катера МО лейтенант Чудов – высокий, плечистый, сапоги гармошкой. Старик Лерхс, латыш-сверхсрочник, просится в развед-

ку, его не берут (он 1895 года рождения!). Не взяли и меня. «Еще успеешь!» – сказал Чудов.

Напоролись наши ребята на немецкую разведку – в темноте, в болотине. Ранен Акентьев. Осколком гранаты, ниже спины...

– Гад буду, я не поворачивался к фрицам задом! – оправдывается Петро.

(Верно, граната разорвалась за спиной у него.) Идти в лазарет на плавбазу «Банта» Петручио отказался наотрез: боялся всенародного осмеяния своей раны.

16 сентября. Принимаем письмо моряков-балтийцев к ленинградцам... «...Мы даем вам священную нерушимую клятву: пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие – не бывать фашистской сволочи в городе Ленинград...» Крастыньш Арнольд:

– Почему, товарищ комиссар, нам отказывают быть на береговом фронте?

Я хочу брать фашистов... как сказать... за шею!

Комиссар:

– У меня шестьдесят рапортов с аналогичной просьбой. А кто же будет стрелять из наших замечательных орудий, кто будет поддерживать огнем наших бойцов, обливающихся кровью под Колпином и Пушкином? Вы слышите голос нашей артиллерии? Когда-нибудь, я верю, скажут: «Артиллерия спасла Ленинград».

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск Невской струи...

На всех тумбах и углах домов – портреты Джамбула Джабаева, великого казахского акына. И стихи... Ленинградцы, гордость моя!

Как изменился Ленинград за месяц! В окнах первых этажей мешки с песком, щели во дворах и скверах. Строй за строем с винтовками и противогазными сумками через плечо – ополченцы, салаги наши стриженные. На ленточках: «Бригада подводных лодок КБФ».

Мы с мотористом Кострицким держим на руках бьющийся о стенку у Смольного катер, ждем командование отряда с совещания. За поворотом Невы – раскаты орудийных залпов линкора «Октябрьская Революция», крейсера «Киров».

...А у нас – позор! – на борту заседание трибунала флота. Бледный, аж светится, на скамье перед судом мой бывший командир отделения Смирнов (доигрался!). Я с винтовкой – слева от Смирнова, рулевой Семенов – справа.

«...За самовольный уход с корабля во время боевой тревоги, отсутствие его на боевом посту в течение двух часов, пьянку... именем Российской Советской... бывшего старшего краснофлотца... приговорил к высшей мере наказания...» Волосы у меня поднялись под бескозыркой! А Смирнов... улыбается... Что он, с ума съехал? Страшно!

Резко ухудшилось питание. Соевая кашка – ложки две, кусочек хлеба...

Но еще хуже – нечем стрелять: норма – три снаряда на орудие в сутки.

6 ноября приехали артисты. Джаз Скомаровского в краснофлотской форме... Но... поступила заявка армейцев на обстрел немецких позиций. И Гриша решает: оставить прислугу носового орудия воевать, концерт не отменять! Пушка ухала, корабль дергался. Случалось – гильза скатывалась в люк, к ногам молоденькой певицы (кажется, это была Ольга Нестерова).

Были исполнены – на «бис» – «Чайка смело пролетела...», «Синий платочек» – довоенный, где еще пулеметчик не строчит... Вспомнилось мне Толмачево, Красный Вал... Так и разреветься недолго.

Настоящим праздником было известие по радио о торжественном собрании в Москве, посвященном 24-й годовщине Октября, где с докладом выступил Иосиф Виссарионович Сталин! А потом еще весть о параде на Красной площади. Мы, молодые, – ничего, а у некоторых старослужащих – слезы на глазах...

8 ноября. С самого утра беспорядочный – по площади – обстрел акватории. Я – вахтенный у трапа. Бушлат. Тулуп. Винтовка. Подсумок. ...Разрыва не слышал. Что-то ударило в живот, опрокинуло на спину. Горячо... Встаю на колени, распахиваю тулуп... Бляха покорежена наискось...

Осколок... И – крохотная царапина на животе!

Ввиду контузии (испуга, скорее всего!) лежу в медкаюте, читаю газеты. *«Ожесточенные бои на Вяземском направлении. На подступах к Ленинграду немецко-фашистские войска вынуждены в ряде участков перейти к обороне... Оборона столицы на рубежах... поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову»*. Портрет Жукова.

13 ноября. Лед, снег. Нева в торосах. Значит, здесь нам зимовать?

13-го, после обеда. Буксир-ледокол, уверенно круша лед, подходит к нашему борту. Авральные звонки.

– Со швартовых сниматься!

«Вирсайтис» нехотя, как заспавшийся человек, разворачивается на след буксира, лед за кормой варится. Идем вниз. К лесопарку? В Ленинград?

Вопросов задавать не положено.

– Смотреть по бортам! – шумит Гриша.

Прошли лесопарк. Так же ушли, еще до праздников, эсминцы «Гордый» и «Славный».

Гранитный столб. *«С этого места в ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) 1917 года...»* Здесь стояла «Аврора», у моста Лейтенанта Шмидта, теперь – «Вирсайтис».

Лед взломан на Неве кораблями, встает на дыбы. Полярная ночь... Прожектора в небе...

Ффуууррр! Хгах! – снаряд. Прямо посередине моста. Ффуууррр! Хгах!.. Город молчит, не отвечает. Ледяное без-

молвие. Ленинград! Это – ты?

Приказ: следовать в Кронштадт. Раздвигаем льдины, идем Петровским фарватером, по свежему следу – ходят наши, несмотря на то, что фрицы сидят сразу же за торговым портом и лупят, и лупят по заливу. Вот и нас заметил фашист, начал лед колотить, дышло ему в печенку!

В Кронштадте: грузим уголь, боезапас (побольше, говорят, берите!). Продуктов не дают. «Там получите». Где «там»?

За Толбухиным нет сплошного льда – каша. 17.00, а уже стемнело. Снег в глаза, волна, покачивает слегка.

Давненько мы в море не были! Идем на запад одни, без поддержки на случай.

– На румбе?

– Двести семьдесят.

– Два градуса вправо.

– Есть два градуса вправо.

Черная стена ночи. Горят, вспыхивают и гаснут гребни волн, светятся фосфоринки в соленой студеной воде. Сноп огня из трубы.

– По этому «пожару» нас и засечь нетрудно. Подлодки караулят... – говорит комиссар, прижимая к глазам бинокль.

Гриша нагибается к переговорной:

– В машине! Что вы мне фейерверк устраиваете... В Хельсинки видать!

Светает. Вернее, сереет. Поперек курса – темная гора. Го-

гланд. К зюйду от острова – эсминец дозорный прохаживается.

Втискиваемся в бухточку под горой. *Сууркюля* (Северная деревня). Гриша с комиссаром в штаб сбегали и:

– Приготовиться к походу!

– Фьюуууу! – это не дудка боцмана, это мы, кто был на мостике, издали такой звук, когда узнали, что идем на Ханко, народ увозить оттуда. Ханко... Это было единственное место в начале войны, где наши войска не отступали. Наоборот – брали у противника острова, охватывающие с двух сторон нашу военно-морскую базу.

...Ну, двинулись.

– Справа пять – мина!

– Слева сорок – мина!

Черный шар качается на волне, ожидая жертву. Четыре отростка-«рогульки», как окрестил их потом Зоценко.

– Сигнальщик! Сигнал: вижу мину. Лево на борт! Комендоры, мину расстрелять! – несется с мостика.

Братья пушкари суетливо наводят сорокапятки... Бац, бац, – и... мимо! Наконец сам Леонид Петрович Бумберс выстрелил. Попал!

Но взрыва не последовало – мина только притонула. А это еще опаснее, чем та, невидимка, на якоре, что ждет тебя под водой, – ту хоть затралить можно.

Мы идем в голове. За «Вирсайтисом» – ТЩ «Ударник», сетевой заградитель «Азимут», транспорт «Вахур»,

ТЩ «Клюз». Замыкают шествие три сверхтихоходных тральщика-ижорца 35-й, 58-й и 420-й. Курс – 230.

Еще крупно видна южная оконечность Гогланда. С веста двинул на нас снежный заряд. Потом – туман, такой, что с мостика кормы не видать.

– Командир! Становитесь на якорь, – приказывает старший в отряде капитан 3-го ранга Белков.

Пытаемся прожектором и гудками передать приказание начальства на задние корабли. Наконец, вслед за нашей справа и слева по корме загремели в клюзах якорь-цепи.

Чуть туман поредел к утру – мы с Лобановым, моим новым отделённым, в один голос:

– Слева по корме – красная башня. Маяк! Расстояние...

Это был Родшер. Жора-лейтенант побежал на верхний мостик пеленг взять. ...Мимо нас, впритирку, «Азимут». Зацепил своим якорем наш, сорвал. Ругань на полубаке на русском и латышском языках (боцман Цирулис во гневе всегда переходит на родное наречие).

– Совершенно турная примета. Эта корабль, когда будет спускаться на тно, и нас саберет, – сокрушается старик Лерхс.

Поход на Ханко переносится на завтра.

19 ноября. 13.00. Курс – вест. Волна. На камнях у Гогланда то и дело взрываются мины, брошенные прибоем к берегу. Грохот вселенский! Со стороны Хельсинки, высоко, в блеклом холодном небе появляется финский самолет-разведчик

и ложится на наш курс, впереди. Кто-то шутит:

– Лоцман!

Пробуем стрелять по нему. Разрывы снарядов (как электролампочки лопаются) на километр ниже цели. Зря палим. Через час «лоцман» передает нас своему коллеге, и так продолжается до темноты.

Мины, мины плавучие... Язык болит докладывать. Что-то будет с нами ночью?

В час ночи вышел из рубки штурман отряда Рабинович:

– Сейчас будет бить двенадцатидюймовка с острова Мяккиулото.

И точно. Далекая вспышка слева. В воздухе – хор-хор-хор и... корабль делает прыжок. Уши заложило, столб воды, поднятый разрывом, своей косматой вершиной достает до луны! Недолет, перелет, по корме, по курсу (совсем близко столбы!)... Это продолжается тридцать минут. Ух!

Снег в глаза. И свет морзянки. Ханковский дозор – канонерская лодка «Лайне». Под артиллерийский грохот швартуемся в гангутской гавани. Камни, каменные лбы-острова торчат из воды. Славные ханковские «ястребки» барражируют над нами. Пакгаузы в порту – настежь: бери, что хочешь и кто хочет чего. Во! Куриное рагу. Жаль только, что хлеба нет. Некоторых наших мореманов после невской голодухи жадность одолела, и теперь... из галюна не выходят.

Посадка. Веселые полуматросы-полусолдаты (по форме). Гангутцы! Ящики, мешки – все закоулки на корабле заняты.

Противник бьет по рейду. Становимся в колонну в прежнем порядке. «Лайне» провожает до поворота у острова Руссаре.

01.00. Снова луна. И снова, как и вчера: хор-хор-хор... Ахх! Работает 306-миллиметровая дура Мяккиулото.

– Мина у правого борта! – голос Яши Румянцева. Даю сигнал на «Азимут»... Пронесло... Взрыв! Что-то тяжелое ударяет меня по затылку (кусок шлюпки). Поворачиваю голову – гора воды и обломков опускается с неба в море. Мне показалось даже... летящие сапоги. Это не мы. Это «Азимут».

Из осевшей горы показалась корма с винтом, люди... Человек семь успел ухватить подбежавший катер МО. Это все, что осталось от команды и от трехсот пассажиров-гангутцев.

Утром узнаем: ночью отстал и подорвался на mine тральщик «Менжинский»... Страшная арифметика: за один переход погибли два корабля... И семьсот командиров и красно-флотцев – молодых, сильных, здоровых! И все же – корабли нашего отряда высаживают в Сууркюле полторы тысячи бойцов! Дальнейший их путь – Кронштадт, Ленинград.

Снова – на Ханко! Вся музыка знакомая – самолет, мины, обстрел – повторяется. И шторм. Жестокий. Треплет нас, конвой растягивается.

– Сигнальщик! На ТЩ «Клюз»: форсировать ход!

Ответ: «Не могу». Потом тральщик швырнуло волной в сторону, и мне не видно, что он там еще пишет.

– Почему не читаешь, в бога... Застрелю! – орет Гриша и тычет мне пистолет в затылок.

– Стреляй, дурак! – я поворачиваюсь лицом к пистолету. В это время из штурманской выходят командир отряда Белков, Рабинович и Жоралейтенант... Неистовый кацо враз успокаивается.

...На обратном пути отстал и подорвался на mine ТЩ «Клюз». Спасенных нет.

Письмо

Здравствуйте, Нина! Я – Шура. Помните? В Новый год в Толмачеве вы меня по голове гладили, успокаивали, когда одиночеством заболел... Простите, что пишу ни с того, ни с сего – больше мне писать сейчас некому. Да тут у нас, у борта корабля, сидит на пирсе дядя Коля, рабочий с «Севкабеля». Он здесь помогал кораблю размагничивать. А сейчас он уйдет на катере в Кронштадт, в Ленинград. Ленинград... Как далеко это отсюда. Далеко не по расстоянию, а по тому... Мы сейчас готовимся... Не знаю, к чему. Все ребята пишут, а дядя Коля ждет.

Это, наверно, некрасиво – писать малознакомому человеку, который сам сейчас – голодный, под бомбами... Но я очень хочу, чтоб кто-то знал на свете, куда я подевался... Мы третий раз идем на Ханко, а в море – сплошные мины.

Прощайте, Ниночка!

Шура. 29.11.41

Р. С. Щенячий скулеж получился, а не письмо. Простите,

Ниночка.

Но переписывать уже некогда – на мостик кличут.

Шура.

– Пижоны! – костит Петя Акентьев своих коллег-маслопупов со сторожевика «Коралл». – Жлоб на жлобе сидит и дрожит над собственной шкурой. У нас вон тоже трубки потекли, а мы идем.

Петя мешает мне сосредоточиться над «Цусимой» (самое время читать такие книги).

– Боцман! – донеслось из репродуктора. – На якорь...

Тихо снимаемся. Идем. В нашей струе – белый, камуфлированный транспорт «Минна», канонерская лодка «Волга», ТЩ «Ударник».

Час двадцать (опоздали финны! Или – мы?). Мяккиулото засекала высокий айсберг – «Минну». Лупит, лупит...

Пять двадцать.

– Справа сорок пять – работает маяк! – ору.

– Это Юссаре. Сейчас определимся, – обрадовался Жора-лейтенант.

– Маяк действует, значит, корабли противника где-то поблизости...

Не успел командир отряда Шевцов это договорить – вижу: четыре точки правее вспышек маячных.

– Справа шестьдесят – торпедные катера! – докладываем в один голос – Лобанов и я.

– Орудие... Осколочными...

Нет, это не катера – медленно приближаются, это что-то покрупнее. Фурррр! – снаряд, прямо по курсу. Второй – за кормой, у носа транспорта.

– Командир, выходите навстречу противнику, атакуйте, пока он нас... Сигнальщик! Сигнал: выхожу из строя, не следовать за мной. На «Волгу»: открыть огонь по кораблям противника! – командует командир отряда Шевцов.

– «Волга» на сигнал не ответила! Продолжает идти прежним курсом, – докладываю.

– Ладно. Сами управимся, пусть охраняет транспорт, – сказал Шевцов. Четыре вражеских сторожевика приближаются строем фронта, пристреливаясь к нам трассирующими. Трасса попала в наш верхний мостик. Убит телефонист. Бегу на кормовую с данными для стрельбы... Не успел подбежать... Крастыньш! Арнольд! (Опять он!) Попал!!! Горит коробка фашистов! Горит! Теперь только одно вражеское судно стреляет в нашу сторону – неровно, плохо. Остальные два сторожевика заняты тушением пожара. Пусть погреются.

...Ложимся на прежний курс. А наши тихоходы так наддали за это время, пока мы воевали, – настигли мы их перед самым последним поворотом на Ханко, у острова Руссаре. Ну, еще раз, здравствуй, многоуважаемая «Лайне»!

Здравствуй, Красный Гангут!

Дым. Дым глаза ест. Если б не ветер – только он и спасает. По всему рейду – от Руссаре до гавани – корабли: «Стой-

кий», «Славный», несколько базовых тральщиков и... громадный плавучий дворец – турбоэлектроход «И. Сталин».

Вслед за «Вирсайтисом» втягивается в начало гавани – мокрый и пуганый – наш отряд. Швартуемся на самом краешке стенки, – поближе к выходу, – не только чтобы при сильном обстреле отойти на рейд, а...

По специально проложенным рельсам слетают и слетают, кувыряясь, в воду гавани вагоны, платформы, паровозы. Вот подъехал грузовик. Дверцы распахнуты, и задом... Успел ли шофер выскочить? Успел. Стоит встрепанный. На высокой скале, как памятник, – лошадь. Живая. Старшина пехотный левой рукой дает ей сухарь, а правой... пистолет... в ухо коняге...

Люди! При чем тут лошади?

Эвакуация.

Барахольщики шныряют по открытым пакгаузам. Климов, строевой из мобилизованных, тащит целую гору бушлатов, форменок.

– Куда тебе все это? – кричим. – Мать честная!

Климов:

– Придем в Кронштадт, попросите: «Дай бушлатик!» А я вам: «А этого (*показывает на нос*) не хотите?»

– Вы мародер, Климов, – совестит старика Жора-лейтенант. – Наполеон армию растерял по лабазам в Москве. Читали «Войну и мир»?

Нет, Климов такой ерундой, как чтение эпопеи «Война и

мир», не занимался. Запихав в рундук и еще куда-то свою добычу, старик семенит на пирс.

Ждем погрузки.

Огненная ночь. Все горит. Взрывы. Корабли с рейда бабахают по передку. Последние часы обороны Гангута. Наши старослужащие, блюдя традиции флота, переодеваются во все чистое. Мы, салаги, смеемся: нас, грязных, морской шкипер не примет.

По рейду, в дыму, по крупной зыби, не переставая стрелять, маневрируют среди всплесков-разрывов эсминцы.

Буксиры подходят к ним, на ходу перегружают мешки, ящики... Ближе к вечеру, отрываясь постепенно от противника, придет на погрузку прикрытие. А вдруг... у них... на плечах...

Свои! Вот кто-то, из наших корабельных, громко зашептал, показывая на командира в краснофлотском бушлате, наброшенном на китель.

– Гранин это, ребята, Гранин!

Мы с умилением смотрели на героя-руководителя дерзких гангутских десантников (19 островов захватили хлопцы у противника с начала войны!). Машинный старшина Данилушкин стал обстоятельно рассказывать, как в Финскую он чуть было не попал к Гранину в лыжный диверсионный отряд, но... Но тут пришлось прерваться Данилушкину – подъехала легковушка. Сам командир базы Кабанов прибыл на пирс – всеобщий любимец ханковцев, хоть и весьма строгих

правил, говорят. Большенный какой! А брови!

Одно слово – генерал.

К нам гости. Артиллеристы железнодорожные. Спускаются на борт по трапу как-то застенчиво. Что вы, ребята! Будьте как дома. Двести сорок человек. Пушек не везут. Взорвали.

02.12.41. 18.55. Снег пошел...

Наверх, вы, товарищи...

Прощай, пылающий Гангут! Воистину красный. Прощай и ты, наша первая потеря у маяка Юссаре. Ты какзалог, что мы еще вернемся сюда. Пусть гранит будет пухом тебе, Богданов из Боровичей...

Командир отряда Шевцов ушел от нас на БТЩ «Гак» – он идет впереди, с тралами, вторым «Ударник», потом мы, за нами «Минна», буксиры. Замыкает конвой главная сила Гангута – эстонка «Лайне». Эсминцы и «Сталин» остались забрать последние тысячи.

Небо горит за кормой!

– По секторам смотреть! Что там у Юссаре?

– Ничего не видно, товарищ командир.

О, красавица вышла, луна. Мы – как на ладони. Надо бы спуститься поужинать, да кусок в горло не лезет – Богданова убитого вижу.

Спускаюсь в кубрик, раскрываю «Цусиму». Ну-ка, Алексей Силыч, свет Новиков-Прибой, что происходит сейчас у вас на «Орле»?..

Хриплый голос Вани Березкина:

– Саня! На вахту. Забыл?

– Иду, иду. Никак от книги не оторваться.

Набрасываю на плечи тулуп. Я на левом крыле мостика, Лобанов – на правом. Как всегда, ботинки у него не зашнурованы, шинель не застегнута:

Лобанов уже тонул, на танкере, в Таллиннском переходе.

Гриша смирный, притихший, стоит возле рулевого. Луна спряталась.

Огромное зарево заколыхалось по корме. Потом донесся протяжный гул.

Потом – еще, еще. Жора-лейтенант вышел из рубки:

– Это «Сталин»...

Молчим. Есть о чем помолчать. Снова – пламя и грохот. Мяккиулото (финская батарея) бьет по горящему турбоэлектроходу.

Ни «Ударника», ни БТЩ впереди: луна скрылась за тучу. Провожу по своему сектору биноклем...

– На левом траверзе – силуэт подводной лодки! В надводном положении! – кричу.

– Носовая... огонь!

Яша Румянцев, словно только и ждал этой Гришиной команды: гхах! Перезарядил: гхах! Попали, нет ли – не видать. И вдруг оттуда, от лодки – фурррр! И еще. Второй снаряд разорвался у самого нашего борта. Осколки искры высекали из Яшиной полубашни!

Огонь! – приказывает Гриша. А подлодка... уже пошла на погружение.

Время 03.30. Ветер – 17 метров в секунду (семь баллов). Температура воздуха минус 13°. Следить за погодой – мой кусок хлеба. Анемометр в руке...

– Смотреть, смотреть! – шумит Гриша.

И без шума ясно, чем пахнет недосмотр. Лодка-то...

Снова светло. Луна! Даже в войну красиво. Впереди замигал зеленый огонек – «Ударник» правый поворот показывает.

– Право руля.

– Руль вправо.

Спускаюсь в большой носовой кубрик – Кузе, рулевому, смену разбудить. Храп. Стон. И враз... кубрик подпрыгнул от мощного взрыва! Пулей на мостик. Пар из котельной; волны через кормовой мостик; механик Киртс над пропастью, где была корма, в белых кальсонах (кормы, с пушкой, нет). Все это фиксируется в какие-то доли секунды.

Мимо нас белое привидение – транспорт «Минна»...

– Сигнальщик! На «Ударник»: имею пробоину (кормы нет!), – диктует Гриша, – прошу оказать помощь.

«Ударник» разворачивается (на минном поле), пытается подойти к нашему, тонущему, левому борту. Проснулись – опомнились пассажиры. Как вода с плотины – снесли леерные стойки, сбивая друг друга с ног, хлынули (тральщику удалось стукнуться о наш борт) на палубу ТЩ... мимо... на

палубу...

мимо! Борта кораблей сплющивают упавших...

Пытается командир «Ударника» еще раз подойти, но его отбрасывает волной (семь баллов).

– Саша, – говорит Жора-лейтенант, – посвети спичкой, посмотрим место, где тонем. Так... Банка Калтбодагрунт, справа – Юминда...

Глубина 65 метров.

Штурман привязывает к рулону с картой грузик.

Спокойствие лейтенанта передается и мне, я перестаю дрожать (корабль держится!). Мы обнимаемся...

На шкафуте – боцман, катер. Люди обсели – катер о фальшборт!

Два лейтенанта армейских с пистолетами в руках возле кучи спасательных поясов, собираются палить друг в друга; Климов:

– Возьми фланельку, хочешь – бушлат! (И этот, как те лейтенанты.)

А корабль держится!..

Никого на носу. Осталось до «купели» метра полтора...

– Мама, мамочка!..

И – за борт! Как в кипяток.

После рассказывал Бумберс: «Мы... это, когда было метра три до «Ударника», прыгнули. Я, Данилушкин, Крастыныш. Простояли до Гогланда – негде было сесть, столько людей спасли матросы...» Рассказывает Петя Акентьев: «Я то-

же сделал сальто, но... попал за борт, между двух корпусов. Как мене не раздавило, не сделало из мене блин – удивляюсь. Ору. Подали с «Ударника» конец, я уцепился за него зубами, как вошь за кожух!» Жора-лейтенант: «Документы утопил, не знаю, что делать. Смотрю, механик Кире пояс надевает... Вместе прыгнули за борт, волны разбросали нас... Вдруг: слышу голос Гриши. Шлюпка на гребне волны! Кричу, захлебываюсь... Замерзаю, чувствую: конец. Нащупал пистолет в кармане, но пальцы не подчиняются... Теряю сознание. Потом – шум! Шум мотора слышу! Морской охотник! Кричу... Подобрали».

Комиссар Фролов: «...Кажется, не помню, я за какой-то ящик ухватился, потерял сознание. Как иголку в сене, обнаружил меня «Ударник». Ефимов, командир, старый мой приятель. Спасибо ему».

...Мешают валенки. Начинаю стаскивать их, захлебываюсь, под водой. Пробкой вверх, на трехметровую волну! Руки – грабли, молочу локтями подальше от корабля, а то утянет с собой. Вокруг – головы, ящики...

– Маруся, – кто-то кричит, – прощай!

– Вставай, проклятьем... – голос тонкий, обрывается.

– В господу... в адмиралов... Не умеют воевать! Ааааа!

Теряю сознание. Очнулся от грохота: «Вирсайтис» вертикально (все с него осыпалось)... На фоне луны. Постоял так с минуту и... пошел вниз, как решившийся на все самоубийца. Тихо стало. Никто не поет, не ругается. Ктото рядом хе-

кает... Двое в гимнастерках. Глаза красные, навывают, хватают меня за ноги, за шею...

– А ну, отлупись на два лаптя в сторону! – кричу акентьевскую фразу и ухожу с этими двумя под воду. И там, вопреки психологии утопающих, они меня упускают.

...Звездочка. Маленькая, но яркая. Низко так, кажется, метров десять до нее. Венера? Марс?

Я из седых глубин земного горя
Лицом тянулся к утренней звезде...

Все, хватит! Не на что больше надеяться, все наши корабли ушли. Руки по швам – пошел вниз.

Страшно быстрое кино крутит передо мной мою жизнь: мама повязывает платок (у меня болят уши), Галка целует, привстав на цыпочки, технорук Петровский (в военном) смотрит мне в глаза...

Нет, нет! Если каждый вояка будет так легко сдаваться... Выталкиваю себя! Глубоко, однако, я успел утонуть. Хватаю, как рыба, воздух... Винты! Проворачиваются, «живые». От винта! На корме... Не по-нашему написано... Неужели немцы подбирают? Нет уж, сучки, лучше я сам... Гребу локтями. А что же там написано? Да... это же «Лайне»!

– На «Лайне»! Спасите! – кричу. (Слева, на луне, черные головы-валуны. Цепляются зубами за поданные концы, срываются...) – Спасите!

– А ты кто такой? – почему-то спросили с мостика.

– Сигнальщик с «Вирсайтиса»!

Бросили спасательный. Меня стало ветром относить от корабля. Отпускаю круг. Смотрю: шлюпка на талях по правому борту. Я к ней. Два человека качаются вверх-вниз. Уловил момент – раз! – локтями за борт.

– Забрасывай ноги! – кричат.

– Нет ног, отморозил, кажется.

– У нас все равно нет врача! – пьяный голос. Набрасывают, однако, под мышки петлю. Все. Выключился. Снится: кто-то, подбрасывает меня вверх. Больно. Возвращаюсь к жизни. «Подорвались, подорвались!» – слышу. Открываю глаза: красноармейцы сбились у люка, лезут друг на дружку... Паника.

Бежать не хочется. И не могу: все тело – сплошная рана. Осматриваю себя, как та английская бабка у Маршака: «Ей-богу, это не я!» Я на решетках над котлом, в валенках, в белых брюках, гимнастерка с ефрейторской штукой в петлице; на голове полотенце... Уши – потрогал – волдыри.

Возвращаются на прежние места красноармейцы: это был не взрыв – шуровку уронили в кочегарке! Нервы... А вот это уже настоящий взрыв! Но никто никуда не побежал. Узнали: канлодка «Волга» подорвалась. Но идет самостоятельно.

На мертвых ногах спускаюсь с просушки вниз.

– О, явление Христа народу! Жив, крестничек? – радостно шумит чумазый, пьяненький слегка, кочегар. – Я – Ваня!

А ты?

– А я – Саня!

– Елочки! Я думал: хана тебе. Честно. Пульс пропал, положили тебя на юте с теми... которым все равно, где лежать. Между прочим, там лежит ваш старшина 2-й статьи, комендор, Потатуев, кажется, его фамилия? В живот чем-то... Кричал, просил добить. ...Так вот, лежишь ты там, а мне обидно: чуть не накрылся из-за тебя. Вынул из кучи и давай тебе искусственное делать. Даже паром из шланга подогревал! Учти. Может, и меня когда из беды вынешь, война-то, видать, длинная будет. Тут еще ваши есть. Идем, покажу.

Открываю дверь... Яркий, прекрасный свет над столом! Кузя, Лобанов бросаются целовать, предлагают выпить. Что-то синее (денатурат?).

Я плачу... Заводят патефон.

Бей, винтовка,
Метко, ловко...

Какая прекрасная песня! Самая лучшая на свете...

– Эсминец, эсминец по курсу! А наших здесь нет... – разнеслось по канлодке.

«Лайне» все свои снаряды давно уже раскидала. Еще на Ханко. Туман. Впереди – силуэт большого корабля. Что-то будет?.. Лобанов:

– Товарищи! Тише! Это же мой танкер! Он здесь еще с августа, когда из Таллинна шли, дрейфует... Не хочет тонуть, как человек...

Все облегченно вздохнули. (Но... командиры-то, по-моему, должны бы знать место притопления танкера? Должны!) Новая беда: открылся Гогланд, а обогнуть его – нет паров, все сторело в топке. Снова бросают ребята в огонь кто что: бушлаты, шинели, ломают сохранившееся дерево надстройки.

Эсминец «Свирепый» встречает нас. Раньше бы встретил, когда без хода были. Ну, ладно. Как говорится, как бы бабка ни хворала, лишь бы к сроку померла. Дошли!

А морозец-то того... Хорошо, хоть гора от ветра закрывает. Командование острова поселило нас, утопленников, на отдых в помещение... не то финский домик, не то сарай. Солома!

Зарываемся, как в детстве, согреваемся помаленьку. Ожили ребята, робкая радость в глазах. И печаль. Столько товарищей потеряли...

«Сколько-то нас, с «Вирсайтиса», осталось? – думаю. – Здесь, в сарае, пока налицо трое – Кузя, Лобанов и я».

4 декабря. Утро. Интенданты сухарей прислали. А чем размочить?

Где-то матросы откопали ржавый чайник, бегу на стоящий напротив сторожевик «Коралл».

– Нет у нас кипяточку! Нет, ничего у нас нет. Поведи-

лись! – истерично завопил мордастый, в замавленной робе краснофлотец. Я замахнулся врезать чайником, но псих вовремя захлопнул дверь камбуза.

«Вот гады! Правду говорил про них Акентьев – жлоб на жлобе», – матерясь, бегу ни с чем в сарай.

На вопросительные взгляды ребят я сбрежал:

– У них воды пресной нет (скажи я правду – «Кораллу» не избежать абордажа).

Сидим в соломе, живем – сухари жуем, снегом запиваем.

Ветер. Вечер. Отряхивая с одежек гогландскую солому, поднимаемся по трапу на БТЩ «Гафель». Что-то нам уготовано на пути от Гогланда до Кронштадта? Но... так бодро, даже весело, смотрит с мостика на нас славный хохол Шкребтиенко, командир «Гафеля», что поневоле настраиваешься на оптимистическое: «А ни хрена! Дойдем и вернемся, и усэ пэрэможемо!» Приглашают в... трюм. Это хуже: я, как птица к ветке, к мостику привык.

Ладно, можно и в трюме ночь перекуковать.

Застучали БТЩ – тара-тара-тара, эсминцы, транспорт «Минна», мелочь разная – в кильватерную колонну... Жизнь идет, корабли идут, кланяясь встречной волне. А мы, вспотелые, как суслики, спим. Впервые за несколько суток.

Пушка ударила – звенящий звук по корпусу!

– Подъем, братва!

Идем в разведку, на палубу. Солнце! Снег сверкает! Стоим во льдах. Синим дымом окутан «Стойкий»: ведет огонь

по северному, занятому финнами берегу. А оттуда – вспышка – уууу! – снаряды рвут лед возле самого эсминца.

– Форт Ино, – с мостика слышать, сигнальщики примерзли к биноклям. Вспышка на южном берегу... Это – «Красная горка». Черное шрапнельное облако над районом вражеской батареи. Еще, еще облако! Форт заткнулся. Спасибо, «Горка», родная!

Впереди, на горизонте, знакомый нам, как папа с мамой, силуэт ледокола «Ермак».

Вот он обходит вокруг нашей кавалькады (один торпедный успел уже пойти ко дну – льдом раздавило).

Мы чувствуем себя полярниками, возвращающимися на родину после страшной зимовки с корабельными катастрофами.

– Толбухин! Толбухин! – восклицают гангутцы, увидев в конце белого бесконечного поля палец кронштадтского маяка.

– Команде «Вирсайтиса» построиться!

...Боже! Да это же Бумберс! *Даргай бедрис* (дорогой товарищ)! Я люблю вас (эс юс мшу)!

Строимся. Кто в чем. Сколько-то нас осталось?

– Па парядку расшитайсь, – командует наш дорогой латыш.

– Первый!

– Второй!..

Шестьдесят четыре в строю. С командирами. Значит: по-

гибли – команда – 29 человек...

(Годы спустя – было время – посчитали: всего из 240 гангутцев и 93 членов команды спаслись 96, а 237 – остались там...Заплатили за нас.)

Бредем... Женщины, все повидавшие кронштадтские бабоньки, смотрят на нас пригорюнившись.

Моряки с погибшего корабля – сироты – идут...

Из книги «На дальних подступах» генерал-лейтенанта С.И. Кабанова, руководившего в сорок первом обороной Ханко:

«Можно считать чудом, что из 27 809 человек, погруженных на корабли флота, в Кронштадт и Ленинград пришли 22 822 человека. Горько было потерять столько людей... Но, преодолев между Гангутом и Кронштадтом большие двухсот миль заминированного водного пространства, замкнутого батареями врага, мы пришли и стали на защиту Ленинграда. Без малого 23 тысячи бойцов. Это подвиг флота!»

1988

Виктор РЕДКОЗУБОВ НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Парад 7 ноября 1941 года

Наш эшелон пересек Уральский хребет и прибыл в город Куйбышев. Здесь мы узнали, что 65-я дивизия приказом Ставки задерживается в этом городе для участия в военном параде 7 ноября 1941 года. На подготовку к параду оставалось всего шесть дней. Артиллерийские части дивизии расположились на окраине города, на месте ипподрома, где было достаточно места и для техники и для строевой подготовки.

Вся наша группа молодых командиров прибыла в штаб 65-й дивизии и получила назначения на командные должности в различные части дивизии. Командира полка полковника Ходова мы отыскиали на плацу. Он грыз семечки и задумчиво поглядывал на бойцов, занимавшихся строевой подготовкой. О чем он думает? Может быть, о том, что нас через неделю после вступления в бой не будет. Я знал, что он участвовал в гражданской войне и был награжден орденом. Или о том, что вторую войну приходится начинать, а лет уже много. (Через три дня после вступления в бой он погиб, по-

пав под атаку немецкого самолета, гонявшегося за отдельным всадником.) Мы доложили ему о своих новых предписаниях и стали настойчиво, как сговорились ранее, просить принять в полк, где начиналась наша служба. Нас уже начало беспокоить, что мы можем остаться без назначения.

– В свою часть хочется? Это хорошо, но у меня свободных вакансий нет. Беру вас стажерами. Передайте в штаб полка, чтобы зачислили на довольствие. На наших лицах, наверное, появилось разочарование, и поэтому он задумчиво разъяснил:

– Не беспокойтесь. Вступим в бой – через три дня вакансии сразу появятся. Будете командовать взводами самостоятельно.

Началась деятельная подготовка к правительственному параду. Солдаты красили пушки, получали и подгоняли новое походное снаряжение, седла, уздечки, хомуты. По несколько часов в день занимались строевой подготовкой. Наконец, очередь дошла до нашего обмундирования, о котором молодые командиры беспокоились очень сильно. Из военной школы мы прибыли в обмотках и затасканных брюках и гимнастерках.

Каждый солдат получил новое парадное обмундирование, а командиры приделались, что называется, «с иголочки». Я получил шикарную шинель из английского сукна в зелено-вато-синюю искорку, теплую суконную гимнастерку и синие шаровары-галифе, теплый меховой безрукавный командир-

ский жилет из светлой овчины, теплое нижнее и простое белье, безукоризненную фуражку с черным околышем, байковые и шерстяные портянки, всякую мелочь: носовые платки, подворотнички, иголки с нитками, запасные пуговицы. Каждому солдату были выданы кирзовые сапоги, сержантскому составу – яловые, командирам – хромовые. Это парадное снаряжение казалось нам неслыханной роскошью.

Рано утром 7 ноября 1941 года, задолго до начала парада, пехотные части выстроились строгими прямоугольниками на площади имени Куйбышева, танки и артиллерия – на прилегающих улицах. Я, как стажер, по парадному расписанию не имел строгих обязанностей и должен был проследовать мимо трибун со своей батареей.

Неожиданно последовал приказ выделить из числа артиллеристов одного командира, для того чтобы возглавить колонну мотопехоты.

Наверное, я тогда оказался на глазах командира полка, или он вспомнил о нашем разговоре, и выбор пал на меня. В дивизии мотопехоты не было, и я сначала не понял, о чем идет речь.

– Сейчас придут сорок грузовиков, оборудованных для перевозки людей, – сказал командир полка. – Мотопехоту будут изображать боевые расчеты нашего полка. Уже отдан приказ, чтобы после прохождения батарей мимо трибуны все, за исключением ездовых, бегом возвратились назад по улице, расположенной позади площади, и заняли свои ме-

ста в грузовиках. Людей будет достаточно. Кто первый прибежит, пусть первый и занимает места в машинах, пока не заполнят все. Нужно еще раз перед прохождением батарей всем напомнить об этом. Сейчас доставят повязку командира колонны, которая вам даст такие права, какие никто из нас не имеет. Теперь стажеру многие позавидуют.

Такая маленькая хитрость с мотопехотой была вызвана недостатком войск для парада, который было решено провести в полном объеме. До войны военные парады в Москве украшала мотопехота, как современный вид войск. Теперь, когда враг находился на подступах к столице и дипломатический корпус был переведен в город Куйбышев, надо было показать иностранным дипломатам, что наша армия располагает всем необходимым для продолжения войны против гитлеровской Германии.

Я надел красную нарукавную повязку с надписью «Командир колонны» и отправился на площадь заблаговременно выбрать место, откуда при вступлении на площадь артиллерии можно было бы в самый последний момент напомнить личному составу подразделений о необходимости бегом следовать назад для посадки на машины.

В пределах площади меня часто останавливали работники НКВД, придирчиво проверяли мое удостоверение личности, недоверчиво вглядывались в мое молодое лицо, на всего один кубик в петлицах – отличительный знак младшего лейтенанта в то время – и столь значительную повязку. Мне

отдавали честь и беспрепятственно пропускали дальше.

Осмелев и освоившись с новой должностью, я захотел лучше рассмотреть руководителей правительства и стал пробираться поближе к трибуне. Меня, конечно, туда близко не пустили и вежливо завернули назад. Мой пропуск там не годился. Специальная охрана плотно перекрыла все подступы к трибуне. После того как Ворошилов объехал войска и поздравил их с праздником, начался торжественный марш стрелковых частей дивизии. Я заспешил к шоферам дать информацию и сделать последний инструктаж. Меня вдруг охватило волнение огромной ответственности: «Успеют ли все быстро прибежать назад и занять места в машинах? Как быть, если в какой-нибудь машине забарахлит мотор и она остановится? Ведь это провал!» Собрав группу водителей, решил с ними посоветоваться и высказать им свои опасения.

– Не беспокойтесь, товарищ младший лейтенант, – успокоили они меня, – машины не подведут, мы все проверили и перепроверили. И машины нестарые. Будьте спокойны, пройдем колесо в колесо.

Я все же сам проверил наличие тросов на случай неожиданностей и приказал вызвать еще одну машину технического обеспечения.

Закончилось прохождение мимо трибун стрелковых полков и легких танков, приготовилась к вступлению на площадь артиллерия. Я занял заранее выбранное место и непрерывно напоминал проезжающим расчетам, чтобы во весь дух

мчались назад. Моя мотопехота меня не подвела. Вернувшись к машинам, я увидел их уже заполненными.

Никаких указаний о моем месте в колонне мотопехоты я не получал и, подумав, решил ехать не в кабине, а в кузове, на первой скамье правофлангового грузовика, чтобы иметь хороший обзор движения колонны, а заодно получше разглядеть членов правительства. Стоит ли говорить о том, что мне хотелось быть на виду, я видел, что прохождение частей мимо трибуны снимается фоторепортерами и кинооператорами. «Кто знает, может, меня увидят родители», – подумал я.

Последние секунды ожидания. Я поднялся с места, махнул рукой – дал условный знак для начала движения, сел на место, и колонна выехала из прилегающей улицы на площадь.

Машины шли по четыре в ряд на малой скорости. Прохождение по площади мотопехоты, которая только начала вводиться в армии в предвоенные годы, было зрелищем весьма впечатляющим.

Колонна приближалась к трибуне, на которой находились руководители партии и правительства, среди которых я узнал М.И. Калинина и К.Е. Ворошилова. Рядом с трибуной, на специально отведенном месте, стояли дипломаты и военные атташе. Я обратил внимание на японского военного атташе, который удивленно впился глазами в нашу колонну.

Операторы кинохроники стрекотали своими камерами,

фоторепортеры щелкали аппаратами, а мы шепотом, стараясь не шевелить губами, застыв как изваяния, обменивались впечатлениями об этом событии. Солдат распирала радость, что они теперь запечатлены навечно, что их УВИДИТ вся страна, а может быть, и родные.

Колонна прошла по площади ровно и свернула на прилегающую улицу. Младшие командиры отдали распоряжения о дальнейшем следовании солдат в подразделения, вместе со мной прыгнули на землю и решили пройтись немного пешком среди гражданских людей, взглянуть на изготовившиеся к прохождению мимо трибун праздничные колонны демонстрантов. У каждого из нас была, конечно, мыслишка показаться людям в новом парадном обмундировании. Подтянутые, щеголеватые, мы шли едва не строевым шагом. Наше настроение было сверхпарадное.

В это время раздался могучий рокот приближающихся самолетов – прохождением авиации завершался военный парад. Все устремили свои взоры на небо и с удивлением увидели, как на город надвигается целая армада самолетов. Они надвигались эскадрильями без значительных промежутков, шли иногда в два-три яруса. Трудно передать волнение, охватившее меня и каждого человека на улице в этот момент. Враг стоял в нескольких десятках километров от столицы, захватил огромную территорию нашей страны, и вдруг все увидели силу нашего воздушного флота. Увидели и не могли понять, как же может немецкая армия идти столь бес-

препятственно вглубь нашей страны. Мне казалось, что если бы такое количество самолетов, которое летит над городом, обрушило на головы врага даже по одной бомбе, то земля должна была бы встать стеной и поглотить все живое. Действительно, наши силы неисчислимы. А самолеты все шли и шли, как набегают на берег морские волны.

Никто тогда не знал, что, для того чтобы показать народу и дипломатическому корпусу воздушную мощь нашей армии, подкрепить каждодневные утверждения о неисчислимости наших ресурсов, пришлось пойти на хитрость. Были собраны способные подниматься в воздух самолеты всех старых конструкций из Приволжского, Уральского, Сибирского, Среднеазиатского военных округов. Эта мобилизация всей военной техники позволила тогда набрать всего несколько сот самолетов. Авиационным штабам пришлось основательно поработать, чтобы спланировать прохождение самолетов разных марок, с разными скоростями. Все это стало известно только через двадцать пять лет после войны из рассказа маршала авиации Вершинина, опубликованного в газете «Неделя». В его статье ничего не сообщается, что при воздушном параде над городом была устроена карусель, как в случае с мотопехотой на площади. Но я до сих пор не исключаю такой возможности, потому что воздушный парад продолжался, по нашим понятиям, довольно долго. Мы уже гуляли по улицам, а над городом самолеты шли и шли волнами: истребители, легкие бомбардировщики, средние, тя-

желые в два, три яруса. Обсуждая с товарищами этот заключительный аккорд военного парада, мы укрепились в мысли, что война действительно только еще начинается.

В боях за Тихвин

Старинный русский город Тихвин к исходу грозного 1941 года оказался важным перекрестком войны. Здесь развертывалось сражение, значение которого далеко выходило за рамки данного района. Как писал маршал С.М. Штеменко, оно сыграло заметную роль в жизни и борьбе осажденного Ленинграда, оказало влияние на состав и группировку сил противника в решающей битве за Москву.

В тот момент мы, молодые командиры, над стратегическими ситуациями не задумывались, но интуитивно чувствовали, что свежую сибирскую дивизию двинули на важный участок советско-германского фронта. Так оно и оказалось.

Гитлеровское командование, возобновив в сентябре 1941 года наступление на всех трех стратегических направлениях для захвата Кавказа, Москвы и Ленинграда, планировало сначала сломить оборону Ленинграда, высвободить здесь свои войска, чтобы затем ударить всеми силами на Москву, обойдя ее с северо-востока. Потерпев провал в своих попытках сломить сопротивление защитников Ленинграда прямым ударом, вражеское командование стало принимать энергичные меры для выполнения своего намерения путем

создания мощного кольца добиться глубокой и полной блокады Ленинграда.

Поскольку в руках защитников города Ленинграда оставалась южная часть Ладожского озера и по нему налаживалась связь со страной, немецкое командование разработало новый план наступления к реке Свирь, на соединение с финской армией. По этому плану главное направление нового удара через Будогощь и Тихвин стало с октября 1941 года предметом внимания немецкого командования.

Советское командование прилагало огромные усилия для деблокирования Ленинграда и удержания южной части Ладожского озера, но эти попытки не увенчались успехом. Наши войска были обескровлены, и 8 ноября 1941 года немецкие войска захватили Тихвин, перерезав последнюю дорогу, по которой к Ладожскому озеру подвозились грузы для осажденного Ленинграда. Требовались решительные действия по ликвидации противника в районе Тихвина и Волхова, чтобы перебрасывать грузы для осажденного Ленинграда до Ладожского озера и затем далее в Ленинград.

Вот почему, хотя положение под Москвой было тяжелым, в ноябре-декабре 1941 года на Тихвинское направление было дополнительно направлено из стратегических резервов и с других участков фронта девять стрелковых и одна танковая дивизия, стрелковый полк, танковая бригада, специальные части и подразделения.

9 ноября 1941 года командующим 4-й армией был назна-

чен опытный военачальник генерал армии К.А. Мерецков, а 17 декабря был образован Волховский фронт.

Наша 65-я стрелковая дивизия влилась в состав оперативной группы 4-й армии. 127-й легкоартиллерийский полк, в котором я был командиром огневого взвода, после выгрузки начал продвижение в сторону Тихвина только на рассвете, когда возвратилась полковая разведка. Колонна вскоре втянулась в лес, где дорога пошла по выемке, подобно узкому коридору, пересекавшему невысокую возвышенность, покрытую могучими соснами и елями с тяжелыми замысловатыми шапками снега на ветвях.

Мы шли за орудиями, которые легко катили шестерки попарно запряженных лошадей, делились между собой первыми впечатлениями о невиданной красоте северного леса зимой.

Наши восторги прервал, неожиданно вынырнув с правой стороны леса, легкий немецкий самолет-разведчик. Он на небольшой высоте пересек дорогу и заложил глубокий вираж, увидев колонну.

– Воздух! Воздух! – одновременно разнеслось по всей колонне. – В укрытие!

Ездовые ударили лошадей и рванулись на рысях вперед, стремясь рассредоточиться и найти место, где можно было бы выбраться из узкого дефиле, чтобы укрыться в лесу. Рассыпались по сторонам и боевые расчеты, однако некоторые еще не спешили, понимая, что летчик только еще рассмат-

ривает движущиеся к линии фронта наши войска. Я внимательно наблюдал за самолетом, удивленный, что встреча с немецкой авиацией произошла так быстро.

Сделав два круга над хвостом колонны, самолет перева-лился на другое крыло и стал делать виражи над головой ко-лонны. Было нетрудно догадаться, что летчик считает ору-дия и собирает обстоятельные данные. Затем самолет поле-тел в сторону станции взглянуть, что делается там, сделал над ней несколько кругов, вышел на ось дороги, направляясь опять в нашу сторону.

«Лег на боевой курс», – пронеслось у меня в голове.

– В укрытие! За мной! – крикнул я оставшимся на до-роге, взбираясь по откосу к лесу. Оглянувшись, увидел, что несколько солдат остались стоять на дороге, и моментально скатился к ним. Один из них, держа в руках вожжи, невоз-мутимо убеждал своих товарищей:

– Чего бежать-то? Нешто вы не видели: крест у него? Это санитарный самолет пролетел!

Я остолбенел от солдатской наивности, потом взорвался.

– Сейчас бомбить будет! Покажет вам санитарную обра-ботку. В укрытие! Самолет чуть-чуть поводил носом, еще точнее выправляя курс по оси дороги. Товарищи «грамотея» поняли, что им грозит, и бросились за мной, а оставшийся на дороге с удивлением замотал головой, не понимая источ-ника опасности.

Отбежав на десяток метров в лес, я плюхнулся под боль-

шую сосну головой к дороге, спрятал ее за ствол дерева. Но было так охота посмотреть на первую атаку самолета, на солдата, на действия зенитчиков, которые уже расчехлили на своей машине счетверенные пулеметы, приготавливаясь к открытию огня, что я тут же выглянул из-за дерева, наблюдая за их действиями. «Наверняка собьют самолет на такой небольшой высоте, – думал я. – Сейчас прямо в лоб ударят. Деться ему некуда».

Я уже прикидывал, куда он рухнет. Зенитчики суетливо задергались. «Дубины! Чему только их учили? – зло прокомментировал я их действия. – Ну, скорее же, скорее! Такой случай! В перекрестье прицела его! Опоздаете!» Пулеметная очередь только началась и тут же оборвалась: заело ленты. От самолета отделились две небольшие бомбочки, и я спрятал голову за дерево. Взрывы раздались чуть впереди на дороге, метрах в сорока от меня. Самолет улетел в сторону Тихвина. Я тут же выскочил на дорогу. Потери оказались невелики. Бомбы упали в кювет, повредили одну повозку, убили одну лошадь, легко ранили оставшегося на дороге солдата.

Так все получили боевое крещение на первом километре от места выгрузки, а некоторые, кроме того, узнали, что есть различие между красным крестом нашей авиации и фашистским опознавательным знаком, что желтый крест на самолетах противника и свастика – это одно и то же.

Опасаясь прилета вражеских бомбардировщиков, полк свернул вскоре с дороги и занял первые огневые позиции.

Наша шестая батарея расположилась возле громадных елей, окаймлявших небольшую полянку. В секторе для стрельбы не должно быть высоких деревьев, у елей обрубили нижние ветви, чтобы можно было оттащить орудия при появлении самолетов противника. Левее нас расположились две батареи 76-миллиметровых пушек. Связисты, обвешанные телефонными катушками, сразу же потянули провода на наблюдательный пункт.

Уже к вечеру поступила команда на пристрелку орудий. Все немного волновались перед таким ответственным событием, хотя каждый был готов к этому и четко знал свои обязанности. Заряжающий взял полуторапудовый снаряд и, соизнавая, что это не учебная болванка, начал осторожно направлять его в канал ствола гаубицы.

Командир взвода лейтенант Гаврилюк тут же подскочил к заряжающему:

– Смелее надо действовать, с силой надо загонять снаряд, как учили, чтобы медный поясок врезался в нарезку ствола! Вот так!

Он взял снаряд и со звоном загнал его в ствол.

– Это первый снаряд, который на головы врагов посылаем!

Все отбежали от орудия и попрятались согласно инструкции в ровике, в том числе и наводчик, державший в руках конец десятиметрового шнура. Командир взвода стал в стороне от орудия. Я, как стажер, решил, что мне тоже прятаться в укрытие не к лицу и, вопреки наставлению боевого уста-

ва, стоял возле орудия. На всякий случай, опасаясь за свои барабанные перепонки, зажал пальцами уши и нос, как это делают начинающие пловцы. За время службы в армии мне лишь однажды пришлось присутствовать на боевых стрельбах, да и то в качестве зрителя. Стоять рядом со стреляющим орудием не приходилось.

Прогредел первый выстрел. С моими ушами ничего не случилось, и с ушами лейтенанта, который, улыбаясь, смотрел на меня, тоже. Эмоций после выстрела было достаточно: наконец-то и мы послали на головы врагов первый снаряд! Все словно повзрослели сразу на несколько лет и испытывали глубокое удовлетворение. Но что это? Ствол гаубицы, откатившись, почему-то мучительно медленно возвращался назад и, не дойдя на один сантиметр до нормальной отметки, остановился. По условиям мирного времени это было ЧП – чрезвычайное происшествие.

– Надо срочно послать за артмастером, – предложил я.

– Ничего! Из этого орудия, видимо, со времен Гражданской войны не стреляли, – помедлив, сделал заключение Гаврилюк. – Жидкость в противооткатном устройстве застоялась. После второго выстрела станет на место. Командир орудия внимательно обследовал все узлы орудия, но не обнаружил ничего подозрительного. Однако после второго выстрела ствол не докатился уже на пять сантиметров. Немедленно сообщили командиру батареи. На наблюдательный пункт вызвали орудийного мастера, который тут же поставил диагноз

орудию: это может означать только одно – погнулся шток противооткатного приспособления. Требуется заводской ремонт.

Подошедший к нам командир орудия принес на ладони иголку хвои, упавшую с дерева после выстрела на салазки противооткатного устройства, и сокрушенно сказал:

– Вот! Нашел!

Это, действительно, могла быть причина неполадок в орудии, недоката ствола. Но ею могло быть и то, что давно не меняли тормозную жидкость, а главное, не проверили орудие перед выступлением в бои. В мирное время учения проводили, как принято было говорить, «в обстановке, приближенной к боевой», а это значит, что раз в год вывозили одно орудие на полигон и стреляли для отчета. Все в качестве зрителей стояли и слушали в отдалении. «Приближенность» была метров за сто. И вот за это пришлось расплачиваться.

Мы с командиром орудия были обескуражены, нам уже стало ясно, что потеряли орудие в первый день стрельбы. Когда орудие отправляли на заводской ремонт, мы шли его провозить, и наши лица были как на похоронах.

Я знал, что мы его назад не получим.

День за днем артиллерийский полк вел огневые налеты, после которых пехота бросалась в атаку на укрепления врага, но он цепко держался за свои позиции. Продвижение вперед исчислялось иногда метрами, десятком метров. В бой вступили «катюши». Первые сведения, которые принесли раз-

ведчики с передовой о залпе гвардейских минометов, мы восприняли как плод фантазии, хотя слухи о доселе невиданном оружии наших войск уже ходили, доходили они и до меня.

Рассказывали, что «земля встает стеной», что «ничего не остается живого». Мне как-то не верилось, что именно на этом участке фронта будут брошены в бой части с секретным оружием. Вскоре, однако, пришлось услышать, как в гром артиллерийской канонады неожиданно ворвались могучие, пронзительные, скрежещущие звуки гвардейских установок, от которых холодок пробежал по телу. «Катюши» били всегда неожиданно. Но тогда, в 1941 году, таких установок было мало. Однако не поддается учету сила их морального воздействия на врага.

Наша пехота, вгрызаясь в оборону противника, продолжала нести большие потери. Вражеские огневые точки прижимали ее к земле. Вскоре стало ясно, что надежно подавлять их можно только при стрельбе прямой наводкой.

Первый приказ выделить одно орудие для стрельбы прямой наводкой поступил нашей гаубичной батарее. Речь шла о подавлении огневой точки, расположенной в каменном строении, а наводчики шестой батареи за несколько дней боев успели уже зарекомендовать себя как мастера снайперского ведения огня. Из комсостава батареи для этой цели выделили меня. Я тут же приказал лучшему огневому расчету выкатывать орудие на дорогу. Полученный приказ вызвал у

меня чувство гордости за такое поручение и волнение, от которого никуда не уйдешь, когда дело касается первой встречи с врагом лицом к лицу. Пострелять прямой наводкой всем хотелось. Мы были молодыми и уверенными в себе.

У самой дороги произошла небольшая заминка. Тяжелая гаубица по самый ствол увязла в занесенной снегом придорожной канаве, и вся батарея прилагала отчаянные усилия для того, чтобы вытащить ее на дорогу. В этот момент возле нас оказался кто-то из командиров соседней пушечной батареи 76-миллиметровых орудий. Узнав о поступившем приказе, он тут же выложил свое мнение:

– Какого черта вы претесь с этой машиной на прямую наводку! Пока будете выкатывать ее там на позицию, вас всех перебьют, и от гаубицы останутся одни ножки да рожки. Там снег по пояс, а катать орудие под огнем противника придется на руках! Тащите ее назад! Сейчас скажу, чтобы из нашей батареи направили одну пушку.

Он бегом направился на свою позицию. Через несколько минут упряжка лошадей легко вытащила 76-миллиметровую пушку на дорогу.

– Приказ был нашей батарее направить орудие, – осадил я командира взвода, выбираясь из канавы. – Помогите лучше вытащить гаубицу.

– Сами управитесь! Нам надо спешить, там ждут, каждая минута дорога.

– Куда вы лезете? – стал возмущаться я. – Там крепкие

каменные сараи, только вот этой долбить надо! – кивнул я на свое орудие.

– Там быстрота нужна! – отрезал он мне.

Молодой солдат, татарин по национальности, слышавший нашу перепалку, рассмеялся, взбираясь на передок готовой тронуться пушки, и бросил мне слова, запомнившиеся на всю жизнь:

– Не беспокойтесь, товарищ младший лейтенант, мы не хуже вас отстреляемся. Будьте уверены, не подкачаем! А из нашей пушечки только и стрелять прямой наводкой.

Я не знал тогда, что фамилия этого солдата Маннанов и что он идет на свой бессмертный подвиг, за который будет первым в дивизии удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

29 ноября, на десятый день после начала наступления наших войск на Тихвин, гитлеровцы предприняли сильнейшую контратаку. Такое упорство противника нетрудно было понять, если напомнить, что 22 ноября вступила в строй ледовая трасса по льду Ладожского озера, и стало налаживаться снабжение осажденного Ленинграда. Гитлеровское командование прилагало отчаянные усилия удержать Тихвин, чтобы добиться решения стратегической задачи – выйти к Онежскому озеру на соединение с финской армией и замкнуть полное кольцо блокады Ленинграда.

Густые цепи противника при поддержке самолетов, танков, артиллерии двинулись на наши позиции. В этом бою

расчет орудия, выделенного для стрельбы прямой наводкой, сильным минометным огнем был полностью выведен из строя. Заряжающий Ильдар Маннанов, которого командир орудия отправил за снарядами, возвратившись на позицию, увидел погибших товарищей и приближающиеся цепи врагов. Он встал за прицел. Каждый солдат огневого расчета мог прекрасно исполнять обязанности наводчика: совмещению профессий в армии еще до войны придавалось большое значение.

Маннанов ударил из пушки в упор по наступающей немецкой пехоте, внося опустошение в ее ряды. Он вел огонь до тех пор, пока она не отхлынула назад. Через некоторое время гитлеровцы бросили в атаку танки. Ильдар открыл огонь по ним и подбил головную машину, остальные повернули назад. Взрывом мины его ранило в ноги и шею, но он не оставил орудия и продолжал в упор расстреливать врагов, которые все наседали. Рассказывали, что он выпустил уже сто восемь снарядов, которые непрерывно подтаскивал в промежутках между атаками, и у орудий оставалось только четыре снаряда, когда на позицию этого героя, смельчака-артиллериста обрушились немецкие пикирующие бомбардировщики. Взрывом бомбы Маннанов был оглушен. За этот бой, который он вел один на виду у нашей пехоты до тех пор, пока к нему не подоспела помощь, Ильдару Маннановичу Маннанову было вскоре присвоено звание Героя Советского Союза.

В боях за Тихвин наши воины проявляли массовый героизм, который вызывал в душе каждого солдата восхищение, потрясал до глубины души, заставляя с удесятеренной силой отдаваться ратному труду. Эти вести о беспримерной храбрости наших товарищей по оружию доходили и от войск, наступавших на Тихвин с севера и северо-запада. Их приносили на огневые позиции батареи обычно разведчики и связисты, приходившие с наблюдательных пунктов. О некоторых из них приходилось читать в дивизионной газете. Такие весточки о ежечасных подвигах, которые совершались в боях за Тихвин, заставляли солдат буквально преображаться на глазах. Любая трудность начинала казаться пустяком, мелочью по сравнению с теми чудесами храбрости, которые творили вокруг нас такие герои. Я примечал, что, прослушав очередное сообщение солдатского телеграфа об исключительном примере героизма, и рядовые и сержанты, не сговариваясь, спешили каждый к своему месту, с каким-то остервенением вгрызались в неподатливую землю, выжимая из себя все силы, какие только можно было выжать.

В один из последующих дней немецкий самолет-разведчик, покружив над орудиями и пересчитав, наверное, не только орудия, но и количество ящиков со снарядами, улетел в сторону Тихвина. По правилам следовало убираться прочь с этого места, но надвигались спасительные сумерки, и мы, посоветовавшись, решили не менять позицию. К орудиям непрерывно подвозили боеприпасы.

С утра началась невиданная по своей силе артиллерийская подготовка перед решительным штурмом города. Артиллерийскому наступлению на фронте всегда предшествует упоительная тишина. Тишина сначала воцарилась и в это утро. Орудийные расчеты подтаскивали к орудиям ящики, выкладывали снаряды, заряды, наводчики в десятый раз заглядывали в прицельные приспособления. Последовала команда натянуть шнуры. По команде «Огонь!» ударили все орудия полка. Потом каждое орудие стреляло с возможной предельной скоростью. словно тысячи громов из грозовых туч спустились на землю и собрались на одной поляне, стараясь на мелкие кусочки разорвать воздух. Позиция батарей быстро заволочлась сизым удушливо-едким дымом. Вскоре впереди орудий снег растаял метров на двадцать, позади орудий стали расти горы стреляных гильз. Через некоторое время стала гореть краска на стволах. Из каналов стволов при открывании затворов ручейками стекала гарь. Сознывая приближение штурма, орудийные расчеты работали с предельным напряжением сил. Чтобы поддержать темп огня, орудийная прислуга прикладывала к стволам для охлаждения снег, для протирки зарядных камер, из которых не успевала стекать гарь, в ход пошли портянки. Неосторожные движения заряжающих причиняли рукам ожоги.

Голова отказывалась воспринимать ужасающий грохот выстрелов, наводчики давно перестали слышать команды и, показывая на уши, мотали головой, отдельные солдаты стали

оседать на снег от усталости – подносить двадцатидвухкилограммовые снаряды было нелегко. Артиллерийское наступление продолжалось уже много часов подряд.

Комиссар, неотлучно находившийся на батарее, приказал организовать кормление людей, и на позиции тут же стали доставлять котелки с супом. Отдавая команды, стоя позади орудий, я смотрел, как наводчик ближайшего орудия, прильнув к панораме, правой рукой вращал маховик прицельного приспособления, а в левой держал котелок: дернув за шнур, он пытался, пока накатывает ствол после выстрела, отхлебнуть глоток супа. Это ему редко удавалось, темп стрельбы был большой. Я подошел к наводчику и подменил его. К наводчикам в артиллерии отношение особое, как к первой скрипке в оркестре.

Машины со снарядами одна за другой подъезжали прямо к орудиям. После разгрузки, в которой принимали участие все, кто только мог, включая командиров, шоферы стремительно бросались в кабины и, оглушительно газуя, уносились на станцию. Водителей охватил азарт боя, они понимали, что сейчас от них зависит многое.

Только к вечеру последовала команда: «Стой!» Я во время боя даже перестал записывать количество израсходованных снарядов. Подсчитали потом пустые гильзы зарядов. Примерно по 400 снарядов на орудие выпустила в этот день наша гаубичная батарея. В пушечных батареях, с большей скорострельностью орудий, расход снарядов был значительно

больше. Огонь такой интенсивности нашему полку долго потом не приходилось вести. Этот сокрушающий огонь по вражеским позициям причинил ему немалый урон. Такая огневая мощь радовала, окрыляла, убеждала, что дни хозяйничанья гитлеровцев в Тихвине сочтены.

После короткого перерыва еще раз сделали силами арtpолка огневой налет по позициям противника в городе, который длился недолго. Теперь уже отстрелялись, отметил я про себя, пехота пошла на штурм города. Конечно, нам никто с передовой не объявлял об этом. С наблюдательного пункта передаются только команды на ведение огня: прицел такой-то, снарядов столько-то... Линия связи между НП и орудиями прокладывается не для выражения эмоций, она должна быть всегда чистой, но что после чего следует – всегда можно понять, как в шахматной игре у хороших игроков.

65-я дивизия при штурме была перенацелена на южную окраину города и повела наступление на железнодорожный вокзал. Все батареи арtpолка быстро снялись со своих позиций и двинулись в боевые порядки пехотных полков поддерживать своим огнем наступающие части. Лошади по брюхо в снегу с трудом тащили тяжелые гаубицы по открытому полю вокруг города, и поэтому мы вскоре отстали от пехоты, которая при поддержке пушечных батарей уже, наверное, где-нибудь ворвалась в город.

Ожидая перед собой сопротивление противника, мы метров за триста до вокзала сняли орудия с передков и отправи-

ли упряжки подальше назад, а сами, с невероятными усилиями налегая на спицы колес, стали метр за метром продвигаться вперед, готовые в любую минуту повести огонь прямой наводкой. Но звуков боя пехоты в районе вокзала не было слышно.

– Пехота, наверное, прошла в стороне от вокзала, – слышался голос.

– Затаились, – высказал кто-то предположение.

– Подпускают ближе, сейчас ударят.

Чем ближе мы подходили к вокзалу, тем быстрее становился темп движения орудий, тем ниже мы пригибались, с секунды на секунду ожидая огня противника. Потом стала возникать уверенность, что впереди никакого противника нет. Но штурм есть штурм, порыв еще продолжался. В поте лица мы преодолели последние метры до железнодорожной колеи, перевалили через рельсы и... раздался голос батарейного балагура:

– Все! Конец штурма: город взяли!

Только что рассветало. Мы еще переводили дух от усталости, как посыпались разочарованные голоса:

– Удрали! Упустили!

– Да нет, пехота, наверное, ведет бой в центре города.

Слышите?

Упряжки лошадей с передками подогнали к орудиям, приняли походное положение и стали ожидать команды на дальнейшее движение.

Гитлеровцы под напором наших частей, наступавших с трех сторон, уже не думали об удержании города. Стремясь спастись от полного разгрома, они начали спешно выводить ночью свои части из города по дороге в сторону Будогощи. Они оставили город и даже сняли заслоны, прикрытия при поспешном отступлении.

Пехотные части в разных местах выходили на противоположный берег Волхова и вели тяжелые бои. Как и ожидалось, гитлеровцы дрались на рубеже Волхова отчаянно, пытаясь сбросить наши части с плацдармов и удержать рубеж по реке.

Комбат дал приказ переправиться на другой берег Волхова, где шли бои уже в двух километрах от берега и где находился его наблюдательный пункт. Мы уже были на другом берегу и, двигаясь по дороге, увидели связистов. Они сидели возле дороги со своими катушками в ожидании нас – успели проложить связь от НП.

– Скорее устанавливайте орудия, – торопили они, – фрицы начинают новую атаку! Бой идет за этим лесом, на опушке!

Мы без промедления загнали упряжки с орудиями в удобное место возле дороги. С наблюдательного пункта комбат стал передавать команды на ведение огня. На таком малом прицеле нам еще никогда не приходилось стрелять. Так близко ставить орудия позади своего наблюдательного пункта было нерасчетливо.

Только в данном случае это было оправдано, если предпо-

лагалось выдвинуть орудие на открытое место для стрельбы прямой наводкой, то есть для стрельбы шрапнелью.

Орудия вели интенсивный огонь. Я по командам, передаваемым комбатом, старался представить, что там происходит.

Прибежал связист с передовой, схватил карабин, гранаты и, убегая назад, успел только сказать:

– Бой идет за этим лесом, нашей пехоты мало, фрицы лезут напролом, вот-вот могут здесь появиться! Будьте готовы спасти орудия, держите упряжки наготове. Комбат сказал, что сообщит, если связь будет целой. Смотрите в оба сами все время!

Поблизости от орудий стали рваться немецкие мины. Орудийные номера не обращали на них внимания. Я стал опасаться: если будут потери людей, кто вытащит орудия на дорогу, кто будет спасать их? Орудийной прислуги и так мало – по два-три человека на орудие. В последнее время пришлось по приказу давать пополнение в пехоту. Я стал уже сам работать за орудийный номер – подносить снаряды. При каждом завывании очередной мины я кричал солдатам «ложись». Одна мина плюхнулась в десяти шагах, ушла под снегом в болото и взорвалась, выбросив на два метра в высоту немного грязи. В момент падения мины мы инстинктивно все пригнулись, а после взрыва повеселели.

– Да они, товарищ лейтенант, в болото плюхаются и там рвутся. Стрелять можно. Может, на передовой отобьются.

Я это уже понял.

– Если фрицы на НП прорвутся, они тут у нас будут через пять минут. Все равно не успеем выбраться отсюда с орудиями. А так, может, поможем им, – подавал совет наводчик.

Я приказал переставить одно орудие на дорогу для стрельбы шрапнелью, на случай, если появятся фрицы, поднести к этому орудию снаряды. Сказал связисту, чтобы запросил, что там, на передовой, доложил о перестановке орудия.

– Пока отбиваются. Усилить огонь. Сейчас успокоятся! – передал связист. Немецкие офицеры зря людьми не бросались. Небольшое сопротивление – и они вызвали авиацию. И здесь без нее дело не обошлось. Прямо над головами, на самой малой высоте, как бы только оторвавшись от земли, прополз «юнкерс». Я немедленно сообщил об этом комбату. Он сказал, что уже скоро смеркаться начнет, на завтра все оставляют. Ночью надо отвести орудия назад, за Волхов. Бомбить завтра будут. А пока снижайте темп огня, одна минута – выстрел – до отбоя, чтобы окончательно успокоились.

Я про себя отметил, что комбат создает впечатление у противника: мы остаемся на своих местах.

Последовала команда «отбой». Мы с трудом вытащили остальные орудия на дорогу и покатали за Волхов, на старые огневые позиции.

На другой день мы со старшиной поехали на санях забрать оставшиеся снаряды, оставленные впопыхах некоторые свои пожитки. Он предложил переехать через замерзшую реку,

левее дороги, взглянуть днем на то место, где пехота недавно билась за плацдарм на другом берегу Волхова. Едва мы выехали на противоположный берег, перед нами открылось поле боя. Все пространство от самого берега до леса было устлано убитыми нашими солдатами. Все до единого раздеты до нижнего белья. В лютую зиму первого года войны теплую одежду успели собрать. Солдаты, которые это делали, всегда извинялись: «Прости, браток, тебе она ни к чему, а нам топтать надо вперед, до Германии...» Видно было, что наша пехота не раз и не два бросалась в атаку из-под крутого берега, пока не зацепилась за лес, в котором она, опрокидывая сопротивление противника, быстро оказалась на рубеже, где вчера шел бой, в двух километрах от берега. Было непонятно, кто так бездумно распорядился жизнями наших солдат. Ведь можно было перед наступлением вызвать артиллерию и обработать кромку леса огнем. Какой полк, какой дивизии наступал, неизвестно. Впрочем, спрос на артиллерию был большой, ее всегда и везде не хватало, как и авиации. Шел только 41-й год, первый год Отечественной войны.

Приехав на место, где стояла батарея, мы увидели следы недавней бомбежки: разбросанные ящики со снарядами, заляпанные замерзшей грязью, воронки, исковерканный вокруг лес.

Нашли несколько ящиков, которые уцелели, погрузили на сани и двинулись не спеша назад. Вдруг увидели выбежавшего из леса связиста Привалова, которого считали погиб-

шим. Он обрадовался встрече с нами, сел в сани и сказал:

– Гоните! Немцы заняли наш наблюдательный пункт. Никакого прикрытия позади нас больше нет. Я один успел выскочить и вот плутаю по лесу, пока вас не увидел. Нет ли у вас корочки хлеба, три дня во рту маковой росинки не было!

Мы со старшиной сразу поняли, как мы рисковали, совершая свою поездку за снарядами под нос к немцам. Они еще не знали, что впереди них никого нет, что линия фронта снова проходит теперь по реке.

Мы погнали на санях к себе, за Волхов, слушая рассказ Привалова о том, что произошло на НП. Пересказать то, что говорил Привалов – значит пояснить, что скрывается за словами фронтовиков, говорящих: «Чудом остался жив». А чудо состояло в следующем: немецкая пехота подобралась на рассвете к остаткам наших стрелков, перебила их, вошла в расположение нашего наблюдательного пункта, стала открывать крышки землянок и спускать туда по гранате. Разведчики и связисты были перебиты, командир взвода управления взят в плен. Привалов находился в крайней землянке, услышав взрывы, выскочил из землянки, увидел, что немцы спускают гранаты, упал среди убитых и притворился мертвым. Среди убитых ходил рыжий немец и стрелял из автомата в лежащих солдат – для верности. Подошел к Привалову, стал менять рожок, вставил его в автомат и направил на него. Привалов лежал у его правого сапога. Рыжий тщетно нажимал на курок – в немецком оружии тоже застывала смазка. В

это время его окликнул другой немец, который взял в плен командира взвода управления. Рыжий бросился к месту события. За пленного в немецкой армии давали отпуск домой на месяц. Привалов чудом уцелел, дождался ночи и стал пробираться к своим, а по пути смотал немецкий кабель.

Комбат, который ночью вслед за орудиями покинул свой НП, был уже на огневой позиции и, увидев нас, обрадовался, что мы вернулись невредимыми. Привалов был уже внесен в список погибших со всем взводом управления.

Вскоре мы снялись с этого места, весь полк перебрасывался на другой участок фронта. Походная колонна с большими интервалами между батареями двигалась к новому месту сосредоточения. В моей голове не было ни малейшего представления, куда мы едем, где идем. В пределах видимости иногда появлялись очертания населенных пунктов, которые обходили стороной. Чувствовалось, что путь держим дальний, что приняты какие-то меры предосторожности, поскольку обходим населенные пункты. Погода стояла пасмурная, авиация не беспокоила, но и по звездам было невозможно определить направление движения.

В армии действует закон – военная тайна при передвижении. Чем меньше будут все знать, тем целее будут. Батарею ведет комбат, комбатам приказы отдают командиры дивизионов, дивизионы направляет командир полка, полки двигает командир дивизии и так далее. Каждый знает то, что ему положено. Солдаты уже привыкли к этому, меня не спраши-

вают, я тоже.

Придем – узнаем.

Шли по бездорожью, по глухим лесным просекам. Дни и ночи шли под пронизывающим ледяным ветром, в пургу и метели. Шли, утопая в снегу, по непролазной чаще леса, по заснеженным склонам небольших возвышенностей, где уже после прохождения трех батарей вместо колеи дороги оставалась раскатанная до самого подножия катушка. Продвижение по такому склону последней шестой батареи, вооруженной тяжелыми гаубицами, требовало нечеловеческих усилий. Каждое из препятствий, которые приходилось преодолевать, навечно осталось в памяти фронтовиков.

Дорога войны – это не просто движение по пересеченной местности, не только пробки и бомбежки – это многократное, замысловатое испытание физических сил каждого на грани возможного и невозможного. В привычных условиях эти перегрузки кому-то могут показаться нереальными, фантастическими.

В одном месте пришлось особенно тяжело. Мы двигались по склону небольшой высоты, подножие которой оканчивалось обрывистым берегом замерзшей речушки. Проходящие впереди орудия, поддерживаемые десятками солдат из всех батарей, одно за другим преодолевали опасное место, и каждое из них, сползая немного боком в сторону обрыва, полировало коварный склон. Последней батарее помогать было некому. Едва первая гаубица ступила на склон, как сразу же

многие лошади, словно подкошенные, попадали на брюхо. Отчаянными усилиями орудие, сползшее боком к обрыву, удалось задержать. Ездовые с трудом поднимали лошадей, рубили на склонах ямки, в которые лошади могли бы опереться копытами, орудийные номера долбили в склоне канавки для колес орудий, опасливо поглядывая на обрыв, находившийся в нескольких метрах. Каждый метр пути на этом склоне приходилось брать приступом. Все измотались, и у меня возникло опасение, что при движении других орудий может произойти катастрофа. Орудие может рухнуть с обрыва, увлечь за собой людей и лошадей, будут человеческие жертвы.

Какие только проекты не придумывались, какие только мыслимые и немыслимые способы дальнейшего продвижения не предлагались, чтобы избежать грозящей опасности. Все сошлись на одном: способ передвижения прежний, орудия не отпускать ни в коем случае, а если придется погибать, так погибать всем вместе.

Наше продвижение походило на работу альпинистов с ледорубами, идущих в обход ледяного купола, с той только разницей, что мы шли не с рюкзаками за спиной и специальными инструментами, а с упряжками лошадей, тащивших гаубицы весом в две с половиной тонны каждая. И мы выбивали ступеньки не специальными ледорубами, а первыми попавшимися под руку железными предметами.

Кто-то вспомнил, что так ходили солдаты Суворова в Аль-

пах во время его знаменитого перехода и штурма Чертова моста. Этому человека тут же поправили:

– Тоже мне, сравнил! У Суворова таких гаубиц не было!

– Здесь сам Суворов отказался бы идти!

Шаг за шагом, выбиваясь из сил, продвигалась наша батарея вокруг обледеневшей высоты, и, когда коварный склон остался позади, все пришли к выводу, что ничего труднее на дорогах до самого окончания войны нам уже встретить не придется. Мы не знали, что главная трудность нас поджидала совсем недалеко.

Колонна вышла на хорошо накатанную дорогу и, делая небольшие остановки, уже много часов двигалась вперед, спеша выйти к намеченному сроку на заданные рубежи. Жестокий мороз, пронизывающий до костей ветер заставляли людей идти боком. Подшлемники солдат обросли налетом изморози, в маленьких незащищенных овалах лиц у многих просматривались белые, без единой кровинки пятна – первые признаки обморожения. Командиры знаками показывали эти места, и солдаты начинали их ожесточенно тереть. Вдруг колонна надолго остановилась. Я пошел взглянуть на причину длительной задержки на совершенно ровной дороге. Впереди оказалось огромное прикрытое снегом болото, через которое пролегалась высокая насыпь дороги. Середина шоссе была разрушена огромным зарядом тола. Отступающие гитлеровцы заложили заряд под самое основание насыпи, в отверстие для стока воды, и разрушили дорожное по-

лотно на протяжении более полусотни метров. В образовавшейся воронке мог свободно уместиться большой трехэтажный дом. Столпившиеся солдаты и командиры мрачно оглядывали окрестности. Было ясно, что обойти поврежденный участок дороги можно только по болоту справа, и для этого придется строить гать – настил из бревен для проезда по топкому месту. Раздалась команда, и закипела работа. Солдаты валили расположенный неподалеку лес, распиливали стволы на бревна, подвозили и подносили их к месту объезда.

Место стройки походило на муравейник. И вот уже на глазах стала обозначаться дорога. Через несколько часов напряженного труда начали переправлять орудия первой батареи. Десятки рук осторожно спускали на веревках вниз по откосу орудия, лошадей, совершали объезд по болоту, потом помогали упряжками лошадей вытаскивать орудия по крутому откосу на дорогу. Сравнительно легко переправили 76-миллиметровые пушки. Дело дошло до гаубиц. Гаубицы весом в две с половиной тонны продавливали сооруженный на скорую руку настил и по самые ступицы уходили в болото. Снова и снова подбрасывали в разрушенные места бревна, и вереницы попарно запряженных лошадей, неистово подхлестываемые ездовыми, продвигали орудие на пару шагов вперед. Вскоре трудно было уже разглядеть в образовавшемся месиве уложенные бревна. Мы с тревогой смотрели на останки дороги и упрашивали командиров проходивших орудий прийти с людьми на помощь, когда настанет оче-

редь переправляться нашей батарее. Хотя все уже выбились из сил, нам немного помогли. Изрядно попотев, общими силами удалось перетащить по разбитому настилу две гаубицы. Как часто бывает в большом деле, помощники после сделанной основной работы расходятся, и заканчивать работу приходится основным исполнителям. Помогавшие солдаты побежали догонять свои батареи. Одно орудие, которое предстояло тащить через болота, казалось всем сущим пустяком. Но не тут-то было.

Последнее орудие застряло в месиве бревен и стало постепенно уходить в болото. Его колеса до половины уже сидели в грязи. Все наши попытки вытащить эту махину своими силами кончались неудачами. Я догнал уходящую колонну полка, попросил помощи, но командиры отмахнулись.

– Весь полк прошел, одно орудие сами как-нибудь перетащите! У вас людей побольше, чем у нас.

Подавленный несправедливостью, я медленно возвращался назад. Глядя на утопавшее в болоте орудие, я, признаюсь, подумал: «Это, наверное, тот самый раз, когда уже ничего нельзя сделать, чтобы его спасти. Здесь может помочь только мощный трактор или огромный подъемный кран. Что может сделать здесь горстка солдат? Ничего!» Между тем командир батареи старший лейтенант Волошин, человек необычайной энергии и воли, шагнул в болото и принялся тщательно обследовать погребенный под грязью неимоверно искореженный настил дороги. Со свойственными ему шутками и при-

баутками он принялся поднимать затем людей, распределять обязанности по ремонту дороги. Вспомнили, что на свете существует способ поднимания тяжестей при помощи рычага. Тут же приволокли к орудию огромное бревно и сумели приподнять немного колесо орудия, подложить под него свежие бревна. Ездовые соединили всех лошадей в одну упряжку и подцепили к орудию. Налегая на постромки, помогая всеми силами, мы с громовыми криками: «Раз-два взяли! Еще раз!» – медленно вытягивали орудие из трясины.

Едва обозначился успех в этом, казалось, безнадежном деле, как все бросились в это месиво грязи и, налегая на спицы колес, старались сделать половину или хотя бы четверть оборота колеса.

Не раз и не два принимались мы за дело, пока наконец вырвали орудие из болотной топи. Пораженные содеянным, мы молча застыли в немом изумлении. Все уже выбились из сил настолько, что не хотелось даже думать о том, что придется его тащить по крутому склону на дорогу. Но последнее как раз и оказалось самым трудным делом. Несмотря на наши отчаянные усилия, орудие, поднятое примерно на середину откоса, всякий раз сползало вниз. Обессиленные, обозленные на бесплодность затраченного нечеловеческого труда, солдаты опускались на землю. И тогда Волошин принял решение:

– Приказываю: сесть или лечь каждому на том месте, кто где находится, и отдыхать. Ездовым укрепить дополнитель-

но постромки, вытряхнуть из переметных сум до последнего зернышка овес и подкормить лошадей. Перекур запрещаю, чтобы дыхание не сбивать, сделаем его на дороге, после того как вытащим орудие. Последний раз пойдем на штурм. Командира орудия ко мне!

Они посовещались несколько минут, и Волошин встал:

– Я за сержанта говорить не буду, а за себя скажу всем. Я буду работать на правом колесе и лягу вместо подпорки под колесо, если каждый из вас не будет работать в полную силу и вы дадите орудию еще раз сползти. Похороните меня вон на той опушке леса. А ты, Редкозубов, влепи на моей могиле из своего пистолета пулю тому, кто будет жилы свои беречь. Пусть эта дрянь будет мне вместо памятника.

Он выбрался по откосу на дорогу, отдал там распоряжения ездovým, стоявшим у своих упряжек, которые должны были помогать тащить орудие вверх, затем отошел в сторонку и стал задумчиво смотреть на опушку леса. Солдаты притихли. Они знали, что Волошин слов на ветер не бросает. Потом он спустился вниз, сел в круг отдохавших солдат и, верный себе, отпустил порцию соленых шуток, от которых все прыснули со смеха, и заключил:

– Меня рано отпевать!

Все поднялись и подошли к орудию.

– Ну, голубушка, – поглаживая ствол гаубицы, сказал один из бойцов, – быть тебе сейчас на дороге.

Он сбросил с себя шинель, расстегнул телогрейку.

– Теперь тебе только один путь, родимая, наверх, на дорогу, – размышлял вслух другой, оглядывая со всех сторон орудие и примериваясь к месту, где ему придется стоять.

Группа солдат, скрутив несколько вожжей, сделал из них длинный канат, полезла по откосу на дорогу – их место было наверху. Каждый делал свое дело с необычайной серьезностью и основательностью, за которыми чувствовалось огромное напряжение.

Волошин поручил подавать команды старшине, определив его место наверху, на дороге. Сам занял место у колеса.

– Слушай мою команду! – раздался голос старшины. – Пошел!

Ездовые стеганули упряжки расположившихся на дороге лошадей, и гаубица, сопровождаемая возгласами: «Раз-два – взяли! Еще раз взяли! Пошел! Пошел!», стала медленно подниматься вверх по откосу. Волошин, приложив грудь к железному ободу колеса, подтягивал руками к животу нижние спицы колеса. Я видел только его. Орудие было облеплено человеческими телами, которые подпирали махину весом в две с половиной тонны, толкали ее настойчиво вверх. Я пристроился к станине и, упираясь в заранее приготовленные на откосе ямки, до боли в животе вкладывал всю свою силу. Было во всех этих усилиях что-то яростное и страшное. Не обошлось, конечно, без отчаянных ругательств, топилось человеческое бессилие, и слышалась твердая решимость людей совершить невозможное. Лошади, царапая копытами почти

ледяное покрытие дороги, укатанное прошедшими батареями, падали. У меня от перенапряжения закружилась голова, и перед глазами появились разноцветные круги, сквозь которые с трудом угадывались знакомые лица. Думал только об одном: «Здесь надо выложить свои силы до конца». Уже рядом раздавался голос старшины:

– Еще два метра осталось. Раз-два – взяли! Еще разик! Еще раз!

Наконец, колеса орудия оказались на дороге. Последним усилием мы откатали его от края, и окончательно изможденные, все рухнули, словно подкошенные, на дорогу. Лошади там свалились прежде нас. Опутанные построшками, они изредка, с хрипом подергивались. Люди лежали молча, не было сил сказать несколько слов. Многие держались за животы. Меня сильно тошнило. Не было такой силы, которая могла бы заставить каждого из нас в этот момент подняться. Каждый израсходовал последнюю кроху мускульной энергии. Рядом со мной несколько солдат лежали на спинах, разбросав руки в стороны, безмолвно смотрели в небо. Кто-то повернулся на бок и тупо уставился в болото, находившееся далеко внизу. Я, немного полежав, повернулся, осел на колени, упираясь головой в дорогу, – на последних метрах меня схватили судороги, усилились рези в животе.

– Что мы совершили! Что мы сотворили!.. – тихо бормотал командир злополучного орудия.

Старшина суетливо ходил между людей и лошадей, изред-

ка наклонялся, трогал кого-то за плечо и растерянно ободрял.

– Братцы! Вы живы? Я сейчас только до саней добегу за сухарями. Братцы!! Да что же это такое! Да разве мы ее втащили? Вовек не забуду эту минуту! Братцы! Я сейчас! Сейчас вас поднимать буду...

Он притащил из своих запасов несколько сухарей, совал каждому по кусочку в рот. Кое у кого от нервного перенапряжения появились слезы. Прошло несколько минут, прежде чем начало проходить наше оцепенение. Люди с трудом отрывались от земли и, поднимаясь на ноги, направляли свой взор прежде всего туда, где несколько минут назад утопала в болоте гаубица.

Каждый плюнул на это место.

– Навечно запомню это место. Если останусь жив, сюда буду приезжать.

– Большой трудности нам не видать вовек.

– Теперь легче воевать будет.

Волошин, пошатываясь на ногах, подходил к каждому, клал руку на плечо, смотрел пристально в глаза солдату, словно узнавая его впервые, и повторял одну и ту же фразу:

– Спасибо, браток!

– Спасибо, браток! Никогда не забуду!

– Ладно! Чего уж теперь орать-то?.. Надо лошадей скорей поднимать, а то застынут.

Все стали поднимать на ноги лошадей, нежно трогали их

головы, смотрели в их удивленные, широко раскрытые глаза, обращали к ним всевозможные слова нежности.

– Вставай, родная! Вставай! – колдовал у коренной ездовой. – Нам тоже досталось.

Он совал ей в рот свернутый жгутик сена, припрятанного когда-то на этот самый случай в дальнем уголке зарядного ящика. Вскоре наша батарея двинулась догонять колонну полка.

Сейчас, спустя много лет, когда мне задают вопрос, что больше всего запомнилось на войне, я вспоминаю этот случай, как мы тащили орудие из болота на дорогу.

Да, война – это не только героизм. Отвага, самопожертвование в прямой схватке с врагами. Это тяжелейшая пора физических испытаний, это невероятный, до полного физического изнеможения, труд солдата во имя одной и той же победы!

Мясной Бор

Мясной Бор в годы войны – это огромная мясорубка, место гибели Второй ударной армии, место боев за ее вызволение из гнилых болот, это вереница скорбных памятников людям, отдавшим свои жизни за прорыв блокады Ленинграда. Тысячи и тысячи людей пали на берегах реки Полисть, за Большое и Малое Замошье, за Теремец Курляндский, нашли свою смерть в безбрежных болотах вокруг Мясного Бора.

Когда я в составе 6-го гвардейского артполка прибыл в район Мясного Бора, мне не раз приходилось слышать солдатский спор о том, как в действительности называется эта деревня: Мясной Бор или Зеленый Бор. Говорили, что деревня, возле которой мы находимся, называется Зеленый Бор, что это – географическое название этого места, как оно обозначается на картах. В название Мясной Бор ее будто бы перекрестила солдатская молва в память о невиданном массовом кровопролитии, которое здесь происходит. Но деревня Мясной Бор испокон веков носила такое название, так она была обозначена на картах довоенных выпусков.

Мясной Бор оправдал свое название – человеческого мяса вокруг него предостаточно поглотили болота. Кровавые бои здесь шли за узкую полосу земли, за узкий коридор, в который вошла Вторая ударная армия, чтобы прорвать кольцо блокады Ленинграда. Но тогда, в январе 1942 года, добиться успеха она не сумела, и наступление было приостановлено. Вскоре, во второй половине января, она начала новое наступление, прорвала оборону немцев и, отбросив их за Волхов, заняла Мясной Бор. Возле этой деревни Вторая ударная вклинилась в немецкие тылы и начала стремительное наступление на Любань. Была занята обширная территория, которая по периметру составляла более двухсот километров. Войска Второй ударной армии углубились на 70-80 километров, но ввиду отсутствия пополнения силы армии иссякали. Снабжение ее было затруднено. Коридор, в кото-

рый вошли Вторая ударная армия и кавалерийский корпус генерала Гусева из трех дивизий, имел в ширину примерно четыре километра и под нажимом немецких войск постепенно суживался.

Когда наш артполк прибыл под Мясной Бор, коридор был еще открыт. Помню, как я вышел на открытое место и наблюдал столбы дыма – горели бензовозы и танки. Немецкая авиация расправлялась с ними на единственной фронтовой артерии – кругом были непроходимые болота. Был тот самый момент, когда солдаты обсуждали приказы.

– Загоняют технику, машины, а прикрытия от немецких самолетов никакого нет. Скоро захлопнется все это дело, ширина-то прорыва всего четыре километра, слева и справа простреливается, – зло комментировал командир орудия.

Наша дивизия стояла в горловине этого прорыва, а лучше сказать, в горловине мешка, в который втянулась Вторая ударная и билась смертным боем с отборными частями группы Венделя. Дверь в коридор то открывалась, то закрывалась.

В самый разгар боев в окружении оказались десять стрелковых дивизий и несколько дивизий из других армий, семь стрелковых бригад, гвардейский минометный полк «катуш», артполки РГК, множество дорожных, саперных, автомобильных батальонов, медсанбатов и полевых госпиталей – всего до сорока отдельных боевых частей. На их долю выпало изведать все ужасы, которые обычно выпадают на долю

окруженных частей. Но тяготы и ужасы, выпавшие на долю окруженных частей Второй ударной армии, не знал ни один фронт Отечественной войны. В боях за вызволение наших войск, попавших в окружение, принимало участие множество частей и соединений, в том числе и наша 65-я стрелковая дивизия. Обе стороны дрались с небывалым упорством и ожесточением.

Однажды я стоял возле дороги, по которой непрерывным потоком шли машины с боеприпасами, продовольствием, горючим, и встретил своих друзей из 172-го гаубичного артполка, который после боев под Тихвином был выведен в резерв. Они проходили мимо меня бодрые, веселые, отпускали в мой адрес шутки. Птичкин, Арсеньев, Рутченко...

– Однако неплохо устроились тут, смотрите, не пролежите бока!

– Дождитесь, когда для вас проход прорубят!

Они погибли, все до единого, в окружении...

Пехотные части дивизии несли большие потери. Восполнить их пришлось за счет тыловых частей и артиллерии. Пополнение поступало редко. Поэтому я не удивился, когда в батарею пришел приказ срочно направить одного командира с переносной радиостанцией в штаб 60-го стрелкового полка, который разместился в одном из домов Мясного Бора. Из командиров на огневой позиции был только я. Сборы были недолги. Я вызвал старшину, приказал ему захватить с собой рацию. Старшина оказался сметлив, ему можно было дать

приказ взять, а отдать что-либо – это было выше его сил. Он просто сказал, что батарейки сели, и если требуется рация, штаб пехотного полка найдет ее, у них есть. Я отправился в штаб без радики.

Пришел на станцию Мясной Бор, увидел улицу вдоль железной дороги и ни одного человека на ней. Я шел по улице безмятежно, намереваясь зайти в какой-нибудь дом спросить, где расположился штаб 60-го полка. Вдруг увидел убежавшего из дома командира в полушубке. Он юркнул на задворки и, пригнувшись, приготовился бежать к лесу. Увидев меня, махнул мне рукой, и я бросился за ним в направлении к лесу.

– Нашей пехоты впереди нет, прозевали мы, – говорил он на ходу.

Мы бежали, пригнувшись, до самого леса, и только углубившись в него, передохнули. Я начал ему рассказывать о приказе.

– Какой тебе, к черту, приказ: немцы за полотном дороги стоят! Если выглянуть из-за насыпи, пулю влепят. Я заскочил в дом бумаги кое-какие забрать. Идем скорее. Мне в штаб дивизии надо. Учти, пехоты впереди нет.

Орудия только ваши стоят.

Он рассказал мне о ситуации, сложившейся в данный момент. Пока принимали решение обеспечить связь 60-го полка со штабом дивизии, немцы перешли в наступление и захватили одну сторону деревни, за железной дорогой. Пере-

довая теперь проходит в двадцати метрах от линии домов.

Мы решили, что надо предупредить пушечные батареи, которые стояли впереди шестой батареи, чтобы организовали оборону. Расстались, пожав друг другу руки. Я быстро пошел передавать указание, чтобы выдвинули пушки для стрельбы прямой наводкой, и направился в свою батарею с этой новостью.

Положение в самом Мясном Боре было восстановлено. Противника отбросили от железной дороги километров на пять, и мы заняли новую огневую позицию. По вспышкам немецких осветительных ракет ночью можно было точно определить сам коридор прохода во Вторую ударную армию. Он за последние дни сузился и был шириной всего метров 700-800.

Новая позиция мне понравилась тем, что это было относительно сухое место. Мы простояли там долго, примерно месяц. Немцы получили подкрепление – баварский корпус. Одна 65-я дивизия была не в силах сдерживать наступление частей группы Венделя. Противник шаг за шагом приближался к огневым позициям батареи.

Мы вели огонь по деревням Копцы, Любцы, Теремец Курляндский. От этих деревень остались одни названия. На месте Любцов стояла одна полуразрушенная печка. Говоря словами Твардовского:

Там в щебенку каждый камень,

В щепки каждое бревно,
Называлось там Любцами
Место голое одно.

Кстати, деревень с таким названием – Любцы – встречалось немало на нашем пути. Люди селились возле красивых мест. Деревня Любцы возле Мясного Бора прославилась тем, что переходила из рук в руки несколько раз. Однажды, когда поступил очередной приказ взять эту печку во что бы то ни стало, командир роты автоматчиков умолял вышестоящее начальство дать ему срок несколько часов, до наступления темноты, доказывал, что возьмет эту печку к утру – пошлет «пластунов» в обход пулеметов, они вырежут ножами немецких пулеметчиков. Но старшие командиры были непреклонны: взять Любцы и никаких гвоздей!.. Оперативные задачи решались наверху, какие квадратные метры являются главными, когда речь идет о судьбе армии. Мне разведчик лично рассказывал, как рота автоматчиков – 150 человек, отобранных как на подбор, одетых в полушубки, ходила в атаки на пулеметы, пока все не легли на поле боя во главе с командиром. Потом три дня шел бой за овладение теплой одеждой, дрались за то, чтобы раздеть автоматчиков, за полушубки и валенки. Свирепые морозы зимой 1941/42 года, когда температура понижалась до минус 42 градусов, заставляли солдат отчаянно рисковать своей жизнью.

Описывая военное лихолетье, а лучше сказать лихозимье,

1942 года, я не могу не сказать о непередаваемой красоте зимнего ночного леса. Лунная ночь. Я прохаживаюсь возле орудий – сегодня моя очередь дежурить. Вдруг мимо меня проследовало человек двадцать лыжников. Одеты в белые маскхалаты, они двигались почти бесшумно, как призраки. Только снег слегка поскрипывал под лыжами, да слышалось учащенное дыхание людей. Шли с автоматами и рюкзаками, видимо, в немецкий тыл. Они шли так быстро, что я увидел всю группу, когда она начала втягиваться в лес. Было видно, что группа хорошо тренирована – шли след в след. Я успел тихо сказать последнему лыжнику: счастливого пути и благополучного возвращения. Он не проронил ни слова, но мне показалось, что он ответил легким кивком головы.

Находясь на огневых позициях, наша батарея подвергалась обстрелу из минометов и тяжелых орудий. Во время одного такого обстрела я и солдаты укрылись в блиндаже. Солдат из другой батареи, которого минометный обстрел застал, когда он проходил мимо нашего блиндажа, был тяжело ранен. Осколок перебил ему руку выше локтя. Мы втащили его в блиндаж и при свете коптелки стали гадать, что делать.

– Надо наложить жгут, перетянуть руку, что-нибудь дайте.

– Рука держится на тонком кусочке мышцы. Ее можно вертеть и так и эдак. Дайте нож, я отрежу ее, тут все равно не приживет, – подавал совет другой.

– Нет, надо в медсанбат. В госпитале приделают, я видел!..

Мне от близкого созерцания этого ужасного ранения, оби-

лия крови, переломанных костей стало плохо. Я считал, что ее надо отрезать и забинтовать. Сам раненый просил не отрезать. Наложить какую-нибудь шину не было возможности. Шел обстрел, и мины рвались у самой землянки. Сделали жгут из бинта и наложили выше перебитого места. Обмотали кое-как бинтами окровавленные части руки. Чтобы она не оторвалась под собственной тяжестью, сунули руку в карман. Как только закончился обстрел, отправили солдата в медсанбат, который находился недалеко от нас.

Однажды при ведении огня один наш снаряд разорвался вблизи нашего наблюдательного пункта. Комбат попросил меня проверить заряды. Мы сверили свои записи. Огонь точно велся в соответствии с передаваемыми с НП командами.

– Значит, сам где-то напутал, – сказал он.

На огневых позициях у меня тотчас появился сотрудник СМЕРШа.

– Вы что тут стреляете по своим? – обратился он ко мне, как к старшему на батарее.

– Стреляем согласно командам, которые передаются с НП.

– Что ты мне суешь свои записи? Ударили по своему НП, чуть в блиндаж командира батареи не попали!

– Садись и сам пересчитывай мешочки с зарядами или иди на НП, разбирайся там.

Это вызвало у него приступ озлобления. Мне рассказали, что он как огня боится передовой.

– Проверим, если надо будет.

Он был старше меня по званию всего на один кубик. Я, боевой командир, в такой ситуации относился с легким оттенком превосходства к работникам тыловых частей и был уверен, что он ни за что не пойдет на передовую.

– Вот иди и проверяй записи комбата. Потом придешь и расскажешь, куда он тебя послал.

– Ладно, разберемся.

Он ушел. К этой истории возвращения не было. А может быть, и было. В списки награжденных, которые визировались начальником особого отдела, за все время пребывания на фронте ни один солдат и командир нашей шестой батареи так и не попал, хотя в соседней батарее все 32 красноармейца во главе с командиром Рясиным были награждены орденами Красного Знамени.

Когда мы занимали эту огневую позицию, бои носили упорный и затяжной характер. Применялась разная система огня. Батарея вела ночной огонь, беспокоящий огонь (один выстрел в минуту на протяжении двух-трех часов), заградительный огонь (когда перед наступающей немецкой пехотой создается стена огня, и она отсекает наш НП) и «огонь на себя» (когда наш НП окружал противник, и комбату нечего было терять, кроме себя). Впервые за все время войны широко применялся огонь по блиндажам противника, который требует ювелирной точности. Прежде всего, блиндажи должны быть видны, а это возможно только на болоте, где нельзя зарыться в землю. Блиндаж на болоте – это, по сути

дела, шалаш из подручных материалов.

Помню хорошо, комбат вел огонь по такой цели. Прицел давал больше, затем меньше, стремился захватить цель в вилку. Но одно деление прицела на прицельном приспособлении равно 50 метрам. Попробуй попасть ниткой в иголку. Начинаются команды: «чуть больше», «чуть-чуть меньше», «чутьчуть-чуть больше»... И это при условии, что НП находится в створе, то есть на линии «цель – орудие». А теперь представьте себе, что реально створ бывает редко, и «орудие – НП – цель» всегда образуют треугольник. Попасть в такую цель (это стрельба со смещением) чрезвычайно трудно. Радости нет конца, когда видишь, что летят щепки.

Между тем кольцо окружения противника все больше и больше сжималось, проход во Вторую ударную становился все уже и уже. Ранняя весна, оттепели разрушили дороги. С невероятным трудом доставлялись продовольствие и боеприпасы. В середине марта немцы сузили коридор до 500 метров. Снабжение армии было возможно только по воздуху. Численность соединений таяла. В 832-й дивизии боеспособными остались только 400 человек, которые получали по 50 граммов сухарей и 60 граммов конины в день.

Но потом не стало и этого. Начался голод. Только после этого командование армии и фронта отдало приказ выходить мелкими группами, на языке солдат – «спасайся, кто как может».

Армия погибала в непроходимых болотах. Но бои за ее

вызволении не прекращались и приняли более жестокий характер.

Начинался сто двадцать первый день боевых действий дивизии на фронте, в составе которой я прошел путь от Тихвина до берегов Волхова.

Утро 17 марта 1942 года над позициями дивизии выдалось ясное. Над редким сосновым лесом, где расположилась наша батарея, вставало ослепительное солнце. Случай, надо признать, не такой уж частый в Ленинградской области, где хмурое небо и темный лес, окутанный тяжелой синевой, с нечеткими контурами горизонта – обычная картина, сопровождавшая солдат на дорогах войны.

Очень скоро на снегу заиграли тысячи искр, которые слепили и радовали, напоминали о приближении весны. Истосковались люди на войне по этим прелестям за долгие северные ночи с вьюгами и свирепыми морозами.

После короткого сна солдаты выползали из землянок, окидывали взором боевые позиции батареи, потягивались и перебрасывались репликами:

– Да, денек...

– Эх, в такой день у нас в Сибири можно было в лесу с ружьишком походить, на зверя поохотиться.

– Ни единого облачка! Какая красотища!

– Черт бы побрал эту красоту. Сегодня авиация даст прикурить.

– Не каркай!

Раздевшись до пояса, я вместе со всеми начал обтираться снегом. Мартовское солнышко давало о себе знать, и я, одеваясь, решил оставить на себе только нижнюю рубашку, гимнастерку и овчинный полушубок. Теплое белье, меховой командирский жилет, телогрейку, а также теплые портянки и шерстяные носки отнес в землянку и сложил в свой вещевой мешок. День обещал быть жарким по всем солдатским понятиям. Вчера пришлось изрядно попотеть.

Командиры орудий уже оделись и поторапливали солдат, отдавая различные распоряжения. Осмотрев огневую позицию, я сел на станину орудия, раскрыл планшет, достал командирский блокнот учета расхода и поступления снарядов и углубился в расчеты.

За минувший день батарея вела длительный огонь. Возле орудий валялись горы стреляных гильз. Противник непрерывно усиливал нажим на боевые порядки нашей пехоты, которые после многих дней боев заметно поредели. Немецкие автоматчики обтекали наблюдательные пункты батарей. Среди связистов были потери, и для восстановления связи требовались огромные усилия. Начинаясь день не мог быть легким, и все это хорошо понимали. С подошедшими командирами орудий я стал что-то обсуждать по части готовности орудий к ведению длительного огня. Потом повели речь о действиях на случай прорыва противника к огневым позициям. Решили усилить боевое охранение. Осмотрели поблизости места, пригодные для ведения огня прямой

наводкой, я сходил и договорился с соседней пушечной батареей, чтобы выкатили одну 76-миллиметровую пушку подальше вперед и подготовили шрапнельные снаряды.

Мысль о том, что придется отбиваться от немецкой пехоты пушками, ни на минуту не покидала меня и все время волновала. Стрелкового оружия на батарее почти не было. Ручного пулемета – ни одного. Автомат – вообще мечта каждого солдата в первый год войны. Людей тоже мало, много погибло на пути от Тихвина к Волхову в непрерывных боях, а тут еще пришлось, выполняя приказ, направить в пехоту несколько человек из батареи, когда по крохам собирали пополнение в пехоту.

Я еще и еще раз обходил позицию батареи, отдавая распоряжения. Каждый делал свое дело сосредоточенно. Солдаты вынимали из-под снега ящики со снарядами, выкладывали из них снаряды на подстилки поближе к орудиям, убирали стреляные гильзы, вынимали из запечатанных гильз парафиновые пробки и пересчитывали мешочки с порохом, подтаскивали цинковые ящики с дополнительными зарядами.

Наводчики колдовали возле своих прицельных приспособлений, подчищали отметки на деревьях (на которые наводятся перекрестия панорам при стрельбе с открытой позиции), убирали с отметок приспособления для ведения ночного огня. Каждый, сделав свое дело, тут же подключался в помощь своим товарищам.

Связист, сидевший в окопчике в стороне от орудий, вдруг

крикнул:

– Батарея, внимание!

Во всю мочь своих легких я выдохнул:

– Батарея! К бою!

Командиры орудий отдали свои команды:

– К орудиям!

Все встали по своим местам. Я стоял возле телефониста, который держал трубку возле уха и весь напрягся в ожидании следующей команды с наблюдательного пункта.

– Ну, что там? – спросил я.

– Молчат, товарищ командир.

Вдруг телефонист встрепенулся и стал скороговоркой передавать команды.

Я на весь лес:

– По отметке! Прицел 60! Уровень 0-02! Первому! Четыре снаряда на орудие!

Над лесом летели раскатистые команды – мои, командиров орудий, наводчиков, докладывавших об исполнении команд. Я поднял руку:

– Огонь!

Вместе с взмахом моей руки прогремел выстрел. Начался рабочий день войны. Артиллерийская машина стала набирать обороты.

Все потонуло в грохоте выстрелов. Сизый дым стал заволакивать огневую позицию. Вскоре повели огонь соседние пушечные батареи. Подавая команды, я тщетно пытал-

ся перекричать грохот орудий, подбегал к полуоглохшим наводчикам и кричал им в уши правее или левее 0-05, показывал на пальцах. Артиллерийская машина давно уже набрала обороты, и все крутилось на полную мощность. В какой-то момент в темпе стрельбы произошла заминка. Припасенные снаряды возле орудий были израсходованы, нужно было поднести новые ящики, распаковать их, подготовить заряды. Орудийной прислуги было мало, и темп огня естественно ослабел.

Тут же телефонист прокричал:

– Старшего на батарее к телефону!

Я подбежал и взял трубку. Из нее неслась двадцатиэтажная, сложносочиненная и трижды закрученная присказка, в которой главными действующими лицами были боги, матери, кресты, законы и тому подобное. А вслед за этим:

– Огонь! Огонь! Огонь! Немцы пошли в атаку и приближаются к наблюдательному пункту!

Надо было срочно открыть заградительный огонь. Я пулей бросился к орудию, которое заметно отставало в темпе стрельбы. Мой крик «Огонь!» тонул в грохоте выстрелов орудий, взрывах бомб, вое немецких пикировщиков. Встал за панораму сам, наводчику приказал заряжать, остальным бегом подтаскивать трехпудовые ящики со снарядами к орудиям.

Бой шел уже несколько часов. Все крутились на пределе своих сил и возможностей. Ко мне подбежал телефонист и

доложил:

– С наблюдательного пункта передали, что последние снаряды попали в самую гущу немецкой пехоты. Сказали: молодцы!

Перейдя в наступление, противник перенес огонь вглубь нашей обороны. Тяжелые снаряды и мины стали рваться поблизости от орудий. Немецкие пикирующие бомбардировщики стали долбить лес где-то поблизости. Примерно 70 самолетов, выстроившись в круг, по очереди бросались в пике с ревущими сиренами. Отбомбившиеся «юнкерсы» уходили за грузом, их место занимали новые и новые. Наших истребителей – ни одного. Это был еще первый год войны.

Нажим противника усиливался. Связисты, которые носились по линии, восстанавливая связь, докладывали, что в лесах натыкались на немецких автоматчиков, просачивавшихся сквозь боевые порядки пехоты. Появились легко раненые. Грохот взрывов бомб постепенно приближался к огненным позициям батарей. Немецкая авиация, видимо, решила перепахать узкую горловину прохода Второй ударной, потом закрыть ее наглухо и таким образом окружить армию.

Стонала и содрогалась древняя новгородская земля. А я стоял за панорамой, дергал за шнур и, стараясь перекрычать грохот боя, поторапливал солдат, таскавших снаряды. Воздушная карусель уже закрутилась над головой.

Я принял решение и подал команду: «В укрытие!» Часть орудийной прислуги бросилась в окопчики возле орудий,

часть – в землянки поблизости от орудий. Окинув взглядом батарею, я спустился в землянку последним.

Блиндажом называлась, как я уже говорил, солдатская землянка, служившая местом для сна и для укрытия при бомбежках и артобстрелах. В своем последнем качестве это сооружение могло надежно защитить от осколков бомб и даже ротных, малокалиберных минометов, если имело 4-6 накатов (слоев бревен), но не от прямого попадания бомб и снарядов.

В условиях сплошной болотистой местности с большим трудом удавалось найти относительно сухой островок или бугорок, где выкапывалась ямка глубиной в лучшем случае до метра, перекрывалась бревнами и оборудовалась под жилье. Входом в блиндаж-землянку обычно служило отверстие сверху – ящик из-под снарядов, с крышкой на петлях и выбитым дном.

Землянка, в которую я спустился, была на восемь человек, в два наката, глубиной сантиметров восемьдесят. Дно ее было устлано крышками из-под ящичков – промерзшая земля в ней оттаивала, и на дне было всегда сыро. Четыре человека размещались головами в одну сторону, четыре – в противоположную. Все уже лежали и обсуждали вполголоса вопрос: попадет или не попадет. Я очень устал. Три дня до хрипоты «огонь!» орал, не ел, не пил, почти не спал. Сунул под голову вещевой мешок с теплым бельем и одеждой и блаженно растянулся на спине. Включившись в солдатский разговор,

стал что-то рассказывать о теории вероятностей, по которой выходило, что попасть в блиндаж сверху прицельно почти невозможно, а при бомбежке по площадям вероятность и по-давно мала.

– А если пахать землю бомбами, как сейчас? – спросил кто-то в дальнем углу.

– Пронесет! – голос звучал уверенно.

– Попадет в блиндаж – не выдержит.

– Надо было делать, как у зенитчиков, в восемь накатов.

– Если влепит прямо в блиндаж – не спасут и десять накатов.

Некоторые переводили разговор в область воспоминаний – такое направление разговора всех как-то ободряло. Припоминали, что было и хуже при бомбежках, особенно когда они заставляли полк на маршах. Но мысли солдат все равно вращались вокруг темы бомбежек.

После каждой серии взрывов земля ходуном ходила под каждым из лежавших в блиндаже. Гулко хлопала крышка входного люка. Все с тревогой смотрели наверх.

Слева от меня сержант уперся ногами в перекладину балки и, заложив руки за голову, молчал, справа лежал заряжающий одного из орудий, еще правее него молодой солдат из недавнего пополнения весь сжался в комок в углу блиндажа, обхватив руками колени и уткнув в них свою голову. «Сократил площадь поражения, – отметил я про себя. – Ну и Ковалев! Никак не может привыкнуть к грохоту боя. Пря-

мо из-за парты попал на передовую. Снаряды боится в руках держать».

Я к этому времени успел забыть, что под Тихвином был таким же – от первого шипения тяжелого немецкого снаряда над головой, когда противник вел огонь по нашим тылам, засунул голову в какую-то ямку под сосной, поскольку все места под кухней и санями были заняты. Наша дивизия была хотя и кадровая, но не обстрелянная.

Вой пикировщиков был уже где-то прямо над головой. Свист бомб завершился мощными взрывами, после которых на землянку дождем сыпались срезанные осколками ветви деревьев. Все замерли.

«Попадет или не попадет? Куда грохнутся следующие бомбы? Только бы не в орудия! И не угодили в ящики со снарядами. Разнесет все к чертовой матери!» – мысли не выходили из моей головы.

Но прямые попадания – дело случая, из которых и складывается жизнь в боях. И эта тревога отступала куда-то на задний план. Ее перебивала другая, более глубокая: «Немцы рядом. И ни одного автомата, ни одного ручного пулемета. Что там сделают несколько солдат в боевом охранении? Если автоматчики окажутся на огневой – это верная труба. Чем отбиваться? Гранатами! А где же эти два ящика с гранатами, которые откуда-то давно приволок запасливый старшина? В какое место их закопали в снег? Что-то давно их не видели. Надо сейчас выскочить на минутку взглянуть самому,

что там делается возле орудий, а то фрицы спустят гранаты в блиндажи.

Или живым попадешь в лапы немчуре».

Я машинально пощупал рукоятку пистолета ТТ на груди под полушубком: зимой, при сильных морозах, замерзала смазка, и личное оружие никто из командиров не носил в кобуре.

«Вот еще раз рванет серия взрывов, и сразу же выскочу после взрывов осмотреться вокруг», – решил я. О том, что немецкая авиация и пехота хорошо взаимодействуют между собой, я знал. Кончит авиация, надо сразу же ждать пехоту. Надо было быть начеку.

Мое тело ныло от усталости, было приятно полежать еще, пока снаружи идет светопреставление...

Взрыва я не слышал. Я увидел над собой безоблачное небо и пикирующий «юнкер». «Надо бежать с этого места», – пронеслась у меня мысль. Но мое тело не подчинялось мне. Я удивился: «Где же мое тело? Где же руки и ноги?» Я не мог повернуть голову ни влево, ни вправо, ни вверх, ни вниз. «Ах, это, наверное, мне снится сон, тяжелый кошмарный сон... Но ведь это не сон. Я ясно вижу самолет, голубое небо. Это все наяву. Но почему тогда так тихо вокруг? Где я? Что со мной? Лежу я в какой-то непривычной глубине».

Прошедшего не было. Где-то смутно в сознании как будто шевелилась мысль: «Война, бой. Наверное, все ушли с этого места, и я остался один, поэтому так тихо». Я силился осо-

знать свое положение, и мои мысли снова возвращались к вопросу о том, почему же это я не могу пошевелинуть ни руками, ни ногами? Что со мной могло произойти? Война уже успела меня приучить к тому, чтобы все время держать под контролем происходящие события и оценивать их с точки зрения опасности. Поэтому в этой непонятной для меня ситуации мне пришла в голову невероятная мысль: «Ах, вот в чем дело – мне оторвало голову. Вот почему я не могу двинуться с места, повернуть головой и вот почему так тихо вокруг, иначе как же она могла оказаться в какой-то яме?» Я слегка повел глазами, и в поле моего зрения оказались края воронки, какие-то нагромождения бревен, и больше ничего. Это меня озадачило, и мысли оказались в каком-то лабиринте, с трудом пробивались вперед, все время попадая в тупик.

«Но почему я все еще думаю? Значит, человек не сразу умирает, когда его убьют? Как же так?.. Значит, мне еще предстоит умирать. Вот не повезло!

И никого рядом нет. Мать узнает – в ужас придет. Да, это конец».

Никакой боли я не чувствовал и подумал: «Вот так же спокойно умирали друзья. И что только все так остерегались этой смерти? Все это очень странно, но довольно легко».

Все эти мысли, пронесшиеся в моей голове, запомнились мне на всю жизнь. Да, в первые минуты я не мог тогда понять, что со мной случилось. Что такое тяжелая контузия, я не знал. Просто о контузии солдаты часто рассказывали, и

мне было известно, что в таких случаях, как и показывают в кино, люди стряхивают с себя пыль, землю, мотают головой и приходят в себя, продолжая оставаться в строю.

Мои размышления вдруг прервал голос:

– Ох, товарищ командир, посмотрите, что у меня с головой?

Это был голос солдата, лежавшего справа от меня. Его голова оказалась на уровне моей груди. Я до предела скосил глаза вниз вправо и увидел разбитый блиндаж, наваленные на нас бревна и голову солдата, у которого верх ватной шапки-ушанки был сильно разорван. Сквозь рваное отверстие виднелось что-то белое. Вата шапки, подумал я. Человеческий голос и вся увиденная картина сразу же возвратили меня к действительности.

– Ты не ранен, верх шапки разорван, – сказал я.

Солдат, стоная, просил:

– Помогите мне выбраться из-под бревен.

– Я не могу пошевелиться. На мне навалены бревна. Ты можешь еще шевелиться. Постарайся выбраться и беги в соседний блиндаж, скажи, чтобы меня вытащили.

Мне было видно, как он двигал руками и старался зажать верх разорванной шапки. Я скосил глаза налево. Сержант как-то наполовину уменьшился. Солдат в углу по-прежнему сидел, обхватив руками колени и склонив на них голову. На противоположной стороне блиндажа кто-то копошился в темноте. Половина блиндажного перекрытия рухнула, и

бревна придавили в основном меня и немного солдата справа.

Немецкие самолеты ходили по кругу и с воем обрушивались на позиции батарей. Свист падающих бомб, усиливающийся по мере приближения к земле, обрывался мощными взрывами, шапки которых поднимались вокруг. Солдат, не отрывая одной руки от места ранения, вдруг рванулся, выбрался из-под бревен и стал вылезать из блиндажа через входной люк в уцелевшей половине блиндажа, хотя это можно было сделать и проще – крыши над головой уже не было. Впоследствии, когда я возвратился из госпиталя в свою часть, мне рассказывали, что он, выбравшись из блиндажа, пробежал по лесу метров пятьдесят, зацепился за пень ногой и умер. Ранение в голову с повреждением черепа оказалось смертельным. У сержанта слева, упирившегося ногами в поперечную балку, ноги вошли в туловище.

Довольно быстро у разбитого блиндажа появились люди. Один из командиров, мой друг Волошин, решительный и энергичный человек, стал командовать солдатам:

– Растащить бревна! Здесь есть еще живые. Скорее!

Все лихорадочно принялись за дело. И тут же сверху на скопление людей обрушились два «мессершмита». Все бросились врассыпную. Ударили крупнокалиберные спаренные пулеметы, и, как брызги крупных капель грозового летнего дождя, на мое лицо полетели щепки от бревен, наваленных на груди. Я закрыл глаза. Второй истребитель вслед за пер-

вым ударил по другой цели. Они еще только начали выходить из пике, как возле меня опять оказался Волошин. Увидел меня, крикнул: «Он жив!» – и стал помогать солдатам вытаскивать меня из-под бревен. Положили на снег в створке, возле дерева.

Один из солдат бросился ко мне:

– Его надо перевязать. Он ранен!

Верхняя часть моего маскхалата была в крови. Волошин размышлял, оценивая обстановку. И тут же решительно приказал:

– Не надо! Пока будете его раздевать и перевязывать, одевать, за это время можно донести до ПМП!

Меня положили на плащ-палатку. Командир одного из орудий уже успел откопать в разбитом блиндаже мой планшет и полевую сумку. Прибежал и положил их мне на грудь.

– Вот, товарищ лейтенант, еле нашел.

Он хотел мне в последний момент сделать что-то приятное, личное. Предметы снаряжения на фронте ценились очень высоко, фотографии и письма, которые у меня лежали в полевой сумке, вообще берегли как зеницу ока. Я лежал недвижим, продолжая жить, однако, кипевшим вокруг боем. В планшете были записи целей, данные о поступлении снарядов, списки. Я попросил его передать их Волошину, который уже носился где-то по батарее. Полевую сумку отдал командиру орудия на память. Я говорил. Хорошо это помню.

Наступила минута расставания с друзьями, со своими сол-

датами. Я чувствовал себя как будто виноватым перед ними в том, что мне предстоит их покинуть в такой момент. Вместе было пройдено столько испытаний, столько трудностей. Я понимал, что у оставшихся их будет еще больше впереди. Ведь мне предстояло отправиться в госпиталь, что в тех условиях было равноценно дарованию жизни. Я был готов провалиться сквозь землю, и у меня как-то не укладывалось в сознании, что они останутся вот здесь в этом пекле, а я буду далеко в тылу.

В это время прозвучала команда Волошина: «К орудиям! По местам!» Солдаты и сержанты, стоявшие возле меня и пробежавшие мимо, прощались на ходу.

– После госпиталя возвращайтесь к нам! Ну, ты теперь отвоевался навсегда. Пока!

– Не забывайте нас. Прощайте!

– Пока! Нам еще до Германии носом землю пахать.

Подбежал Волошин. Солдатам приказал:

– Нести быстро. Взять два карабина. Чтобы мигом были обратно здесь!

– Глянул на меня: – Ничего, отремонтируют. Ну, будь здоров! Пиши, где будешь.

Два солдата, взявшись за концы плащ-палатки, понесли меня ускоренным шагом в полковой пункт медицинской помощи. Наша батарея уже опять повела ураганный огонь.

Меня занесли в медпункт – приземистый деревянный сруб с крохотным столиком внутри и деревянными нарами

вдоль одной из стен. Тут же вошел врач и спросил: «Откуда? Чем его?» Приказал посадить меня на стул, разрезать и снять маскировочный халат, а сам сел за столик и стал быстро заполнять историю болезни. Потом подошел и стал внимательно оглядывать со всех сторон полушубок. Диагноз был поставлен сразу: «Полушубок цел.

Он тяжело контужен. Положите его на нары».

Солдат удивился.

– Должна быть дырка, ведь кровь.

– Это из горла, носа и ушей, – врач быстро писал в историю болезни фамилию, полк и диагноз.

По всему телу я стал ощущать тысячи игл, все более и более впивавшихся в меня, нарастающие боли в разных местах позвоночника. Во рту пересохло, и очень хотелось пить.

Каждая клетка моего тела среагировала только сейчас на ужасную травму. Я подумал, что лучше умереть, чем испытывать такие муки. Но врач сказал, что надо терпеть, реакция постепенно пройдет.

Вскоре я или уснул или потерял сознание...

Снова на фронте

Четыре месяца я находился на излечении в тыловом госпитале. После выписки был направлен на фронт, снова в район Мясного Бора, в тот же 127-й арtpолк, который за успешные бои по освобождению Тихвина получил наименование

Шестого гвардейского.

В штабной батарее я пробыл примерно десять дней. Я наблюдал много новых примет фронтовой жизни. Самое главное, что бросилось в глаза, – это решительные действия против немецкой авиации стрелковым оружием. По пролетавшему вдоль линии фронта на большой высоте немецкому разведчику «фокке-вульф» («рама») в направлении его полета перемещался сплошной вал огня из всех видов оружия: винтовок, ручных пулеметов, противотанковых ружей, даже автоматов. Но его брюхо было бронировано, для стрелкового оружия он был неуязвим, даже если бы пули долетали до него. Но каждый теперь знал, что самолет можно сбить ружейно-пулеметным огнем. Первый солдат, сваливший в дивизии немецкий самолет из винтовки, получил орден Красного Знамени. К моменту моего приезда у дивизии, как писали об этом газеты, было на счету уже двадцать пять сбитых самолетов, главным образом из винтовок. Плотный огонь заставлял теперь самолеты противника держаться на значительной высоте.

Жить при штабной батарее на фронте, не имея никаких обязанностей, было очень тягостно, и я надоедал командиру полка своими просьбами определить меня к месту. Активных боевых действий наша дивизия в это время не вела, и свободных мест не было. Кроме того, командир полка, видимо, дожидался уведомления из штаба дивизии о моем назначении в полк, хотя нельзя исключить и простого обсто-

ательства, что мне просто давалось время для того, чтобы адаптироваться к боевой обстановке после длительного пребывания в госпитале.

Вскоре вакансия в своей батарее для меня открылась. Младший лейтенант Щербина, находившийся при пехоте в качестве корректировщика артиллерийского огня, был убит. Командир полка пригласил меня к себе и предложил занять место в своей шестой батарее, к которой был приписан корректировщик. Я дал согласие и получил приказ занять место Щербины.

– Давай на его место – так прозвучал этот приказ. – Только не забывай, что ты артиллерист, и не ввязывайся в пехотные дела. Твои функции там должны быть совершенно самостоятельные. Главное сейчас – это выявить огневые точки. Однако контакт с пехотой полностью не теряй, учитывай там особую обстановку.

В тот же день в сопровождении одного разведчика я отправился на передовую в район Мясного Бора, на наблюдательный пункт батареи, находившейся в боевых порядках пехоты, для того чтобы представиться комбату.

Я подходил к знакомым местам, где пролегла теперь линия огня. Было примерно три часа дня, июльское солнце нещадно палило, казалось, вбирало в себя защитные цвета солдатских гимнастеров, извлекало из болот тяжелые запахи. Кругом стояла обманчивая тишина, нигде не было видно ни одного человека.

– Вот на этом склоне землянка разведчиков и связистов, – пояснил мне обстановку разведчик, указывая на едва приметную железнодорожную насыпь. – До этого места можно идти в полный рост. От землянки метров двадцать надо идти пригибаясь, а далее до наблюдательного пункта – только ползком. Слева впереди – немецкие снайперы. Будьте особенно осторожны. Они много наших поснимали. Я, кажется, одного засек. Еще пару дней понаблюдаю, а затем пойду приглашать наших охотников за снайперами.

Мы подошли к землянке. Это была обыкновенная нора в склоне невысокой железнодорожной насыпи, вход в которую закрывал кусок плащ-палатки. Возле землянки нас встретил сержант, словно выросший из-под земли. Сопровождавший меня солдат юркнул под плащ-палатку в свое убежище. Мы поздоровались.

– Где тут у вас родничок, из которого можно холодненькой напиться? – спросил я, полагая, что среди болот должны быть родники.

Мне очень хотелось пить. Накануне давали дополнительный командирский паек – селедку крепкого засола, которую я неосмотрительно съел. Сержант заулыбался.

– Тут кругом родники. Пей, из какого понравится!

– Покажи ближний, в каком направлении?

– Да тут рядом, вправо впереди – метров двадцать.

Захватив котелок, я, пригибаясь, отправился в указанном направлении и увидел воронку от бомбы диаметром метров

восемь, заполненную мутной жижей, которую при большом воображении можно было считать водой. У противоположного края воронки наполовину в воде лежала убитая вздувшаяся лошадь, а рядом с ней торчали ноги немца, туловище которого тоже было скрыто под водой. Никаких признаков ложбинки, где мог струиться ручеек или бить маленький родничок, я не нашел и возвратился к землянке.

– Не нашел я этот родничок, – с досадой проговорил я. – Наверное, разучился ориентироваться на местности, пока лежал в госпитале. Иди сам покажи его.

Мой серьезный тон поверг сержанта в изумление.

– Воронку видели?

– Видел?

– Так это и есть наш ближайший «родничок». Неужто вправду искали настоящий родник?

– Так там падаль лежит в воде и немец убитый!

– Точно! Оттуда и берем. Надо только осторожно у самого краешка набирать и стараться не мутить воду.

– Да как же вы ее пьете?

– Так и пьем. В другую воронку с водой надо вперед бегать под огнем снайперов или назад за пять километров к Волхову. Только кто тогда воевать будет?

– А если что с желудком случится, или зараза какая пристанет? – задал я машинально нелепый вопрос.

– Черта с два! Зимой в желудках копыта переваривались, там микроба жить не может! Конечно, снабжают вот таки-

ми салфетками, которые смочены каким-то составом. Надо приложить ее к краю кружки и пить через нее, вот так. Только это не помогает: и запах болотной жижи остается, и еще какой-то хлоркой воняет, как в уборной.

Сержант напился этой мутной жижи, которую принес подошедший солдат, а я водил языком по пересохшим губам и думал о том, как же в этот зной люди утоляют жажду в пехоте, куда я иду?.. Пить такую воду я не стал. «Буду терпеть столько, сколько позволят силы... А что же дальше будет без воды?» Этого я себе не представлял. После госпитальной гигиены трудно было привыкать к окопной жизни. Мне вспомнились слова командира полка, который, оставляя меня при штабной батарее, говорил: «Привыкай». Да, контраст с госпитальной щепетильностью по части гигиены был большой.

Однако период адаптации к новым условиям оказался не так уж велик. Подошел связист, кончик носа которого был обмотан тряпкой, взял банку с водой, только что принесенной из воронки.

– Попьем свеженькой, – широко улыбнулся он.

Это было искреннее удовлетворение. Во флягах вода быстро нагревалась и на вкус была много противнее, чем только что принесенная. Но, глядя на его перевязанный нос, я сначала подумал, что он не может совершенно переносить стоявший вокруг устойчивый тошнотворный запах трупов. Это меня удивило, и я с оттенком пренебрежения к такой мелочи спросил:

– Что это ты свой нос обмотал?

Солдат понял мой вопрос по-своему: пустяковое ранение, а бинт намотал.

– Пуля чирикнула, когда бежал с катушкой связи, обожгла кожу на самом кончике носа, и вот гноится. В медсанбат со-вестно идти с такой царапиной, когда и крови-то нет. А мо-жет, и вправду на солнце лучше подсохнет. Только вот пол-зать приходится, и болячка все время сдирается.

Он снял повязку с носа, а я, воспользовавшись подсказкой солдата, постарался уйти от своих предположений.

– Уже все засохло. На солнце еще лучше подсохнет, – с оттенком командирского пренебрежения к таким пустякам выкрутился я.

До этого мне довелось воевать только в условиях зимы, жестоких морозов, и мое первое командирское наставление в летнее время лучше было оставить при себе.

Увидев, с какой жадностью связист пил принесенную во-ду, мое отношение к данной воде чуть-чуть поколебалось. «А ведь все пьют. Все же, какая ни есть, а вода. Для начала, чтобы меня не вырвало, я попробую помазать губы этой жи-жей». Первый шаг адаптации к воде из воронки был сделан.

Командир батареи передал по телефону, чтобы я еще до наступления темноты явился на наблюдательный пункт. Мы с разведчиком добрались до него быстро, продвигаясь по-пластунски. Наблюдательный пункт был расположен на ле-вом крае линии траншей, которая вилась по едва приподня-

той складке местности. Сооружение было добротное, имело три наката бревен и довольно просторное.

Командир батареи прибыл в полк тоже недавно, и мы друг друга не знали. Он разъяснил мне обстановку и задачи, которые возлагались на меня. А они состояли в том, чтобы корректировать при необходимости огонь батареи, дивизиона, полка по скрытым целям противника, расположенным в зарослях виднеющегося впереди лесочка, а находиться я должен в боевых порядках первой роты 38-го стрелкового полка, которая залегла по самому краю леса.

– Ты только смотри, – давал он мне напутственное слово, – не давай там втягивать себя в пехотинские дела. Сиди в блиндаже и ни в коем случае не ввязывайся в схватки пехоты, а то она наших людей для своих целей использует. лейтенант Щербина, который был до тебя, наверняка поэтому и погиб. Занимайся своим делом.

– А как туда добраться?

– Взгляни в стереотрубу, разведчики расскажут. Но первый раз, пожалуй, лучше попытаться с пехотинцами пройти. Я слышал, что сегодня ночью туда, кажется, сам командир первого батальона должен идти. Тебе лучше договориться с ним, это самый удобный случай будет. Заодно лично познакомьтесь. Сейчас пошлю разведчика уточнить время, когда они пойдут в первую роту.

Командир батальона передал, чтобы я явился к десяти часам вечера. К назначенному времени я отправился по ходам

сообщения на его командный пункт. Траншеи первого батальона были в полный профиль, я шел не сгибаясь, как вдруг до моих ушей донеслось:

– Ты что... – бушевал старшина, распекая за что-то провинившегося солдата, – хочешь, чтобы я отправил тебя в первую роту?!

Для меня, артиллериста, такая угроза показалась совершенно нелепой и странной. Как можно пугать пехотинца, который все время находится на линии огня, еще чем-то, посылкой в другую роту? Трибунал, расстрел за неисполнение приказа, позорная смерть – в моем представлении это было действительно страшно. Хотя никто никогда в моем окружении за все время пребывания на фронте не знал случая, чтобы такая угроза была реализована. Самому иногда приходилось пригрозить солдату отправкой в пехоту с огневой позиции батареи, но и тогда реакция на это была почти всегда радостная – каждому молодому солдату хотелось побывать в настоящем деле. А меня это очень возмущало: как можно так легко променять бога войны на службу в пехоте, как можно не любить артиллерию?

Угроза старшины сначала не вызвала у меня какой-либо настороженности, и, проходя мимо него, я лишь спросил:

– Где тут находится ваш комбат? Я из шестого, мне как раз в первую роту нужно. Говорят, сегодня туда пойдут?

– Первый поворот направо, товарищ лейтенант. Значит, вместе пойдем сегодня. Там уже собираются. Вот этого раз-

гильдия туда бы прихватить на недельку.

Я пошел далее по траншее, а в моей голове стали назойливо вертеться слова: «Первая рота... первая рота... первая рота». Мне стало любопытно, что это за рота, которой старшина пугает. «Судя по всему, там долго не пробудешь, или там лежать придется в гнилом болоте. Ладно, приду, увижу сегодня...»

Впереди пехоты

В траншее первого батальона 38-го стрелкового полка собиралась группа командиров и солдат, направлявшаяся в первую роту. Я доложил командиру батальона, что имею приказ прибыть в эту роту на место убитого лейтенанта Щербины, корректировщика огня 6-го гвардейского арtpолка.

– Очень хорошо. Я сам туда собираюсь. Отправимся, когда стемнеет. Ожидайте вот здесь, у поворота, – указал комбат взмахом головы в сторону, где поблизости от командного пункта начиналось короткое ответвление окопа в сторону противника. Мы обменялись крепким рукопожатием.

Сумерки наступали медленно, и я решил внимательно осмотреть местность. Взобравшись на насыпь земли перед окопом, я увидел впереди себя, рядом, проволочное ограждение в два кола, тянувшееся вдоль линии траншей, а на триста метров впереди него – открытое место, за которым чернел жиденький лесок. Мой взгляд на нем задержался – там

находился противник, там где-то залегла первая рота, боевое охранение батальона и полка. Вся местность впереди была слегка вздыблена разрывами мин, снарядов и бомб, но больших воронок, где можно было бы при случае укрыться, я не заметил.

Я смотрел вперед и думал о скоротечности армейской фронтовой жизни. Всего четыре месяца назад, в марте, в глубине виднеющегося впереди леса, в восьмистах метрах от траншеи, меня тяжело контузило. Менее двух недель назад я еще лежал на госпитальной койке в Иванове, успел побывать в Москве, был направлен на Калининский фронт и вот теперь оказался у Мясного Бора, смотрю в сторону скрытой за лесом деревни Любцы, по которой в прошлом наша батарея вела огонь. Я нахожусь в окопах среди пехотинцев, а ночью буду впереди пехоты. До сих пор моя должность командира огневого взвода и старшего на батарее отделяли меня от пехоты двумя-тремя километрами, мне лишь изредка приходилось бывать на передовой, а теперь я на самой линии огня, который со стороны противника постепенно усиливался.

Сотни огненных трасс пронизывали все пространство впереди, проносились над головой, обрывались на середине поляны. Я посмотрел направо, где на фоне меркнувшего горизонта также рассыпались следы трассирующих пуль, зависали осветительные ракеты, и подумал: «И такая картина до Северного Ледовитого океана». Повернул голову налево, где вдали невидимые мне осветительные ракеты подсвечивали

и обозначали контуры леса: «А там – до самого Черного моря идут кровопролитные бои». Только в этот момент, когда у меня оказалось время для размышлений, здесь, на передовой, я понастоящему глубоко осознал и даже как-то ощутил масштабы происходящей войны и невероятной длины линии фронта в несколько тысяч километров, где в таких же вот траншеях находились миллионы наших солдат. У меня возникло глубокое удовлетворение, что я нахожусь среди них.

Между тем отдельные огненные трассы ружейного огня, исходившие из леса и пересекающие друг друга, стали иногда превращаться в снопы искр, как будто там, впереди, в разных местах леса начинали крутить гигантские точильные камни, к которым прижимали металл.

Я втянул голову в плечи, сполз с бруствера и присоединился к своим попутчикам. Мне казалось невероятным, что по этому открытому месту можно идти, но все настойчиво повторяли:

– Пора идти.

– Надо выходить, пока огонь не усилился.

«Ну, конечно, – объяснил я себе, – сначала пойдем до выхода по траншее, а потом придется ползти по этому гиблому гнилому месту, которое впереди».

Наконец, все оказались в сборе и послали одного разведчика доложить об этом командиру батальона. Он тут же явился.

– Все собрались? Пошли, разберемся после выхода!

Мы свернули с траншеи в ход сообщения, уводивший в сторону противника. Через несколько шагов прошли под проволочным заграждением, тут же по пологому выходу выбрались на чистое место и прошли еще десяток метров. Комбат остановился, вся группа подтянулась и окружила его. Он стал называть место каждого в цепочке. Шустрый молоденький разведчик с круглым пухленьким личиком крутился возле командира батальона.

– Товарищ капитан, разрешите мне повести. Ну, разрешите. Я ходил уже не раз, знаю каждый бугорок и ямку, не будем спотыкаться. Разрешите мне повести, товарищ капитан?

Конечно, настоящий разведчик оправдывает свое название, когда оказывается первым, и он, естественно, старался при старших командирах показать свое мастерство. Но за этим в данной ситуации скрывалось и нечто другое – ему хотелось заодно прикрыть собой от шальной пули командира батальона, которого он, как и все солдаты (я уже успел узнать об этом), просто обожал.

Эта наивная хитрость была сурово наказана.

– А ты, чтобы поменьше вертелся, встанешь в хвост, – определил его место капитан.

Он поставил его, разумеется, не замыкающим, эта ответственная задача была возложена на одного из командиров, а предпоследним. Мне было определено идти впереди разведчика.

– В случае чего поможешь вот этому лейтенанту, который первый раз идет, – указывая на меня, сказал капитан назойливому разведчику.

Командир батальона отдал еще несколько указаний на случай неожиданностей, которые встретятся на пути, приказал всем еще проверить снаряжение. Я ощупал карманы, не осталось ли там каких-либо предметов, которые могли при движении издавать звук.

Все встали в цепочку, друг другу в затылок. В могучей фигуре командира батальона, который первым шагнул вперед, держа в левой руке гранату «лимонку», а в правой наган, чувствовались непоколебимая уверенность и решимость. Это шел хозяин своих владений и земли русской, и горе было тому врагу, который мог повстречаться на его пути. У других командиров гранаты были подвешены к поясам, пистолеты в руках, разведчики шли с автоматами на груди, а я, охваченный этим порывом и серьезностью людей, крепко зажал в своей руке пистолет ТТ.

Шустрый солдат, который шел вслед за мной, тихо наставлял меня, своего подопечного:

– Товарищ лейтенант, идти будем быстро, старайтесь не отставать. Ступайте ногой в след впередиидушего, комбат может повести напрямик через минные поля. При ракетах не шевелиться, делайте всё, как все. В случае чего, я остаюсь с вами. На огненные трассы не обращайтесь внимания, они идут поверх головы.

Я, однако, задирая голову, глазел на трассы и инстинктивно старался втянуть ее в плечи. Огненные плети трассирующих пуль рассекали пространство над головой так близко, что невольно хотелось припасть к спасительной земле. Некоторые трассы обрывались рядом на земле, впереди и в стороне от нас. Время от времени противник пускал осветительные ракеты, и тогда ослепительно яркие, чуть зеленоватые фонарики повисали впереди нас, заливая все окружающее пространство каким-то мертвенным светом, медленно опускались на парашютиках вниз, быстро выгорая и не долетая до земли. В такие моменты вся наша цепочка замирала, и наши позы напоминали застывшие фигурки людей на кадре киноплёнки. Ночью издали, даже при свете ракет, такие позы людей легко было принять за обгоревшие стволы деревьев. Не важно, что их не было видно на этом месте днем: ночью память при необычном коротком освещении работает по-другому – важно было не шевелиться.

Вся эта славная «новгородская дружина» командира батальона была готова в любое мгновение принять бой, ибо противник мог буквально вырасти изпод земли, просочившись между нашими боевыми порядками.

Через некоторое время мы вышли на тропинку, которая повела вдоль канавки, протянувшейся в сторону леса, обошли лежавшего на небольшом бугорке убитого солдата.

– Это все тот самый лежит? Почему не убрали? – повернув голову, тихо спросил комбат.

– Не было, товарищ капитан, ни одного человека, чтобы послать, все были в расходе, – оправдался кто-то.

– Как его фамилия? Что-то уже забыл...

В цепочке начали мучительно вспоминать: Веденеев? Веремеев? Валеев?.. В пехоте люди часто меняются, многие имеют созвучные фамилии, всех командирам трудно запомнить.

– Уточнить и доложить, – недовольно оборвал комбат. – Сообщить родным. Своих людей не знаете.

Мы продолжали двигаться в маршевом темпе, и я только успевал смотреть за ногами впереди идущего солдата. Прошли мы минные поля или нет, я не знал, а от вопросов в этой ситуации приходилось воздерживаться.

Еще раз, прямо над нами, вспыхнула ракета, в свете которой недалеко от нас отчетливо обозначился какой-то часток кол воткнутых в землю палок – все, что осталось от находившегося здесь некогда реденького лесочка. Огненные смерчи не оставили на деревьях даже веток.

В этом частоколе порубанной и искореженной молодой поросли и залегла первая рота – боевое охранение 38-го стрелкового полка.

– Почти пришли, – пояснил мне идущий сзади солдат.

Мне сразу же стали ясны выгоды расположения этой роты. Она, оказывается, залегла не перед лесом, а вцепилась в этот реденький лесок, закрыла возможность противнику прямого обстрела нашей пехоты, в которой, в случае наступления, не

пришлось бы нести потери на открытом месте.

Я хорошо помнил, как в минувшую зиму пехота форсировала Волхов. Поднявшись от реки по крутому берегу, рота за ротой бросались по открытому месту в атаку в направлении леса, до которого было всего метров пятьдесят, пока не удалось зацепиться за его кромку и втянуться в него остальным. Примерно через пару часов после боя на этом месте я ехал на санях выбирать огневую позицию для батареи на другом берегу Волхова уже за пять километров от берега. Место недавнего боя было покрыто телами наших солдат от самого берега до леса...

Позиция первой роты была драгоценной. Правда, протяженность кромки леса, которую она заняла, была, как я потом узнал, небольшой – сотня-другая метров, но каждый метр этого места уже сохранял десятки, сотни жизней наших солдат при будущем наступлении.

Мы ступали уже по самой низине, и чувствовалось, как под тяжестью тела оседает под ногами верхний слой дерна. Место было сильно заболочено. Наконец, мы подошли к самому краю редколесья, где нас встретил хозяин этих владений – молодой командир первой роты. Солдаты нашей группы тут же растворились в темноте, а командиры обменивались с ним крепкими рукопожатиями. Командир батальона представил меня ему, и он сразу же приказал одному из своих солдат отвести меня в свою землянку.

Это оказалось квадратное сооружение с плоским верхом,

высотой сантиметров восемьдесят, сделанное из подручного материала – жердей в три-четыре пальца толщиной. Посреди задней стенки был вход шириной в полметра.

Внутри этого шалаша, который все по привычке называли и землянкой и блиндажом, никого не было. Солдат, сопровождавший меня, сразу же дал несколько советов:

– Ночью находиться здесь опасно, сразу же ложитесь. Кружку и котелок на стенки не вешайте, иначе к утру будут с дырками. Громко никого не окликать. Курить можно только под плащ-палаткой. Сейчас командир роты обходит позицию с комбатом.

Дробный стук пулемета раздался совсем рядом, немного впереди.

– Сколько отсюда до немцев? – поинтересовался я.

– Сейчас метров тридцать, а вообще их землянки метров за семьдесят.

Мы ночью тут близко сходимся, можно лбами стукнуться.

Я остался в шалаше один и стал прислушиваться к пулеметным и автоматным очередям. Время тянулось медленно, и мое напряжение постепенно нарастало. Мне меньше всего хотелось встречи с противником сейчас, одному, в этой крошечной темноте, пассивно воспринимая все на слух. Решил подползти к выходу, осмотреться при вспышках ракет и занять свою позицию так, чтобы какой-нибудь случайный немец не сунул гранату в мой шалаш.

Слева и справа через всю поляну проносились уже не от-

дельные трассы, а тугие связки огненных плетей. Когда повисали осветительные ракеты, я силился разглядеть силуэты людей – не приближается ли кто-нибудь со стороны к моему шалашу. Мне удалось подметить, что немецкие пулеметы извергали короткие очереди через равные промежутки времени с той немецкой педантичностью, о которой я уже был наслышан.

Так пробыл я в одиночестве не один час, пока, наконец, не появился командир роты.

– Ну, как артиллерии тут понравилось? Ты уже ходил здесь вокруг? Что разведал? – вопросы были с заметной долей иронии.

– Решил дождаться утра, чтобы осмотреться потом на местности. Хотелось бы здесь сначала познакомиться с твоими владениями, а потом обстоятельно поговорить.

Мои первые слова были сказаны серьезно, и я тут же откровенно пояснил, что мне раньше не приходилось крутиться под носом у фрицев. Командир роты задал еще несколько обычных при первом знакомстве вопросов и, узнав, что я только возвратился из госпиталя, выразил свое полное удовлетворение.

– А я думал, что ты новичок, – закончил он уже дружелюбно.

Забравшись в глубину шалаша, мы растянулись на полу из жердей. Командир роты, достав из кармана окурков, стал высекать из куска кремня искры и раздувать огрызок фити-

ля. Отсвет повисшей ракеты дал возможность мне разглядеть его чем-то озабоченное лицо. Я раскрыл коробку «Казбека» и предложил ему закурить московских папирос.

– Богато живешь, – оживился он, взял одну папиросу и, загоротившись плащ-палаткой, чтобы огонек папиросы не был виден со стороны противника через щели шалаша, стал с наслаждением затягиваться. Я тут же предложил любителю покурить свою коробку, но он отказался и попросил меня угостить его солдат.

– Вот будут рады, – заботливо и нежно проговорил он, – когда узнают, что папиросы из Москвы, да еще куплены там десять дней назад. Такой подарок здесь дороже любой награды: ведь они все время в болоте лежат!

Оказалось, что шалашей, подобных нашему, в этом месте всего два. Тот, в котором находились мы, был предназначен для командира роты, командира пулеметной роты, связистов и замполита. Последний все время находился с солдатами, а командир пульроты по каким-то делам был там, откуда я только что пришел. Связь не работала. В другом шалаше располагались командиры отделений и собирались иногда солдаты, большую часть времени лежавшие на жердочках за болотными кочками, прикрытые плащ-палатками.

Было примерно уже три часа ночи. Мне хотелось сразу подробней разузнать все о хозяине владений, о противнике, но командир роты отмахнулся.

– Поговорим потом, надо немного вздремнуть. Завтра бу-

дет целый день впереди, его тут не знаешь, куда деть.

Он накрылся плащ-палаткой и тотчас уснул, а я еще долго ворочался на бревенчатом полу, прислушиваясь к пулеметным очередям. Огонь постепенно ослабел, и я, после обильных впечатлений за этот день, тоже ненадолго уснул. Я открыл глаза, когда уже совсем рассветало, и стал осторожно выползать из плаща, стараясь не потревожить своего товарища. Но он уже не спал.

– Не спеши, целый день впереди, насмотришься. Давай полежим немного, обождем, пока туман разойдется.

Вокруг стояла необыкновенная тишина, какая обычно бывает на болоте. С трудом верилось, что здесь ночью извергались потоки огня. Не переставая удивляться такому переходу, находясь еще под впечатлением прошедшей ночи, я, укладываясь на место, тихо обронил:

– И как вы тут при таком плотном огне, какой был ночью, живете?

– Нормально живем. Здесь только постреливает, в кошки-мышки играем, изредка гранатами бросаемся, зато нас не бомбят, не обстреливают артиллерия и минометы. Ближе друг к другу стоим.

– И как долго можно здесь пробыть? – спросил я без обиняков, поскольку этот вопрос меня интересовал в первую очередь: в сложной и ответственной обстановке на фронте каждому хочется сделать как можно больше.

– Дня три проживешь. Это можно гарантировать.

– Почему только три?

– Считай сам, может, точнее получится. В роте всего двадцать пять человек. Ежедневные потери пять-шесть человек. Столько же получаем пополнения. Вот и вся здесь арифметика. Есть, конечно, и такие, которые по две недели уже тут. Твой предшественник десять дней здесь пробыл в этом блиндаже, но он никуда не выползал.

– А сколько времени ты сам здесь находишься?

– Почти два месяца.

– Почему же мне только три дня предрекаешь?

– Это особое дело, – усмехаясь, протянул он неопределенно, – потом расскажу. Здесь мои владения.

У входа показался солдат и легким движением втянулся по плечи в шалаш.

– Можно на минутку? – обратился он к командиру роты, мотнув головой на выход.

– Давай выкладывай, что там у тебя. Этот лейтенант – из шестого гвардейского, с нами будет.

– Под утро взяли рядом одного фрица, похоже, заблудился. Сами потолкуете или мне допросить?

– Валяй! Только подальше отведи его.

– Будет сделано.

– Постой! Тут лейтенант подарки привез из Москвы, он прямо из госпиталя к нам. Забери на своих и другим скажи, чтоб пришли.

Я раскрыл коробку «Казбека», солдат от удивления толь-

ко присвистнул, взял пять-шесть папирос. Его тут же как ветром сдуло из шалаша. Через несколько минут у входа опять показалась его голова.

– Лейтенант, попросили передать, что долго жить будешь! – голова тут же исчезла.

– Это было высшее проявление благодарности в данных условиях.

– Шустрый солдат, – заметил я и поинтересовался: – Он хорошо знает немецкий язык? Может даже допрашивать?

– Может, – как-то загадочно усмехнулся командир роты. – Сейчас услышишь, как будут объясняться.

Вскоре позади нас на поляне в густом тумане раздался сдавленный вскрик, через некоторое время повторившийся и неожиданно оборвавшийся. Я высказал предположение, что там завязалась борьба, и надо идти на помощь нашему солдату.

– «Завязалась...» Лежи!

По тону, каким это было сказано, мне вдруг все стало ясно, и я тут же удивился своей наивности. В этом молочном безмолвии звуки раздавались особенно отчетливо.

– Ну что там происходит? – с досадой смотрел я на командира роты.

– Сколько раз говорил ему... – командир роты повернулся на другой бок.

Мы молча прислушивались к звукам. Ударил тяжелый миномет впереди нашего шалаша, и в направлении, откуда раз-

давались звуки, рвануло несколько мин. Все сразу затихло.

Здесь абстрактные призывы – раздавить фашистскую нечисть на нашей земле – переводились в область конкретных дел. Давили с силой всей военной машины, Давили гусеницами танков, давили и человеческими руками. Однако эта необходимость в боевой обстановке вызывала всегда у наших солдат проявление человеческих чувств. Они обнаруживались в разной форме. В ротах, которые ходили в штыковую атаку и занимали потом места в траншеях, десятки минут длилось оцепенение, пока люди не приходили в себя. В такие минуты слова никто не обронит. Поводы были разные, но картина всегда одна.

У меня, новичка в этой обстановке, где все считали, что находятся в непрерывном бою, эпизод с пленным вызвал определенную реакцию.

– И ты...

Командир роты не дал мне договорить.

– Здесь всякий народ, некоторые прямо из заключения попали сюда. Воюют хорошо. Каждый уже десять раз свои грехи искупил. Вот этот «переводчик» – надежный человек. Он пятерых стоит, а вот при виде фрица звереет. У него родителей и семью немцы расстреляли. Отчаянный народ есть среди таких. Однажды, когда особенно трудно было с продуктами, обчистили ночью немецкий блиндаж, пока другие подзаводились с фрицами. Вот такие дела. Ты только учти: в этом болоте мы все в одинаковом положении. О том, что узнал, и

вида не показывай.

– А почему, все же, этого пленного в тыл не отправил? Может, он ценные сведения дал бы.

– Отправил, но не дошли, под минометный огонь противника попали, – с расстановкой, пристально глядя на меня, сказал командир роты.

– Ясно!

– На это армейская и дивизионная разведка есть, – начал пояснять он. – Надо и себе тоже что-то оставлять, чтобы знать, в какие места по ночам пулеметы перетаскивают. Без этого здесь и три дня не проживешь. Ночью, проводив комбата, обходил позицию. В одном месте их пулемета уже не оказалось, куда-то перетасили. Он у меня сейчас из головы не выходит.

Сегодня ночью надо искать.

В шалаш влез связист, и командир роты послал его узнать, не ранен ли наш солдат после минометного обстрела.

– А что узнавать? Он уже среди своих сидит, сам видел. Фриц доходягой оказался, обалдел от страха. Орал, будто его как селедку разделявали. Сам же и виноват, что вызвал огонь на себя.

Мы выползли из нашего укрытия, когда разошелся туман. Командир роты сразу встал на ноги и, разведя руки в стороны, начал потягиваться. Я лежа смотрел на него и волновался:

– Что ты делаешь? Очередь влепят!

– Вставай, не бойся, сейчас можно. Пойдем в сторонку разомнемся немного, постоим у деревца, потом посмотрим на твои цели.

Он повернулся и в полный рост двинулся в сторону от шалаша. Я пересилил себя, тоже поднялся и пошел за ним...

Молодая поросль на передовой, обдуваемая пулями, была лишена листьев и образовывала тончайшую сетку, сквозь которую трудно было что-либо разглядеть вдали.

– А где же немецкие блиндажи? – поинтересовался я.

– Посмотри в направлении, где виднеется перебитое, согнутое под острым углом деревце, правее него куча хвороста.

Я встал в створе двух жердочек, находившихся возле нас, и посмотрел в указанном направлении. Там на земле действительно что-то было навалено. Но этот шалаш противника не был огневой точкой, которые я должен был установить и нанести на схему. Шалаши служили местом для отдыха. Огневые же точки были замаскированы в каких-то других кучах веток, и таких было немало.

Ближние кучки командир роты уже обследовал и строго следил за теми, в которых были огневые точки. Дальние же предстояло еще обследовать, если это окажется возможным. При наступлении пехоты в мою задачу входило корректировать огонь артиллерии по тем огненным точкам, которые себя обнаружат. Я оглядывался по сторонам, стараясь на этом однообразном фоне редкой поросли, напоминавшей картину глубокой осени, зацепиться взглядом за какие-либо ориен-

тиры, которые мне могли бы пригодиться при ведении арт-огня и движении в этой полосе.

– А вот тебе и фриц появился, – спокойно проговорил командир роты. В сторону от немецкого шалаша направился солдат в грязно-зеленой форме. Я тотчас же потащил из кобуры пистолет.

– Дай мне, я его сейчас прихлопну. Я хорошо стреляю.

Командир роты, улыбаясь, положил на мою руку свою ладонь.

– Не надо. У нас сейчас не стреляют в это время. Люди спят, только недавно улеглись. Стрелять можно только после двенадцати дня, когда проснутся.

Тогда – пожалуйста, если только они тебя вперед не прихлопнут.

Я делал для себя одно открытие за другим под руководством своего наставника и, пользуясь случаем, старался выяснить как можно больше.

– А они нас сейчас видят?

– Конечно, потому и встал, что нас увидел. Первыми подниматься боятся, мерзавцы. Не у себя дома.

– И могут дать очередь откуда-нибудь из пулемета?

– Могут, но у нас до двенадцати дня стрелять, повторяю, нельзя.

– А если выстрелит кто-нибудь?

– В морду от своих же и получит.

Обе стороны находились в длительной обороне, и здесь,

как мне стало понятно, действовало негласное джентльменское соглашение, которое предписывалось неукоснительно соблюдать для выполнения естественных физиологических потребностей.

Для меня такие порядки были непривычны, и я продолжал уточнять.

– Значит, сейчас можно ходить в полный рост?

– Больше, чем требуется для разминки, нельзя. Нахальства ни мы, ни они не потерпят.

– А были случаи, когда в это же время кто-нибудь ходил и по нему стреляли?

– Были, но потом не стало, отучили и приучили к порядку.

Командир роты показал мне все направления, где находились немецкие блиндажи, и обратил внимание на тянувшиеся цепочкой воронки, затянутые болотной тиной, которые находились впереди, метрах в тридцати-сорока от нас. Помедлив, добавил:

– Трупов почти уже не видно, почти все перетаскали по ночам к себе. А сейчас пошли, а то уже долго стоим, к тому же вдвоем. Можем привлечь излишнее внимание, – заспешил он.

Мы возвратились к своему шалашу, сели по обе стороны входа, лицом к нашей пехоте, и он рассказал мне историю воронок, историю о том, как ему удалось пробыть здесь такой большой срок.

Это случилось примерно месяц назад. В такое же тихое

раннее утро появилась девятка «юнкерсов», которые встали в круг над поляной. Многие решили, что они начнут, как это было и прежде, бомбить пехоту. Но они вдруг начали пикировать по одному прямо на позицию роты, которая в то время занимала место в районе воронок. Бомбы рвались прямо в боевых порядках роты, смешивая все с грязью. Люди стали отползать на поляну, на открытое место, к своей пехоте.

Командир роты сразу понял, что немцы отвели свою пехоту назад, стал призывать всех солдат вперед, вплотную к блиндажам противника.

– Никто не послушал меня тогда, – с горечью и злостью сказал он. – Солдаты успели доползти только до середины поляны, где на них обрушились стремительно появившиеся «мессеры» и перебили всех до единого.

У противника все было расписано, как по нотам.

А ротному удалось доползти до немецкого шалаша. Там он нашел небольшую воронку с тиной, залез в нее для защиты от осколков, выставил наружу только лицо и стал смотреть, как обрабатывают позицию его роты самолеты. Едва закончилась бомбежка, он сразу пополз назад. Те, кто остался у пулеметов, были убиты. Командир роты лег за пулемет, обляпанный болотной грязью, нашел коробку с готовой лентой, откопал вторую, соединил их, заправил и притворился убитым, посматривая одним глазом в сторону противника.

– Молил только об одном: чтобы пулемет не заело, – возбужденный тяжелыми воспоминаниями, продолжал он свой

рассказ.

Немцы начали ползти, затем один встал, все за ним тоже поднялись и пошли в полный рост, о чем-то оживленно переговариваясь. Подпустив их метров на пятнадцать-двадцать, рванулся, нажал гашетку, пулемет заработал. Бил без перерыва, пока не выпустил обе ленты. Человек тридцать сразу уложил, потом бил по уползающим.

– Наши там, – он кивнул головой вперед, – слышали, что кто-то остался живой, «ура» кричали, сразу же прислали подкрепление. Теперь на случай наступления это местечко все оценили. Вчера комбат сам приходил смотреть, как и что здесь.

Я стал рассказывать, что по всем признакам готовится наше наступление: на огневых позициях накоплены горы снарядов, а дневной лимит установлен всего шесть снарядов на батарею. Разговор перешел на профессиональные темы о взаимодействии пехоты и артиллерии на этом участке. Я посвящал его в тонкости рассеивания снарядов, пределы точности стрельбы из орудий, рассказывал о характере огня разных систем, обо всем, что ему могло пригодиться во время боя и наступления.

Командир роты вдруг перебил меня и неожиданно сказал: – А ты мне сразу понравился. Нам тут вдвоем скучно не будет. В гости в окопы будем вместе ходить, там можно поразвлечься. А здесь мы вполне хозяева, начальство редко заглядывает. Можно интересные дела делать, у меня уже один

планчик созревает – потом обсудим. А лейтенант, который был до тебя, не нравился мне. Все время сидел в этом шалаше, только место занимал. Потом выполз однажды вперед, его сразу же и срезали.

Ветер разогнал облака, проглянуло солнышко, мы сняли сапоги, разложили перед собой, посушили портянки. На приличной высоте возвращался на свой аэродром немецкий бомбардировщик. Мы переключили свое внимание на него. Самолет снизился, затем лег на боевой курс вдоль линии окопов нашей пехоты. Я взял бинокль и стал рассматривать, какие бомбы он будет сбрасывать. Крупнокалиберные! Следовательно, решили мы, имел задание прорваться на какой-то объект, это не удалось, и вот теперь освобождается от груза над пехотой.

– Наделает дел, если бомбы точно накроют траншею, – забеспокоился командир роты. – Теперь понял, какое преимущество мы имеем, находясь здесь?

К счастью, бомбы легли немного в стороне от линии окопов.

– Однако и тут предельная осторожность нужна, – продолжал командир роты, возвращаясь к прерванному разговору о точности огня, – поэтому я тоже выдам тебе некоторые секреты системы немецкого огня вокруг нас, которые я досконально изучил здесь за пару месяцев.

Командир роты подробно начал мне рассказывать обо всем, что могло уберечь здесь жизнь. Я узнал, где можно но-

чью стоять и ходить, где нельзя, у какой кочки на болоте начинается веер пулеметного огня, у какой кончается, какой метр нашей позиции хорошо просматривается противником, какой не просматривается, узнал, что консервная банка, надетая на колышек у его левого носка, оставлена специально для проверки и уточнения высоты и направления веера огня, а также многое другое. Я узнал при этом главное – что в своем деле он работает по высшему разряду и что это будет мой самый надежный друг.

После этого разговора мне вспомнились напутственные слова командира батареи, которые, как оказалось, не стоят и выеденного яйца. В этой обстановке, представляя артиллерию, надо держаться как можно ближе к пехоте, к которой я по-настоящему почувствовал глубокое уважение.

Время перевалило уже за три часа, а у нас во рту не побывало и маковой росинки, сводило желудки от голода. Подноски питания, которые пытались добраться к нам на рассвете, были ранены, а их термосы прострелили. Кто и как должен был доставлять мне питание из моей батареи, было неясно.

Солнце с томительной медлительностью приближалось к горизонту. Мы забрались в свое укрытие и решили отдохнуть перед бессонной ночью. В сумерки у входа показался солдат, который выпалил:

– Готовьтесь принимать гостей, идет разведка из соседней дивизии. Какие будут указания?

– Командира разведки провести ко мне, остальных задержать разговорами и присмотреть, чтобы по позиции не болтались.

Вскоре в землянку втиснулся в плащ-палатке рослый командир разведгруппы, привалился к стенке и молча стал рассматривать меня.

– Давай выкладывай, с чем пожаловал. Тут все свои, – кивнул командир роты в мою сторону.

Это была, как выяснилось, армейская разведка, которая имела задание взять «языка».

– Говорят, вы тут в обнимку с фрицами спите, – в голосе старшего лейтенанта были заметные нотки иронии и превосходства над пехотой.

– А вы раз в месяц только приходите из-за Волхова на них посмотреть, – отрезал командир роты. – Где вы были раньше? Только сегодня утром голосистого ефрейтора имели.

– И куда же дели его?

– Как положено, в тыл отправили, но посредине поляны его свои же и накрыли минометным огнем. Вот лейтенант подтвердит, – кивнул на меня командир роты.

– Жаль. Он сейчас вот как нужен, – провел по горлу командир разведгруппы.

Разведка имела задание взять «языка» с боем, после артиллерийского налета, и он начал излагать в общих чертах план операции.

– У вас какой срок? – перебил его командир роты.

– Три дня.

– Послушай, – вдруг решительно заговорил командир роты, – на кой черт здесь ради одного фрица устраивать у меня трам-тарарам? Доставь мне сюда четверть спирта для моих ребят, и я вам отдам одного, который давно уже у меня на примете. Позавчера лежал у него под ногами, когда он свои ракеты пускал. Доставлю вам его за два дня, пока за спиртом будете бегать. Я давно решил взять живым этого фейерверкера, он в печенках у всех сидит.

В тот раз мне помешали.

– Хватит об этом, давай к делу перейдем.

Старший лейтенант принял все за пехотные байки.

– Я тебе серьезно говорю, – настаивал командир роты и кивнул на телефонный аппарат, который уже успел установить связист разведки, – бери трубку и доложи своему начальству, что я за четверть спирта гарантирую «языка» не позже, чем во вторую ночь. Скажи, что разведчики ему пригодятся еще в другое время. Может, сделка и состоится. Я недорого прошу и не для себя, всего по сто грамм на нос, а дело один обделаю. Чтобы не обидеть, поясни, что прошу спирт для санитарных целей: обтереться от болотной грязи своим людям, они нарываами исходят.

Командир роты выжидающе и серьезно смотрел на начальника разведгруппы. Это была не шпилька разведчикам, а деловой разговор, который по форме не мог обидеть даже вышестоящее начальство.

Старший лейтенант, конечно, трубку не взял.

– Если ты можешь, то и мы тем более справимся, – ответил он.

– Хорошо! Тогда берите сами. Я и мои люди к этому делу не касаемся.

– Брали и сейчас возьмем.

– Будем смотреть и учиться. Только это все может намного дороже вам обойтись. Давай выкладывай подробности.

План операции – разведка с боем – был предельно прост. После беспокоящего артиллерийского обстрела объекта, во время которого немецкие солдаты будут заползать в укрытие, спасаясь от осколков, группа захвата должна ворваться в намеченный шалаш и взять «языка». Группа захвата состояла из шести человек, обязанности каждого были строго определены. Два самых рослых и сильных разведчика этой группы выхватывают и выбрасывают первого подвернувшегося под руку немца из укрытия, уничтожают гранатами остальных, двое других принимают «языка», мгновенно скручивают и начинают отход, двое их подменяют для быстроты движения. Группа прикрытия, в случае необходимости, прикрывает товарищей огнем автоматов.

Сигнал начала операции – десять снарядов чуть позади немецких укрытий с интервалом в одну минуту. Сигнал для броска разведчиков к блиндажу – разрыв последнего снаряда. Командир разведгруппы по плану остается в нашем шалаше, командир взвода разведки – при своих разведчиках,

один разведчик обеспечивает связь между группой и командиром разведгруппы.

До начала разведки боем было решено в этот же вечер выдвинуть одного разведчика вперед. Хорошо замаскировавшись, он должен в течение суток вести наблюдение за противником и подобрать объект для атаки.

Командир роты, выслушав план, отозвался о нем коротко.

– Ничего из этой затеи не выйдет, только людей потеряете. Артналеты здесь давно не проводились, беспокоящий огонь также не велся, и он вызовет удвоенную осторожность противника. В укрытие заползут, но не все – одного оставят.

Я высказал опасение, что огонь полковой пушки может накрыть всю группу, а заодно и нас, поскольку он никогда с точной наводкой не ведется. Но главная опасность, разъяснил я, заключается в другом. Расчет, который будет вести огонь из орудия, наверняка ничего не знает о характере операции и может послать не десять, а двенадцать снарядов.

– Это исключено, – перебил меня командир разведгруппы, – договорились железно.

Опираясь на собственный опыт, я продолжал настаивать на необходимости разъяснить характер операции командиру орудия лично и всему расчету. Я знал, что орудийная прислуга выполняет команды точно, но иногда стреляет по принципу: «маслом кашу не испортишь», могут сыпануть и двенадцать, чтобы под ногами не валялись.

Прекрасно понимая, какой опасности подвергаются раз-

ведчики, предложил послать на огневую позицию своего человека, чтобы лично проинструктировать расчет о смысле данного огня и команды. Мои доводы, однако, проходили мимо ушей начальника разведгруппы, и он продолжал твердить, что расчету было «строго указано».

Тогда я внес предложение на ходу ввести поправки в план огня по другой линии: поручить это дело дивизиону, который представляю я. В нем были также 76-миллиметровые орудия, но дивизионные, которые обладали большей точностью боя, чем полковые пушки. Это предложение также не прошло. Потребовалось бы заново утверждать весь план операции в отделе разведки армии.

Нежелание командира разведгруппы прислушаться к моим доводам начинало меня возмущать. Я мысленно проиграл, как бы выполнялась подобная команда – выпустить десять снарядов на орудие с интервалом в одну минуту, – если бы она поступила в ту батарею, где ранее находился я, даже при самом строгом указании на количество.

Я очень строго приказал бы сделать это командиру первого орудия. Он строго приказал бы выполнить эту команду с одним-двумя номерами орудийного расчета. Часов у них нет. Начнут стрелять. При методическом беспокоящем огне на воробьиную дозу снарядов по противнику, после некоторого количества выстрелов, уже строго перестанут смотреть, собьются в счете, отвлекутся при медленном темпе огня разговорами.

Другое дело, если на огневой позиции расчет знает, что командир батареи ведет огонь на разрушение, к примеру, блиндажа противника. Наводчик, затаив дыхание, будет показывать свое ювелирное мастерство. Все примут участие в этом деле, и командиры будут даже перепроверять наводчика. Сознание ответственности в огромной степени повышает активность и сосредоточенность людей.

Еще и еще раз проигрывая возможное развитие событий с ведением огня артиллерией, я безуспешно пытался втолковать командиру разведгруппы, какой опасности он подвергает людей.

– Не будем вмешиваться, – осадил меня командир роты, – мы свои предложения и соображения высказали. Будем считать, что вопрос обсудили.

Старший лейтенант отправился размещать разведчиков согласно указанию командира роты, а мы, учитывая, что наши боевые порядки уплотнились наполовину, сразу завалились спать.

Поиски пулемета, который не выходил из головы моего товарища, мы решили отложить, чтобы не привлекать излишнее внимание противника в ближайшие дни.

Первый день моего пребывания впереди пехоты прошел благополучно.

Моя квалификация в новой для меня работе заметно повысилась.

Обычные дни обороны

Наступило второе утро моего пребывания впереди пехоты. Легкое дуновение ветерка со стороны шалашей противника доносило приятно щекотавшие запахи чуть-чуть пригорелой каши, которые будоражили воображение, направляли помыслы на недосыгаемую еду. Немецкая кухня в обороне работала с завидной аккуратностью, и у нас был повод поругивать наших старшин – для роты опять не сумели заблаговременно приготовить питание, подносчики термосов были вынуждены задержаться с выходом, а с рассветом к нам обратиться уже не удалось, один был убит, другой ранен: начали работать снайперы. Солдаты голодные улеглись спать.

Мы с командиром роты опять заняли свои места у входа в шалаш и, прислонившись к стенке, спиной к противнику, начали свое шестичасовое дежурство, безмолвно обзревая хорошо изученную панораму местности, в глубине которой проглядывались траншеи нашей пехоты. У каждого были свои думы, и мы лишь изредка обменивались отдельными репликами, уточняя наши короткие жизненные биографии и длинные фронтовые дороги. Называли мы друг друга уже по имени.

Мой боевой друг Алексей Павлович Дьяченко был родом из Одесской области. Окончив там сельскохозяйственный техникум, он работал агрономом МТС, потом в отделе зем-

леустроения города Одессы. В сентябре 1939 года был призван в армию. В составе отдельного разведывательного батальона успел повоевать с белофиннами на Карельском перешейке, где был ранен. После излечения участвовал в освобождении прибалтийских республик. Накануне нападения фашистской Германии на нашу страну проходил службу в дивизии, которая располагалась поблизости от старой границы в районе Слуцка. Уже на второй день войны его немного «царапнуло», но он продолжал участвовать в боях на Березине. В середине июля был ранен в ногу, проехался по госпиталям от Гомеля до Новосибирска. Когда после излечения попал в запасный полк, его переквалифицировали в минометчика. Как командир огневого взвода 120-миллиметровых минометов отдельного минометного батальона, он оказался на станции Ховрино, под Москвой. Его часть, как и нашу дивизию, в самые трудные для нашей столицы дни перенацелили на помощь Ленинграду, вокруг которого, после взятия немцами Тихвина, сжималось кольцо блокады. Там одну минометную роту придали 60-му полку 65-й стрелковой дивизии, в составе которой мы, не зная друг друга, прошли путь от Тихвина до реки Волхов.

К тому времени, когда завязались бои под Мясным Бором, Алексей был командиром с солидным боевым опытом. С группой офицеров-разведчиков его послали учиться в филиал одной московской академии в город Боровичи. Когда начались жестокие бои за вызволение Второй ударной ар-

мии, оказавшейся в мешке, слушателей бросили в бой на самый ответственный участок – в горловину накрепко закрытого немцами прохода. Так в мае 1942 года он стал командиром первой роты 38-го стрелкового полка и оказался впереди пехоты.

Приближался полдень, когда завершалось время нашего дежурства, и Алексей внес предложение:

– Пойдем, Виктор, сходим к своим в окопы, разомнемся немного. Ты заодно решишь свои дела на НП. Наши люди уже поднимаются.

У меня не было плащ-палатки, необходимого снаряжения, питания, и я охотно поддержал его предложение. При этом я предупредил, что вряд ли смогу быстро ползти по-пластунски, поскольку такую практику имел только в Забайкалье. На ощутимые последствия тяжелой контузии я ссылаться не стал – только прибыл из госпиталя, да и напоминать о своих болезнях в боевой обстановке было не принято.

– Будем продвигаться вместе, – успокоил меня Алексей, – да и ползти придется мало, пройдем затыжными перебежками. Через пять минут будем там. Делай все, как я.

– Пошли. Только не очень быстро.

Мы отцепили свои пистолеты, гранаты, чтобы они не мешали нам при движении, забросили их в блиндаж, пилотки заткнули сзади за пояс, чтобы не потерять, и встали, как бегуны на спринтерскую дистанцию.

– Это небольшое болотце, которое перед нами, – кивнул

вперед Алексей, – пойдём по кочкам. Двигай сразу за мной. Приготовились! Пошли!

Он рванулся вперед и стал стремительно прыгать с кочки на кочку, продвигаясь размашистыми зигзагами, затем с ходу припал к земле навзничь и молниеносно заработал руками и ногами, устремившись вперед по-пластунски. Я сорвался с места через несколько секунд после него, повторил, как мог, все его движения, но, пока я, припав к земле, продвигался к нему, он уже вскочил и начал новый затяжной рывок, делая немыслимые зигзаги, сопровождаемый хлопками редких одиночных выстрелов справа. Под этот аккомпанемент второй отрезок я промчался за ним, чтобы не отставать, почти по прямой, затем плюхнулся на землю, немного прополз и остановился. Мне стало ясно, что такой темп выдержать я не в силах, мои разбитые шейные позвонки не держали голову. «Надо возвращаться назад, – подумал я. – Скажу об этом ему прямо».

Заметив, что я основательно отстал, Алексей стал поджидать меня.

– Обожди, – негромко сказал я ему, медленно подползая вперед. – Ты продвигайся один, а я отдохну и возвращусь назад. Давно не ползал, не получается.

– Ничего, нам спешить некуда, – ободрил он меня. – Будем двигаться помедленней. Надо приучаться... А теперь на счет «три» поднялись и делаем перебежку вместе.

Мы снова одновременно вскочили и, прыгая в разные сто-

роны, одолели еще метров двадцать, припали к земле, стали продвигаться уже рядом с прорытой через поляну канавой, защищенные от противника справа небольшим валиком земли, а слева складкой местности.

– Отдохнем, – попросил я.

– Нельзя, надо еще метров пятнадцать с этого места. Нас видели, могут накрыть минами, если ударят из минометов.

Напрягая свои силы, я с трудом их преодолел и, положив голову на руки, остановился, ругая себя за то, что решился связаться в эту прогулку.

– Ничего! Получается! – подбодрил меня снова товарищ. – Но долго залеживаться нельзя.

От боли в шее, в местах повреждения позвонков, мои движения становились вялыми и неуклюжими. Мы сделали еще несколько коротких рывков, после которых я, обессиленный, рухнул на землю.

– Полежи, – посматривая на меня, сказал Алексей, – уже более половины прошли. Осталось только одно препятствие преодолеть – бугорок, на котором наш убитый лежит. Там перед рывком сделаем остановку. Это место снайпера пристреляли.

– Тебе только в цирке акробатом работать, – ответил я. – Иди дальше один, я перебежки больше не делаю, буду только ползком понемногу продвигаться вдоль канавки.

– Хорошо! Ты, однако, присмотришь, как я буду преодолевать бугорок. Возле него мешкать нельзя.

Он дополз до него, остановился, отдохнул, затем потянул назад руку, достал из-за пояса пилотку и, рассчитав движение, бросил ее вперед, мимо убитого, чуть-чуть повыше бугорка, создав у снайпера впечатление, что движение пилотки – это движение человека. Бросок пилотки, выстрел снайпера и его прыжок слились воедино, разделенные в действительности какими-то мгновениями. Пока я медленно, с остановками продвигался вдоль канавки к бугорку, мой друг успел уже доползти до траншеи пехоты и уселся там в углублении бруствера, невидимый снайперам, посматривая в мою сторону. Оказавшись возле убитого солдата, я залег, убежденный в том, что повторение акробатического номера моего товарища будет стоить мне жизни. Наглядный урок убитого подействовал на меня сильнее, чем урок живого.

До моего сознания вдруг отчетливо дошло, что я могу стать легкой добычей немецкого снайпера и оставлю о своей жизни только след в виде зарубки на его винтовке. «Буду лежать до темноты, – решил я, – но удовольствие ему не доставлю. Посмотрим, у кого больше выдержки».

Я тоскливо посматривал на солнце, которому на небосводе предстояло пройти еще половину положенного пути, и прикидывал, сколько пройдет томительных часов до наступления спасительной темноты. Такое выжидание под палящими лучами солнца стало быстро меня тяготить. Я повернулся снова на грудь, стал поглядывать на канавку в ширину лопаты, наполовину заполненную тиной. Был единственный

шанс безопасно добраться до пехотной траншеи: скатиться в канаву и проползти оставшиеся десятки метров в тине. Но воспользоваться данным шансом, когда дело касалось даже жизни, было недопустимо перед лицом пехоты и своего друга. В этот момент из-за бугра послышался тихий голос Алексея.

– Виктор, ты жив?

– Жив.

– Что случилось? Тебя ранило?

– Нет, решил дожидаться темноты. Мне этот бугор не преодолеть. Ты иди к своим. Меня не жди.

– Обожди ты, – уверенно проговорил Алексей. – Здесь подумать надо. До вечера оставаться нельзя, не выдержишь на солнцепеке. И десять раз убьют. Сейчас что-нибудь придумаем.

Ему на размышление потребовалось полминуты.

– Виктор, слушай меня внимательно, – раздался его голос. – Снайперы меня наверняка не видели, когда я полз до траншеи, а в меня стреляли, когда бросал пилотку. Сейчас им надо дать понять, что я ранен. Я махну бинтом, как будто делаю перевязку, отвлеку их внимание на себя.

Он разорвал перевязочный пакет, размотал бинт, и я увидел, как из-за бугра мелькнуло на мгновение белое.

– Порядок! А теперь я им мелькну гимнастеркой, надо укрепить их в мысли, что делается перевязка. Придется снять... Жалко, что продырявят. Но ничего, заштопаю в пе-

хоте... Так, сделано. Теперь ты подтянись поближе, и на счет «три» я суну им гимнастерку уже подольше, а ты после выстрела собери все силы и прыгай через бугор. Только смотри не угоди на меня.

Бери левее. Не замешкайся! Тут верный расчет!

Я приготовился и лежал, как свернутая пружина. Дал знать об этом Алексею.

– Внимание! – раздалось из-за бугра. – Раз! Два! Три!

После выстрела снайпера я, согнувшись, прыгнул через бугор и распластался рядом с Алексеем на земле, всеми силами вдавливаясь в нее грудью. Никаких эмоциональных слов после этого не последовало, и мы сразу же поползли к траншее.

– Хорошо, что залег и отдохнул, – заметил Алексей уже по дороге, – а то мне одному пришлось бы возвращаться в роту. Смотрел и боялся за тебя.

Мы благополучно забрались в окоп и пошли по ходу сообщения. Обходя группу разговаривавших солдат, я услышал, как один из них восхищенно говорил своим товарищам о моем друге.

– Здорово «первый» работает, ничего не скажешь! Учтите, как надо ходить!

Оказывается, за нашим продвижением из первой роты в окопы батальона внимательно следили десятки глаз. То, что продемонстрировал командир роты, немного скрашивало окопную жизнь в обороне и, наверное, частично предна-

значалось для них – учил, как надо ходить под огнем.

Я побыл в кругу друзей Алексея и отправился на наблюдательный пункт своей батареи, расположенный поблизости. Хлеб, масло и сахар – часть моего вчерашнего рациона свято хранилась. Хорошо подкрепившись, я договорился о своем дальнейшем обеспечении. Жизнь на наблюдательном пункте батареи, в боевых порядках пехоты мне показалась совсем тыловой. Примерно такой же вольготной и безопасной, какой она кажется человеку, приходящему с передовой на огневые позиции батареи, находящейся за три-четыре километра от линии фронта, или какой она представлялась мне, когда я в прошлом попадал с огневой позиции в тыл к хозяйственникам за двадцать-тридцать километров от противника.

Дело шло к вечеру, когда я отправился к Алексею. Пора было возвращаться в первую роту. Он сидел в кругу болельщиков, наблюдавших за игрой в домино. Забивали очередную партию «козла», а все окружавшие импровизированный стол – кусок доски на коленях сидевших – оживленно комментировали перестук костяшек домино. Солнце готово было скрыться за лесом, как вдруг впереди, в расположении противника, значительно правее места, где находился наш шалаш, раздался оглушительный взрыв тяжелого снаряда, после которого сразу же послышался пронзительный крик. Все болельщики и играющие тотчас откликнулись на это событие.

– Вот это новость! Прими, господь, душу еще одного фрица. Да нет, наверное, ногу или руку оторвало.

Соседи ударили из тяжелого. У нас таких систем нет. Они недавно неподалеку свой НП оборудовали.

– Там возле него сейчас куча собралась. А ну, слетай к ним на НП, скажи, чтобы просьбу уважили и еще пару в это место влепили! – распорядился один из командиров, кивая солдату и перемешивая костяшки домино.

– Можно не бегать, – заметил я, оценив взрыв и полученную из разговора информацию. – Это артиллерия большой мощности сделала проверку после аналитической подготовки данных. Обнаруживать себя не станут, чтобы не засекали звукометрические установки противника.

Все стали обсуждать, какие обстоятельства заставили притащить на наш участок фронта артиллерию Резерва главного командования (РГК). Мнения были разные. Весьма возможно, что выстрел специально предназначался для того, чтобы противник тоже поломал себе голову и сделал выводы, необходимые для нашего командования.

Как только стемнело, мы с Алексеем обвесились гранатами и заспешили к себе – в эту ночь могла начаться разведка боем, и надо было быть на месте. С нами пошли двое автоматчиков, которые отпросились навестить своих земляков в первой роте и заодно сопроводить нас.

Разведгруппа спланировала провести операцию после наступления полуночи. В нашем шалаше состоялось последнее

короткое совещание, в котором приняли участие и мы. Командир разведгруппы отдавал указания, напомнил еще раз, что после десятого снаряда должен последовать бросок при всех обстоятельствах. Разведчики знали свое дело, и слова «действовать решительно», «дерзко» не произносились. Алексей отправил двух своих солдат предупредить всех, чтобы тоже были готовы на случай, если короткая операция разведчиков перейдет в затяжной ночной бой. Шалаш быстро опустел.

Мы с Алексеем на некоторое время остались вдвоем.

В этот момент в шалаш не вполз, а буквально ввалился тот самый солдат, который вчера вызвался допрашивать пленного.

– Товарищ старший лейтенант, – быстро заговорил он, обращаясь к командиру роты, – я тут поблизости дожидался, когда все разойдутся. Разрешите, я пойду залягу, на всякий случай, в сторонке с ручником, место хорошее выбрал. Ребята в разведке как будто надежные, сам беседовал, но как бы чего не вышло.

– Иди! Только чтобы ни одна душа не видела!

– Есть!

Солдат, как полевая мышь, вынырнул из блиндажа.

– Помочь, что ли, хочет? – осторожно спросил я, проверяя возникшую у меня мысль. – Вроде договорились, что сами брать будут.

– Помочь... на случай, если фрицы нашего языка брать

будут, – серьезно и тихо ответил Алексей. – Разведчики ходили по боевым порядкам пехоты и все видели. Еще неизвестно, где может оказаться язык, за которым направился целый табор, да еще с пушкой, – у нас или у них. Если что... надо помочь и тем и другим, чтобы язык никому не достался.

Он замолчал и посмотрел в мою сторону. Я почувствовал, что это был тот самый момент, когда требуется мое слово по поводу ситуации, над которой я уже сам задумывался.

– Правильно! – запросто сказал я и положил руку на его колено. Он легонько, по-дружески коснулся моего плеча.

– Если что со мной... Ты тоже... Не раздумывай!

– И ты тоже...

Мы договорились такими фразами и доверили друг другу свои жизни.

Наши жизни были спаяны с теми квадратными метрами земли, которые мы оберегали, с теми людьми, которые на ней находились, и мы не собирались отдавать во власть случая ни то, ни другое. Надо было быть предельно предусмотрительным. Здесь в плен могли утащить каждого запросто. И трудно было даже представить всю тяжесть последствий этого не только для зазевавшегося, но и для всех.

Мы заговорили о действиях командира разведгруппы. Мне было непонятно, как такого флегматичного, безынициативного человека могли назначить на подобную должность. Алексей тоже не скрывал своего раздражения.

– Подобрали начальника! Вместо того чтобы быть с

людьми на месте, решил занять позицию у телефона, чтобы к нему бегали сюда докладывать, что там происходит. Он, если что случится, даже не знает, где его люди лежат.

– Судя по его характеру, он, наверное, был до войны на секретной работе, вот и поставили командовать разведчиками, – высказал я свое предположение. Командир разведгруппы возвратился в шалаш. Подошли солдаты первой роты, предупреждавшие товарищей о начале операции. Все стали ожидать взрыва первого снаряда. Стрелка часов приближалась к условленному моменту. Чем меньше времени оставалось, тем больше нарастало напряжение.

Всем очень хотелось, чтобы захват прошел благополучно.

Наконец раздался оглушительный взрыв первого снаряда. С интервалами в одну минуту точно последовали второй, третий, четвертый разрывы. Командир разведгруппы безмолвно сидел, прислонившись к стенке, а в промежутках между разрывами снарядов все сидящие здесь представляли вслух, что происходит на месте.

– Начали продвигаться к шалашам. Еще метров пять подтянулись.

– Все идет нормально.

– Уже рядом.

– Можно идти на выход, надо взглянуть на дорогого гостя.

– Седьмой взрыв опаздывал.

– Можно играть отбой, пока не поздно, – прокомментировал я.

– Не каркай! – оборвал меня чей-то голос в углу. Тут же последовал очередной снаряд.

– Ничего, все идет нормально. Пошли на выход!

Очередной взрыв все дружно просчитали.

– Восемь!

Прошла минута, а девятого не было, и каждая секунда всем казалась вечностью. Тут заговорили все разом.

– Опять остановка.

– Сейчас будет. Ну, скорее же!

– Что же они там?

– Все! Наверное, отменили операцию и позвонили на огневую.

– Быть не может этого!

Но вот раздался девятый взрыв, затем без всяких интервалов последовали десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый. После одиннадцатого все стали выражать свои эмоции в терминах, которые принято обозначать многоточием. Раздавались проклятия и в адрес стрелявших артиллеристов и в мой, поскольку все знали, что я от артполка приписан здесь, хотя огонь вела батарея другого полка.

Кто-то, повернувшись в мою сторону, зло бросил несколько слов.

– Накаркал!..

Здесь не стеснялись в выражениях и не стеснялись своего суеверия.

После разрыва одиннадцатого снаряда я машинально кри-

чал: «Стойте!», как будто эта команда моментального прекращения огня могла быть услышана на огневой позиции. Командир разведгруппы яростно крутил ручку телефонного аппарата. Все приподнялись со своих мест, выражали гнев, как его только можно выразить на передовой, когда тебя расстреливает собственная артиллерия. У меня после разрыва тринадцатого снаряда пронеслась мысль, что среди оружейной прислуги оказался суеверный человек, который решил отправить в сторону противника чертову дюжину, и что это будет последний снаряд. Я не ошибся. Конечно, оружейному расчету никто не объяснил задачу – все, что связано с деятельностью разведки, строго засекречивалось. А когда подают команду десять или двенадцать снарядов на орудие, можно отправить и те, которые под ногами мешают ходить.

Когда прекратился огонь, все стали обсуждать возможные потери.

В этот момент в шалаш влетел связной от разведчиков и доложил:

– В группе захвата потери: двое раненых, один – тяжело. После десятого ребята поднялись дружно, затем залегли.

– Передай всем: оставаться на своих местах, – распорядился командир разведгруппы. – Командира взвода ко мне, раненых эвакуировать.

Алексей разогнал своих людей, находившихся в шалаше, занять места в обороне. Мы остались втроем.

Командир разведгруппы сразу же связался с начальником

разведки армии и доложил, что произошло. Связь была настолько прекрасной, что нам отчетливо было слышно, что говорилось в трубке. Старший начальник отчитывал командира разведгруппы, как мальчишку.

– Я спрашиваю тебя, ты почему лично не договорился с артиллерией?

Почему?

– Мы сделали все согласно вашему...

– Молчать, когда с тобой говорят! – гроыхало в трубке.

Командир разведгруппы тщетно пытался вставить слова оправдания, а потом, убедившись, что это невозможно, стал упрашивать:

– Разрешите повторить операцию! Разрешите повторить!

– Молчать! Если ты придешь без языка, я завтра твой положу на стол при докладе командующему!

Было слышно, как где-то там говоривший с силой бросил трубку. В нашем шалаше воцарилось молчание. Командир разведки тупо смотрел на телефонный аппарат. Алексей первый нарушил молчание и подал осторожный совет:

– Я понял, что вам можно сворачиваться.

Появился командир взвода разведки, который во время телефонного разговора и разноса своего непосредственного начальника сначала влез, а затем под каким-то предлогом из деликатности ускользнул из шалаша.

– Что будем делать? – обратился он к начальнику разведгруппы.

– Будем повторять операцию. Сейчас дадут команду в артиллерию. Иди к людям и скажи, чтобы приготовились.

Мы с Алексеем встрепенулись на своих местах.

– Он рехнулся, наверное, ваш начальник!

– Что он, спятил, что ли? Неужели не понимает? – сказал я.

Командир взвода направился к выходу.

– Сделаем, – бросил он недовольно, – но лучше бы перенести операцию на следующую ночь. Ведь насторожили их, да и настрой у ребят уже не тот...

Алексей окончательно вышел из себя.

– Черт с вами! Скажи, чтобы назад возвратились все, – обратился он к командиру разведгруппы. – Я вам приволоку одного фрица даром. Мне ребят жалко – погибнут ни за что. Сегодня к утру возьмем мы – последний раз говорю.

Начальник разведгруппы молчал, что-то усиленно обдумывал. В этот момент раздался звук зуммера, и он взял трубку.

– Операцию отставить! – прозвучали в трубке отчетливо спокойные и твердые слова. – Всем немедленно возвратиться назад!

Разговор, как и прежде, шел открытым текстом. Мы все облегченно вздохнули. Как будто многопудовая ноша свалилась и с плеч начальника разведгруппы. Он расслабился, успел только вздохнуть и тут же засуетился на своем месте.

– Если там раньше передали на огневую повторить десять

снарядов, второй приказ может не успеть на орудия. Надо как-то срочно сообщить ребятам об отбое. Пошлите своего человека! – стал он упрашивать командира роты. – Мне могут снова позвонить.

– Мои люди не знают, где ваши расположились. Беги сам, пока не начали огонь. А позвонит твой начальник, мы ответим.

– Я не был там, не найду их, – с болью в голосе проговорил он.

– Да беги ты, еще успеешь догнать командира взвода. Он ушел вот в этом направлении, – показал рукой Алексей.

Командир разведки выскочил из шалаша. Алексей посмотрел ему вслед и покачал головой. Я с недоумением смотрел на них. К нам тут же ввалился солдат, который в стороне с ручным пулеметом наблюдал за ходом операции на случай драматического развития событий при захвате языка.

– Что тут решили?

– Крой к разведчикам со всех ног. Передай: «Отбой». Заверни старшего лейтенанта назад, – распорядился командир роты.

Командир разведгруппы залез в шалаш, поблагодарил за помощь и молча стал собирать свои вещи, свертывать плащ-палатку.

Алексей давал ему напутственный совет:

– Больше с такой артелью появляться ко мне не советую. Сам убедился. А мое предложение остается в силе. Только

учти, у меня теперь фрицы поднялись в цене. Я не знал, почему этот товар, за которым вы ходите с пушкой. Будут мне попадаться – буду связывать и складывать с кляпом во рту, вон там, в воронке, и выдерживать по неделе. Когда потребуются, присылай своего человека. Желаю удачи в другом месте.

Я просто пожелал ему успехов.

Начальник разведгруппы был, видимо, так расстроен неудачей, что ничего не ответил, и только отойдя уже от нас, обернулся и нехотя процедил сквозь зубы.

– Пока! Учтем!

Все разведчики к своему сборному пункту прошли разрозненно, где-то в стороне от нашего шалаша.

– Мы с ним еще встретимся, – усмехнулся Алексей, провозжая взглядом фигуру начальника разведгруппы. – Ему некуда деваться. Здесь в соседних дивизиях нет мест, где стояли бы в такой близости к фрицам, как мы.

Вскоре немцы, после необычного обстрела, очевидно, заволновались: всю ночь строчили из пулеметов и стали чаще освещать ракетами местность. Мы до самого утра не сомкнули глаз. Алексей обходил своих солдат, а я, уже вполне освоившись с обстановкой, выползал вперед, до самых воронок и, используя активность противника, засекал по трассам и вспышкам источники огня, ползал вокруг шалаша, осматривая каждую кочку и ямку, которые могли пригодиться в качестве укрытия при корректировке артогня.

С утра мы по очереди отсыпались, а когда бодрствовали, то изредка поглядывали из-за шалаша в сторону противника. Всю вторую половину дня мы опять сидели снаружи, у входа в шалаш, прислонившись спиной к стенке, обхватив руками колени и положив на них свои подбородки. Было по-прежнему тихо, лишь изредка где-нибудь раздавался винтовочный выстрел. Время тянулось мучительно медленно.

В моих разбитых позвонках творилось что-то неведомое, я ерзал на своем месте, приподнимал корпус тела, опираясь на руки, – ослаблял нагрузку на позвоночник, потом вытянул ноги.

– Подбери ноги, – тихо проговорил Алексей, – на банке сегодня дырку обнаружил.

Он кивнул на одну из консервных банок, надетую на колышек, которые служили индикаторами направления огня противника.

– Неужели могут видеть? – удивился я. – Посмотри, как идет линия: угол шалаша – носок сапога. Что они, совсем сбоку нашего шалаша пулемет поставили, под носом у наших солдат?

– Раз дырка появилась, значит, в полосе огня. Ночью проверим.

Я поджал ноги и положил на колени подбородок.

Мы смотрели, как уходило за горизонт солнце и багровое пламя прорезало облака. Эта необыкновенная картина природы поглотила наше внимание. Она наводила на размышле-

ния, порождала воспоминания, умиротворяла чем-то наши души, заполненные лишь отсветами пожаров и вспышками оружейных зарниц, – ведь это были краски самой природы, которая властно заявляла о себе и здесь, где все окружающее пространство, наполненное обманчивой тишиной, таило вокруг нас смерть.

– Давай понаблюдаем этот необыкновенный закат, – подал голос Алексей. – Ничего подобного не приходилось видеть. Смотри, как лучи прорезают тяжелые тучи.

Мы на некоторое время расслабились, и предусмотрительность покинула нас. Никто не подумал, что нас подсвечивают эти обворожительные лучи. Алексей забылся и, устраиваясь поудобнее, вытянул правую ногу, обхватил руками левое колено, положил на него подбородок и молча впился глазами в сторону заходящего солнца. Я машинально тоже переменял позу, вытянул левую ногу, зажал руками согнутое колено и, склонив к нему голову, направил свой взгляд в том же направлении.

Неожиданно слева, со стороны заходящего солнца, в пятнадцати-двадцати метрах от нас раздался продолжительный дробный стук пулемета, и прежде чем я успел что-либо сообразить, впереди меня на уровне моего колена прошел веер знакомых звуков «хуть-хуть-хуть-хуть-хуть», будто порожденных неисправностью бешено вращающегося маховика. В тот же миг, словно тяжелым поленом, меня ударило в правую сторону правого колена. Вместе с ударом оборвались звуки

пулемета.

– Есть левая!.. Вот где пулемет: под самым носом поставили, – изумленно прошептал Алексей.

– Меня тоже, в правую, – почти беззвучно вымолвил я.

– Замри! Не шевелись! Прижмись к стенке, – прошептал Алексей.

Мы затаились. Обождали минуту, другую.

– Так вот почему тогда утром фрица здесь взяли, – продолжал шепотом говорить Алексей. – У них пересменка была. Как это нам в голову не пришло? Эх, надо было самому допросить. Но ничего, меня легко задела, чуть выше колена прошла. Через месяц буду здесь, – еще встретятся со мной сволочи. Как у тебя?

– Штанина быстро наполняется кровью, надо скорее перевязать. Меня сильно ударило в правую сторону колена. Справа, наверное, били.

– Быть не может этого! Били только слева, почти в упор. Нас одной очередью срезало. Взгляни за угол осторожно, на всякий случай, что там впереди нас, – забеспокоился Алексей. – Я пока не буду обнаруживать себя. Уж не разведку ли боем они теперь делают? Как бы не обошли.

Я повалился на бок и выглянул за угол шалаша.

– У меня никого не видно. Может быть, они впереди, прямо за шалашом, – прошептал я.

– Обождем, надо слушать внимательно. Треск веток будет, если ползут. Положи свои гранаты рядом, под правую руку

мне. Если у меня появятся, я буду действовать гранатами, а ты прикрывай свой угол пистолетом. Наши что-то тоже затаились. Пулемет у них под носом бил. Должны бы уже взглянуть в мою сторону. Надо им знак подать, сообщить, что ранены. Дай сучок, я брошу низом к ним.

Алексей действовал хладнокровно и предусмотрительно, непрерывно оценивая обстановку. Я беспрекословно выполнял его распоряжения, полагаясь на его опыт. Нам, однако, было не ясно, видели нас, когда били из пулемета, или это была обычная очередь. Мы были готовы ко всему и стремились не выдавать себя лишними движениями.

– Требуется срочная перевязка, уже в сапог потекло, – тихо доложил я, ожидая указаний командира роты. Он повернулся в мою сторону.

– Ого! Видно, разворотило. А у меня только пятно расплывается. Постарайся тихо, без лишних движений забраться в шалаш сам. Перевяжись, посмотри, что там у тебя, – шептал Алексей. – Послушай, что слышно впереди шалаша, загляни в щелку, там есть внизу. Если увидишь их, брось пилотку наружу. Подвинь мне немецкий автомат с магазинами, он в правом углу под плащ-палаткой. Пошарь там еще гранаты, собери их в кучу у входа.

Я останусь пока снаружи.

Я залез внутрь шалаша, исполнил все его распоряжения, достал из нагрудного кармана индивидуальный перевязочный пакет, полулежа спустил брюки и взглянул в полумраке

на ногу. С правой стороны, повыше колена, была небольшая, с пятикопеечную монету, рана, из которой ручейком текла кровь. Входного отверстия я не заметил и, решив, что пуля только задела кожу или сделала рикошет, стал накладывать обычную повязку, которая на глазах промокала.

В шалаш забрался Алексей.

– Мои выглянули, дали знак. Все в порядке. Сейчас будут здесь. Надо свою тоже перевязать. Ну, что там у тебя?

– Кожу содрало с правой стороны колена. Справа огонь был.

– Ищи входное, должно быть. Били с одной стороны.

– Может быть, разрывная попала с другой стороны?

– Если бы разрывная, она разворотила бы тебе все колено.

Вопрос об источнике огня для нас имел принципиальное значение. Надо было знать, в каком направлении опасность. Я продолжал считать, что меня только царапнуло, мне и в голову не приходило наложить жгут. После перевязки все бинты быстро промокли. Я стал их подматывать прямо на брюки.

В шалаш приполз наш солдат, рассказал, что они пулеметной очереди под носом удивились, переполошились. Взглянули в нашу сторону, увидели, как мы прижались к стенке. Доложил, что два человека поползли с ножами далеко в обход, чтобы перекрыть путь пулеметчикам назад. Мы стали обсуждать, чем вызвана такая дерзость противника. Перебирали все возможные причины: охота за командиром роты,

мечь за пленного, обстрел артиллерии, разведка боем с их стороны, наши разминки с Алексеем по утрам и появление меня, нового человека.

– Шума, шума только не поднимать, – отдавал распоряжения Алексей. – Успокойте их. Постарайтесь взять сегодня живьем. Узнать надо, что затевают.

Смеркалось быстро. Мы решили выбираться в медсанбат, когда совсем стемнеет. Проверили раненые ноги, на что они способны. Моя висела, как плеть. От потери крови я с трудом мог оторваться от пола, сильно кружилась голова. Алексей держался крепче. Он распорядился немедленно направить одного человека в санвзвод и вызвать для меня двух санитаров. Сам решил добираться самостоятельно с палочкой.

Появились еще солдаты, вызвались сопроводить своего командира до окопов. Я посоветовал ему тоже идти в медсанбат с сопровождающим, поскольку добираться туда с раненой ногой по такой местности придется долго. Эти предложения были решительно отклонены.

– Я буду здесь, пока не явятся санитары за лейтенантом. А ты, – он кивнул в мою сторону, – еще не знаешь, сколько времени их приходится дожидаться, кровью изойдешь, пока они будут собираться и добираться сюда, если не будет меня.

Немного подумав, он отправил еще одного человека с устным донесением к знакомому другу в окопах, чтобы проконтролировать выход санитаров, и таким образом продублировал вызов. На выходе шепнул солдату условное для друга

слово, которое обозначало святость просьбы и могло касаться только жизни человека.

Двое солдат, напомнив командиру роты о моем «царском» подарке по папиросе «Казбек», предлагали настойчиво свои услуги, чтобы донести меня до своих.

– Нельзя! – по-дружески разъяснил он им. – Сразу шестерых не станет здесь. И потом, это надо уметь. Здесь быстрота нужна и сила.

Командир роты отдавал последние наставления в связи с выбытием из роты. Настроение у солдат было унылое – они понимали, что фактически расстаются навсегда.

Вскоре в шалаш влезли два здоровенных санитаря и наши посыльные.

Они тяжело дышали.

– Теперь все в порядке, – сказал Алексей, отрезая принесенную ему палку. – С тобой, – кивнул он в мою сторону, – прощаться не будем. В медсанбате увидимся. Меня один проводит до середины поляны, а там, если что и случится, доползу как-нибудь сам.

Он направился с сопровождающим к выходу, а все остальные понуро гуськом потянулись за ним. Глядя на процессию, я почувствовал, какая глубокая неподдельная любовь была у солдат к своему командиру.

Пришедшие санитары степенно присели возле меня и достали свои кисеты.

– Сначала перекурим немного и отдохнем, потом понесем

быстро, – успокоили они меня.

– Первый раз ранило-то? – спросил пожилой кряжистый сибиряк. Их лица нетерпеливо вытянулись в мою сторону. Они напряженно ожидали ответа.

– Второй. Первый раз контузило, когда батарея стояла чуть дальше впереди, метров за пятьсот отсюда. Я только из госпиталя вышел, и вот опять.

Не повезло.

Они весело переглянулись.

– Значит, доберемся благополучно, – потер руки старший. – Мы тут на тебя загадали, когда шли сюда.

– Здорово, однако, быют. Как только пройдем? – заметил молодой.

Они молча с наслаждением затягивались, и шалаш наполнился дымом.

Дождались, когда погасла очередная немецкая осветительная ракета.

– Выноси его, Федя. Только полегше, полегше бери, – подал команду пожилой.

Молодой, ладно сложенный коренастый санитар взял меня запросто подмышку, выволок из шалаша, положил на развернутую плащ-палатку. Они поплевали на руки, взяли за концы и быстро понесли – головой к своим. Пулеметы противника неистовствовали, трассирующие пули то и дело проносились рядом. Я сбросил здоровую ногу с плащ-палатки, опасаясь, что перебыют и ее.

– Ниже держи, – говорил старший переднему санитару, – чтобы тело только земли не касалось. А ты, сынок, –ставлял он меня, – голову не поднимай, забрось ее за край носилок, ногой здоровой не тормози, закинь ее на брезент тоже. Попадет в нее, черт с ней. Все равно операцию будут делать. Нам главное – живым тебя доставить. Очень нас за тебя просил один хороший человек в батальоне. Хорошие у тебя друзья. Ух, как лупят, сволочи. С чего бы это? Давно такого не было.

Даже этим сибирским здоровякам нести меня было нелегко. Они тяжело дышали, при свете ракет опускали меня на землю, ложились рядом и отдыхали, потом по команде пожилого поднимались и двигались дальше среди огненных трасс, пронесившихся во всех направлениях. Одна очередь прошла вдоль нашей процессии, и пули просвистели чуть выше нас, уходя в сторону веером.

– Стойте! Стойте! – стал тихо призывать я. – Опустите меня на землю и ложитесь сами. Тащите меня ползком за концы спереди, я буду руками помогать и одной ногой. Убьет вас при таком огне обоих.

Во мне все восставало против того, чтобы из-за меня погибли эти двое отважных людей, этот пожилой приветливый санитар, который называл меня сынком. А он отмахнулся:

– Главное, чтобы тебя не задело. А у нас работа такая. Будешь ползать, много не наработаешь. Ты лежи спокойно, не сползай на края, не сбивай ход. Ты не бойся, я тебя сзади

полностью прикрываю собой. Еще немного осталось.

Я впервые узнал, что такое работа санитаров в пехоте, и проникся к ним безграничным уважением.

Они еще раз остановились, чтобы отдышаться, потом, оказавшись у проволочного заграждения, не стали искать вход в траншею, приподняли в одном месте проволоку, протащили ползком по земле, перемахнули в узком месте через окоп, еще немного пронесли и положили за насыпью земли в небольшое углубление.

– Ну вот, считай, что ты теперь уже в госпитале. Тут за насыпью тебе и удобно лежать будет и безопасно. Сами придумали и устроили это место, – с гордостью приговаривал пожилой, стоя на коленях возле меня и устраивая голову поудобнее в этом ложе. – А мы верно-то загадали на тебя, вишь, как хорошо получилось. Сейчас позовем твоих людей.

– Спасибо вам. Скажите, как звать вас, кто вынес меня, – пошевелил я губами.

– Два Федора несли тебя. Так и передай в санбате: два Федора. Там знают. Воды принести?

– Слабость у меня, скажите моим, чтобы хлеба кусочек принесли. Наш НП вот тут, рядом.

У меня от потери крови кружилась голова, была слабость, ходили круги перед глазами. Ко мне прибежали командир батареи с разведчиком, принесли мой дневной рацион. Я с жадностью поглощал куски хлеба, посыпанные сахарным песком, которые тут же возвращали мне силы. Из тыла уже

вызвали повозку для эвакуации.

Только рано утром, когда кругом стоял еще туман, меня погрузили на телегу и доставили в медсанбат, расположенный между станцией Мясной Бор и совхозом «Красный ударник». Санитары сняли с меня сапоги, занесли в палатку и положили на операционный стол, вызвали врача и медсестру.

Хирургом оказалась невысокая черноволосая женщина средних лет.

– Тоже с ногой, – сказала она, подходя ко мне. – И где это только вы пули находите? Как это тебя угораздило сюда попасть? Вроде и войны давно не слышно, можно подумать, что разучились стрелять. Ну, что у тебя? – в серьезном, но приветливом голосе ее слышались нотки фронтового юмора.

– Пуля рикошетом, наверное, ударила. Впереди пехоты был в боевом охранении, там сильный огонь.

– А ну посмотрим, какой рикошет. Мне с рикошетами на подводах еще не привозили. Это кто же тебе бинтов на брюки намотал? Сам, что ли, санитарил?

– Сам. Сделал перевязку – кровь не остановилась, потом подматывал уже поверх брюк.

– Когда ранило?

– Вчера вечером.

– О, боже! Неужели тебя нигде не научили, как делать перевязку при ранении? Почему жгут сразу не наложил? Ведь ты командир, знать должен был.

Она кромсала ножницами брюки, а я оправдывался:

– Кожу задело... Рикошетом... Потом туго сверху мотал...

– Хорош рикошет! Сквозное пулевое с повреждением кости. Открытый надмышелковый перелом в нижней трети правого бедра, – диктовала она медсестре, заполнявшей историю болезни. – Считай, что тебе повезло: еще немного, и без ноги остался бы.

Она сделала обезболивающие уколы и стала готовиться к операции.

– Можешь сидеть и смотреть на свой рикошет, – покачивая головой, сказала она, перебирая скальпели и отыскивая инструменты. – Я сейчас тоже посмотрю, какие командиры в шестом гвардейском. Тебе сколько лет?

– Двадцать.

– И уже врать научился! Сколько для солидности командира прибавил? Ведь меньше же!

– Скоро двадцать уже исполнится, – уточнил я.

– То-то же! А сейчас посмотри внимательно на сестру, которая тебе улыбается, и определи, сколько ей лет.

Под эти разговоры она сделала на входном и выходном отверстиях глубокие длинные разрезы, увидев которые, я pokrылся потом.

– Что вы делаете, – залепетал я, – тут муха укусила, а вы располосовали так, что и через полгода не заживет...

– Ты смотри, еще один командир нашелся, который дает

указания. Уж не твой ли приятель был на этом столе до тебя?

– С ранением в левое колено? Нас одной очередью срезало. Он уже здесь и прооперирован? – оживился я, заглядывая в глубину разрезов.

– Сейчас встретитесь.

Она быстро делала свое дело и стала проталкивать по следу пули длинный скрученный бинт. От этой процедуры меня снова прошиб пот. Боль была невыносимая, заморозка на кости не действовала, было ощущение, что кость протыкают раскаленной железкой.

– Что вы делаете? – вскричал я.

– Потерпеть надо, ведь ты командир. Или ругаться, как все, начнешь? Ты уже научился ругаться? Что молчишь? А если я приду к вам на батарею и стану в дырку пушек за-талкивать спереди снаряды, ты какие слова тогда скажешь? От этой мысли я расхохотался и в то же время скорчился от боли, пытаюсь вырвать привязанную ремнями ногу со стола, – она продолжала чистить рану, не обращая внимания на мои крики. Когда моим потугам вырвать ногу она противостоять не могла, попросила сестру вызвать санитаря. Плотный сибиряк тут же вошел в операционную палатку, лег поперек на мою грудь, придавил к столу и намертво прижал привязанную ремнями ногу, зажав здоровую между колен. Я буквально завопил и через спину санитаря пытался рассмотреть, что делает хирург. Мои вопли оглушали меня самого, а санитар ласково приговаривал, отпуская мне грудь, чтобы

я мог набрать воздуха:

– Покричи, покричи, сынок, легче будет, мы потерпим немного.

Наконец, хирург вставила в раны резиновые трубки, на бросила на них салфетки, приказала отвязать ремни и, улыбаясь, посмотрела на меня.

– Ух ты какой! Сразу видно, что командовать сможешь.

– Ладно, – насупившись, ответил я, – зашивайте скорее и кончайте.

Она вскинула свои черные глаза и удивленно развела руками.

– А вот зашивать тебе раны не буду... За то, что ты вмешиваешься не в свои дела. Оставлю так.

– Как так? – встрепенулся я.

– А вот так! Перевяжите его, – распорядилась она, – оставим его с незащитыми ранами!

Она вышла из палатки. Подошла сестра с бинтами и салфетками.

– Отойдите! – потребовал я. – Позовите врача.

Она тут же явилась. – Что случилось?

– Доделайте все сами, прошу вас.

– Ну что ж! Так и быть, придется уважить молодого командира. Ложись! Только теперь закрой глаза и не заглядывай.

Врачи медсанбатов во время обороны тоже иногда скучали и развлекались по-своему. Шутила тогда Нина Яковлевна

Кренгауз. Я узнал ее имя только через тридцать пять лет от бывшего начальника медсанбата во время встречи ветеранов дивизии в Москве 9 мая 1977 года. А через полгода отыскалась и она сама – в Белоруссии.

После того как все было сделано, она оставила меня на столе и удалилась с медсестрой из палатки. Так пролежал я на операционном столе десятков минут. Потом она подошла ко мне и примирительно сказала:

– Ну, довольно дуться. Все уже позади. Сейчас я тебе расскажу, что такое столбняк и гангрена, а также, что тебе было сделано, чтобы уберечь от них, почему не зашили тебе раны.

Когда санитары положили меня на носилки и понесли из операционной в другую палатку, она проводила меня до выхода и у дверей спросила:

– Кто тебя выносил с поля боя?

– Два Федора.

– Опять они. Поставь две палки в тетрадь, – обратилась она к медсестре. – Скоро появятся. Сколько там за ними записано, подсчитай.

Врачи медсанбата поощряли санитаров за отвагу, без нужной переписки со штабом о представлении отличившихся к награде.

В палатке, где лежало всего несколько раненых, я встретился на короткое время с Алексеем.

– Вот это попали мы с тобой, – сокрушался он. – Располосовали и тебя. Не довелось нам вместе повоевать. Но я от-

сюда с места не двинусь. Через месяц там в любом случае буду. Рассчитаюсь за все.

...Рассчитаться довелось нескоро. Только 14 января 1944 года, через полтора года, окончились томительные месяцы обороны, и началась битва за Новгород.

Плацдарм, который удерживал командир роты Алексей Дьяченко, пригодился. 65-я стрелковая дивизия, введенная ночью в узкий прорыв в направлении деревни Тютицы, быстро взломала вражескую оборону и начала обходить и сокрушать фашистские гарнизоны, перехватывать и уничтожать охваченные паническим страхом колонны противника. В районе мясокомбината, западнее Новгорода, один из полков дивизии, которым командовал Александр Иванович Бородин, перехватил колонну отступающего противника и устроил «трехкилометровое кладбище».

О том, чтобы устроить немецко-фашистским захватчикам такое побоище на подступах к Новгороду, мы мечтали долгими зимними ночами в своих землянках. Все знали, что недалеко Чудское озеро, где в 1242 году немецкие псы-рыцари были разбиты дружиной новгородского князя Александра Невского. В юбилейный год, через семьсот лет после этой битвы, каждому солдату хотелось преподать еще один запоминающийся урок потомкам этих захватчиков. Вот почему ярости наших войск не было предела, когда началась битва за Новгород.

Даниил КОРОБКОВ ВОСПОМИНАНИЯ ДОНСКОГО КАЗАКА

Война

Последние два года перед войной Коробков работал в «Нижеволгопроекте» в Заволжье на прикубанских плавнях, на изысканиях Невинномысского канала. В Европе уже полыхала война, когда «Нижеволгопроект» заключил договор на съемку приднестровских плавней в недавно присоединенной к Советскому Союзу Бессарабии (Молдавия).

22 июня 1941 года утром Коробков пришел к начальнику партии узнать, будет ли какая работа. Они присели у стола. Вдруг с улицы послышались рев мотора, крики и пулеметная стрельба – то прилетел «мессершмит», обстрелял базар и исчез, потом радио сообщило о начале войны.

Начальник партии ринулся на почту, чтобы связаться с Москвой, заявки на переговоры не принимали, телеграммы тоже не принимали. Во второй половине поехали в Тирасполь отправлять семьи, на вокзале толкотня страшная, но все же с большим трудом удалось втиснуть в пассажирский

вагон женщин и детей. Только проводили поезд, показались десятка полтора немецких бомбардировщиков, и началась бомбежка какого-то военного объекта недалеко от вокзала. Видимо, там были боеприпасы – раздался взрыв страшной силы, в здании вокзала вылетели все стекла, даже с застекленной крыши, где стекло толще пальца.

Когда изыскатели пошли на стоянки машин, чтобы возвращаться в Бендеры, город предстал в растерзанном виде, словно война шла несколько месяцев: тротуары завалены битым стеклом, откуда-то проявился мусор, какие-то обломки, рваные газеты: от взрыва стекла вылетели во всем городе. Несколько дней партия находилась в Бендерах, ждали распоряжения, что делать в дальнейшем. Получив распоряжение свернуть работы и выезжать в Москву, партия погрузилась с беженцами на платформу-рудовоз с металлическими высокими бортами.

Железные дороги подвергались усиленной бомбардировке, поэтому весь июль поезд с беженцами, где находились изыскатели, колесил по Украине и югу России. Прошел слух, что эвакуированных должны доставить в Сталинград, – такой удачи Коробков не ожидал, это значит, что его без пересадок привезут домой. Да и других устраивало, потому что в Сталинграде филиал «Нижеволгопроекта», там связь с Москвой. К концу июля громадный состав с эвакуированными из Молдавии медленно втягивался на станцию Сталинград 1-й.

Коробков был удивлен, узнав, что ему до сих пор не было повестки из военкомата. Дней десять Даниил жил дома, на работе хотя и зачислили на прежнюю должность, но работы никакой не требовали, да по существу работы прекратились, все сидели, как говорят, на чемоданах: кто ждал вызова в военкомат, кто готовился к отъезду в Москву.

За все это время Коробков получил единственное задание по работе: отрекогносцировать участок в районе села Средняя Ахтуба. Даниил выехал на речном трамвайчике в Среднюю Ахтубу. В Ахтубе, как только сошел с трамвайчика, Коробков достал из сумки карту, сориентировался и пошел по берегу Ахтубы. Пройдя берегом метров пятьсот, остановился, развернул карту и опять стал сличать с местностью и тут только увидел, что за ним идут трое мужчин. Подошедшие поздоровались и спросили, кто он и что тут делает. Даниил объяснил, что он – топограф «Нижеволгопроекта» и по заданию ведет рекогносцировку местности. Только Даниил хотел продолжить работу, как один из мужчин преградил путь, а второй сказал:

– Какие сейчас проекты? Пошли в сельсовет, все расскажете!

Когда подходили к сельсовету, встречные оглядывались, из группы стоявших неподалеку от сельсовета послышалось: «Ого, кого-то поймали, пойдем посмотрим!» В сельсовете Даниил заметил, что председатель с любопытством рассматривает его. Подавая документы, сказал:

– Вы, наверно, помните, несколько месяцев назад я оставлял вам геодезические знаки на хранение.

Председатель молча прочитал документы, встал, отыскал в шкафу нужную папку, нашел копию акта о сдаче знаков. Пододвинув листок бумаги, попросил расписаться, сличил подпись с подписью в акте и, возвращая документы, спокойно произнес:

– Извините, время сейчас такое.

Коробков возвратился в Сталинград, а 8 августа 1941 года его вызвали в военкомат.

335-я стрелковая дивизия

В военкомате творилось столпотворение вавилонское. Народу было полно во дворе и в помещении. Коробков протиснулся к окошку и сдал свои документы.

– Ждите во дворе. Вызовут, – сказала женщина, принимая документы. Ждать пришлось довольно долго. Из помещения выходили офицеры со списками, выкрикивали фамилии, вызванных строили и уводили. Появился молодой лейтенант с артиллерийскими эмблемами на петлицах, опрятно одет в новенькое обмундирование. Лицо лейтенанта совсем детское, пухлые губы с пушком вместо усов, и разговаривал, капризно-обидчивым тоном, вроде ему только что отказались купить мороженое. Это и был лейтенант Желнин, командир топозвода, впоследствии непосредственный начальник Ко-

робкова. Желнин вызвал около сотни человек и повел их к рабочему поезду для следования в Бекетовку. Несколько человек, в том числе и Коробков, попросились переночевать дома с условием, что они завтра приедут с утренним поездом.

– Хорошо, – согласился Желнин. – Тем более что в Бекетовке и ночевать-то еще негде. Оставайтесь, а завтра явитесь к 10.00, там около вокзала есть кинотеатр, называется «Энергетик» или что-то вроде этого. В этом кинотеатре мы будем жить. Только вы меня не подводите!

Штабная батарея 898-го артиллерийского полка расположилась в верхнем фойе, на втором этаже кинотеатра. Люди были распределены по взводам в зависимости от специальности. Коробкова назначили помкомандира топовзвода, командиром взвода – лейтенанта Желнина. Первые два дня батарея была занята работой по устройству помещения: копали щели, строили нары, пирамиды для оружия, полки для противогозов и котелков. Потом начались напряженные занятия. Желнин был доволен подобранным составом: помкомвзвода – топограф, во взводе были два преподавателя с высшим образованием, два сельских учителя, остальные из колхозников.

Как-то в разговоре Желнин рассказал о своем увлечении топографией: ему очень хотелось бы научиться вести съемку. После войны он обязательно станет топографом, в училище они проходили, но этого для гражданских работ недо-

статочно, если бы теперь достать где-нибудь мензулу, кипрегель и рейки, они могли бы поупражняться в съемке. Коробков предложил Желнину поехать с ним в «Нижеволгопроект» (где Коробков работал), – он уверен, что там они достанут нужный инструмент.

Наутро Коробков и Желнин запаслись бумажкой за подписью начальника штаба полка и, взяв с собой еще солдата, выехали в «Нижеволгопроект». Появление в «Нижеволгопроекте» Коробкова в новом военном обмундировании со знаками различия и эмблемами вызвало оживление среди сотрудников. Начальник экспедиции без всякого возражения подписал распоряжение на выдачу полного мензурного комплекта. Инженер-гидромелиоратор Малютин сильно интересовался работой топовзвода, он со дня на день ожидал повестку из военкомата, и хотел бы попасть во взвод к Желнину. Желнин посоветовал не дожидаться повестки, а идти в военкомат добровольцем, с тем чтобы направили в 898-й полк. Малютин так и поступил. В военное время такие дела вершатся быстро, и через несколько дней Малютин был во взводе Желнина.

Получили коней. Взвод Желнина получил четыре строевых и одну обозную по кличке Лахвай – запрягать в двуколку. Коробков получил карюю лошадку по кличке Норма. На занятия стали выезжать с двуколкой, нагруженной геодезическим инструментом.

У Желнина, видимо, был как раз такой возраст, когда па-

рень собирает всякие железки, винты, гайки, он где-то «на-
доставал» кипрегелей, теодолитов, большей частью негод-
ных, со штативами и без штативов, даже притащил ста-
рый-престарый нивелир с переключивающейся трубой без
штатива. Двухолка отказывалась вместить все барахло, но
Желнин все «доставал» какие-то ящики с деталями, запас-
ные трубы к теодолитам и нивелиру, приносил и, передавая
ездовому Лагутину, говорил:

– Лагутин, сунь там где-нибудь в уголок двухолки.

Топовзвод состоял из двух отделений: первое называлось
графическое, второе – аналитическое. На вооружении пер-
вого отделения находились огневые планшеты, мензула, у
второго – теодолит, лента, арифмометр, таблицы. Всем за-
паслись из того же «Нижеволгопроекта», куда Желнин ез-
дил с Малютиным не раз. На гражданской работе все бы-
ли настроены на принцип «все для армии», поэтому что бы
военные ни попросили, им отпускали немедленно. Взвод на
занятиях прокладывал теодолитные ходы или делал привяз-
ку боевых порядков другими способами. Однако в боевой
обстановке топовзводу дивизионной артиллерии не нашли
должного применения и использовали как разведчиков на
наблюдательных пунктах или для несения караульной служ-
бы.

Прошло несколько месяцев напряженной учебы с ночны-
ми тревогами и маршами. Материальная часть поступала
медленно. Коней хотя и получили, но они были мелкорос-

лые, колхозные или даже табунные, не обученные, с диким норовом: они не терпели около себя соседей, дрались и калечили друг друга. Однако постепенно все входило со временем в нормальное русло.

В октябре вдруг объявили воздушную тревогу. Все устремились в щели. Через несколько минут появились два вражеских самолета-разведчика. Они шли с юга на север на большой высоте, по пути сбросили две легкие бомбы. Неизвестно, какую цель выбирали они – вокзал или воинскую часть, но бомбы упали на пустыре, не причинив ни малейшего вреда. Теперь солдаты вправе были считать себя обстрелянными.

Вот уж наступили морозы, пошли метели, полк укомплектован. Чувствовался недалекий конец мирной жизни. В завершение учебы полк совершил пробный марш Бекетовка – Варваровка – Бекетовка. Снега к этому времени насыпало достаточно, кони вязли в сугробах, выбиваясь из сил. Зато выявились все слабости, кое-кто из особо хитрых казаков ухитрился обморозить себе ноги. В штабной батарее был некий Мельников. Когда врачи осмотрели его ноги и направили в госпиталь, у Мельникова было такое счастливое лицо, будто он не обморозился, а получил высшую награду. Коробков подошел к стоявшему рядом Желнину и командиру отделения Пригарину.

– Вы только посмотрите на морду Мельникова: весь сияет от счастья, что войну начинает с госпиталя!..

А Пригарин добавил:

– Так всю войну и будет кантоваться из одного госпиталя в другой.

– Да, действительно, рожа у него дармоеда, – подтвердил Желнин.

Коробков продолжал:

– Пожалуй, лучше пусть всякие спекулянты сразу отсеются, чтобы во время боевых операций не путались под ногами.

Опасения Коробкова не были беспочвенными. Люди, подобные Мельникову, все не отсеялись, и в боевой обстановке они создавали внутри подразделения напряженную, перевозную обстановку. В штабной батарее были два таких «сачка», из которых один – Долгополов – в топовзводе. Коробкову часто приходилось руководить ночными работами по устройству КП или НП, когда солдаты, валясь с ног от усталости, всю ночь долбили мерзлую землю. Долгополов же прикидывался больным. Он часто заводил скандалы со своими товарищами. К счастью, вскоре от топовзвода потребовали одного солдата в аэродромную службу, и Коробков назначил Долгополова. Новые обязанности были несложными: Долгополову приходилось стелить сигнал – место посадки, когда ждали самолет-кукурузник.

Произведены были некоторые перемещения командного состава: Желнина перевели в штаб на должность помощника начальника штаба – ПНШ-2. С самого начала формирования полка его все чаще загружали работой в штабе, а взводом по

существом командовал Коробков.

Помкомвзвода Коробкова назначили командиром взвода, а командир второго отделения Пригарин стал замполитом.

Вскоре приказали приготовиться к погрузке в вагоны. Весь кинотеатр пришел в движение: сдавались постели и все ненужное в походе. Старшина Гарбузюк объявил:

– Кто хочет взять с собой одеяло, берите, только имейте в виду: все придется нести на своих плечах.

Коробков взял себе хорошее мохнатое одеяло, скатал его и затянул тренчиками во выюк, к седлу же был приторочен котелок, в сумы уложил белье, полотенца и всякую мелочь. Старшина всем выдал по пластмассовому медальону, объяснив, что каждый на бумажке должен написать имя, отчество и фамилию, домашний адрес и вложить в медальон и хранить обязательно в брючном карманчике для часов.

– Ого, это уже кое-что значит!

– Предвидятся затерявшиеся покойнички, – грустно шутили солдаты.

Ночью полк погрузили в вагоны и отправили в Донбасс. Через несколько дней ночными маршами полк приблизился к линии фронта где-то в районе Лисичанска. Первый бой приняли при форсировании Донца у Святогорского монастыря. Стрелковые полки шли без маскировочных халатов ночью по льду на укрепленный правый берег Донца, неся большие потери. Атака возобновлялась несколько раз, все же немцы были сбиты с их позиций. Ночью Коробков с солда-

тами пришел на НП полка сменить группу командира взвода разведки лейтенанта Максимова. Ночь была морозная, ветреная. Хотя наблюдательный пункт имел перекрытие, но в землянке было холодно, через амбразуру врывался морозный сквозной ветер со снегом. Из штаба, видимо ПНШ, запросил обстановку. Максимов взял трубку и бойко сообщил:

– Вообще спокойно, за исключением того, что противник ведет редкий, беспокойный огонь по нашим боевым порядкам, не принося никакого вреда:

делает недолеты.

Этот разговор услышал командир полка полковник Сивак.

– Лейтенант Максимов! – послышался его голос в трубке. – Вы что же, корректируете огонь на себя? Ведь противник ухитряется подслушивать наши телефонные разговоры.

– Виноват, товарищ полковник, упустил из виду.

Долгое время не могли привыкнуть к необходимости иносказаний в своей речи при телефонных разговорах. Неумелая маскировка иногда приводила к анекдотическим историям. Например, один спрашивает:

– Огурцы есть еще?

– Вообще огурцов достаточно, подбросить бы немного бронебойных.

Другой вовсе не понимал такого языка и наивно допытывался:

– Какие огурцы? О каких огурцах речь?

В морозную ночь, при температуре минус 30°, дивизия занимала оборону в голой заснеженной степи перед Славянском и Краматорском, занятыми врагом. Когда приказали занимать боевые порядки, рыть землянки, обустроиваться «как дома», Коробков подумал, что это какое-то недоразумение: в такой адский мороз оставаться в степи после марша – верное самоубийство, неминуемо будут замерзшие. Конечно, работая, человек не замерзнет, но в то, что будут вырыты землянки, Коробков не верил. Мерзлая земля – все равно что гранит, а инструмент – лишь лом, кирка, лопата. На землянки нужен лес, а где в степи его найдешь? Во всяком случае, землянка не будет построена ни сегодня, ни завтра, но на это время надо где-то укрыться от мороза, иначе обязательно будут обмороженные, обувь у всех кожаная.

Раздумывая так, Коробков приказал расчищать от снега площадку под землянку (чтобы не стояли на месте), а сам пошел осмотреть видневшийся неподалеку овраг. Овраг с наветренной стороны был занесен снегом на уровне бровки почти до половины, образуя отвесную стенку. Коробков убедился, что снег достаточно уплотнен, не проваливается. Вернулся, забрал людей и повел к оврагу.

– Вот здесь будем копать себе жильё.

Солдаты поняли его с полуслова, и с удвоенной энергией начали копать себе жильё. Выкопав горизонтальную нору, начинали углублять и расширять жильё, хотя бы для четырех человек. Часа через два в снегу были выкопаны несколь-

ко таких жилищ, в которых разместился весь взвод по два-четыре человека. Остальные взводы, кто трезво оценил жилища топовзвода, последовали их примеру и стали соседями по оврагу. Более консервативно настроенные упорно продолжали всю ночь долбить мерзлую землю и строить землянки. Отдохнув в своем «чуме» часа два, Коробков получил приказание выдвинуться вперед, выбрать место и устроить наблюдательный пункт, а днем вести наблюдение. Коробков взял с собой двух разведчиков и двух телефонистов с катушками. Причем предупредил солдат, что они будут лишены возможности погреться, весь день придется сидеть на снегу, поэтому надо, чтобы взяли, у кого есть, одеяло или лишние фуфайки.

Выбрав место удачное, насколько позволяла ночная видимость, приступили к постройке снежной стенки. Снежная стенка, сливаясь с общим белым фоном, укрывала от глаз противника. Но сидеть за снежной стенкой без движения оказалось почти невозможно. На плечах одеяла, однако ноги в сапогах онемели, пальцы ног и рук отказывались повиноваться. Пришлось опять изобретать: одеяла резали вдоль на две части, получались две громадные портянки. Этими портянками обматывали ноги поверх сапог, закрепляя портянки телефонным проводом, и ноги согревались. С наступлением темноты сменились, сняли свои портянки и побежали отдыхать.

В снежном городке бойцы устроились с комфортом, даже

подогрели сменившимся суп на спиртовой горелке. Коробков выпил свои пятьдесят граммов спирта, поел супа, завернул ноги все в те же портянки из одеял и даже поспал. А вот те, кто пренебрег «волчьими норами», продолжали копать землянки, изнуряя себя и подчиненных. Свое строительство им так и не удалось довести до конца: через три дня произошла смена боевых порядков. Эти смены выматывали силы: всю зиму полк менял боевые порядки. Только к весне оборона стабилизировалась. Штаб полка располагался в селе, штабная батарея – в двух километрах от села, в балке. Жили в хорошо оборудованных землянках, а оборудованный НП полка находился в трех километрах от штабной батареи, на кургане. Там теперь бессменно находился командир топовзвода Коробков.

14 февраля 1942 года произошли первые фронтовые присвоения званий: Коробкову присвоено звание младшего лейтенанта, Пригарину – младшего политрука. ПНШ-2 Желнин стал старшим лейтенантом. Малютина и Попова направили на курсы младших лейтенантов.

Вскоре была намечена какая-то операция – то ли удар по противнику, то ли крупная разведка боем. Командир полка вызвал младшего лейтенанта Коробкова к себе на квартиру. Коробков верхом на коне отправился в село. В квартире у полковника был также командир дивизии. Начал разговор командир полка:

– К шести ноль-ноль завтра на хорошо известной вам вы-

соте плюс два должен быть выстроено НП для командира дивизии и для меня. Все работы будут выполнены дивизионными саперами, вам же приказываю доставить туда к полуночи нужное количество леса.

– Откуда доставить?

– А это уж ваше дело: откуда хотите!

Коробков опешил: село степное, в окрестностях нет ни единого деревца, а тут надо добыть за несколько часов не одну подводку леса...

– Езжайте в батарею, засветло приготовьте подводки, а с наступлением темноты повезете.

Полковник сказал «повезете» так, будто лес надо только погрузить.

– Я приказал командиру батареи выделить в ваше распоряжение сколько потребуется красноармейцев.

– Только, младший лейтенант, имейте в виду: за доставку леса вы отвечаете головой, – заговорил доселе молчавший командир дивизии.

– Да нет, до этого не дойдет: он лес привезет, в этом сомнения нет. Идите! – завершил напутствие полковник Сивак.

«Где же добывать этот лес? – думал Коробков, садясь в седло. – Надо проехать по селу, не лежит ли где готовый лес».

Село было с единственной улицей, всего дворов 15- 20. Коробков проехал туда и обратно, заглядывая в каждый

двор. Готового леса нигде не было, но внимание его привлекла строящаяся в одном дворе конюшня или коровник. У коровника возведены были стропила, и в таком состоянии его, видимо, и застала война. «Накатник подходящий», – подумал Коробков и крупной рысью пустил лошадь, направляясь в батарею.

Поздно ночью ко двору подъехали три подводы и подошло более взвода красноармейцев. Коробков приказал им:

– Шесть человек наверх, разбирайте стропила, снимайте перекрытия, разбирайте стены! Остальным принимать лес, грузить на подводу. Работайте молча, без лишнего стука. Приступайте!

В самый разгар работы из хаты вышел хозяин. Он первое время стоял, очевидно не понимая, в чем дело, потом подошел к стоявшему среди двора Коробкову, остановился рядом. Коробков отдавал распоряжения, не обращая внимания на хозяина, а сам думал, почему тот молчит, не протестует и ни о чем не спрашивает. Посмотрел на хозяина – нет, он не боялся раскрыть рот, его молчание лишь говорило: «Значит, так надо, ну что же, лишь бы пошло на пользу». На пользу лес не пошел. Коробков отвез саперам лес и возвратился в батарею, взял телефонную трубку и спросил дежурившего сержанта о командире полка:

– Цикин, это я, Коробков. Второй отдыхает?

– Нет, работает. Передаю трубку.

– Товарищ второй, докладывает Коробков: все сделано,

доставил по назначению.

– Сколько?

– Три пароконные подводы.

– Мальчики потеют?

– Еще как, я подоспел как раз вовремя.

– Спасибо. Я знал, что вы все сделаете, и не ошибся. Отдыхайте.

Но утром, часов в пять, когда наблюдательный пункт был почти готов, саперы получили распоряжение прекратить работу.

9 мая, как всегда, Коробков находился на НП полка. Рано утром противник начал артиллерийскую подготовку по селу, где располагались основные силы дивизии. И сейчас же командир полка запросил обстановку.

– Противник повел сильный артиллерийский огонь по селу. Кроме того, со стороны противника слышны странные звуки, похожие на звуки стартера, как будто заводят автомашины, только звуки более мощные!

Немцы вели огонь из реактивных минометов, выстрелы которых Коробков слышал впервые.

– А перед вами?

– Перед нами спокойно.

– Там, впереди, видать, есть ползунки?

– Нет, впереди нет признаков чьего-либо присутствия, за исключением нескольких человек, которые прошли мимо нас с переднего края.

Полковник приказал вести самое внимательное наблюдение.

– Товарищ младший лейтенант, наша пехота отходит! – доложил разведчик, дежуривший у стереотрубы.

Коробков вышел из землянки, где только что закончил разговор с полковником, посмотрел в трубу, – он ясно различил в утреннем рассвете метрах в трехстах немецких солдат численностью до полуроты. Они шли цепочкой, спокойно, как на охоте, выискивая куропаток. Коробков вернулся в землянку, схватил винтовку.

– Хлопцы, в ружье!

Прилаживая винтовку в углубление на бруствере, крикнул телефонисту:

– Доложи: немцы в двухстах пятидесяти метрах от НП!

Когда серо-зеленая фигурка оказалась на вершине мушки, нажал на крючок. Пуля, не долетев, подняла пыль перед немцем. «Прицел четыре», – вспомнил Коробков и передвинул колодочку на 4. Второй выстрел был точнее, фашист согнулся и медленно сел. От третьего выстрела еще один солдат упал прямо на спину и остался лежать без движения.

«Надо найти офицера», – пробегая взглядом цепочку, подумал Коробков. Он не заметил, как немец залег с пулеметом и обрушил мелкую очередь по брустверу НП. Пули взвыли, ударяясь о землю перед самым носом, засыпая глаза. Разведчики тоже вели огонь небезуспешно: все люди служилые, не первый раз держали в руках оружие. Недаром в мирное вре-

мя так много уделялось внимания стрельбе: от стрельбищ, бывало, никто не освобождался... Из землянки вышел телефонист с аппаратом в руках и на ходу отрывая провода, сказал:

– Полковник приказал уходить.

От НП был прорыт ход сообщения до ближайшей балки. Когда группа покинула НП и устремилась по ходу сообщения, Коробков оглянулся: три немецких автоматчика уже стояли на бруствере НП и заглядывали в землянку.

Впереди Коробкова «гусиным шагом» шел Акользин. Глядя ему в спину, Коробков вспомнил разговор, состоявшийся неделю назад, еще до дежурства на НП.

Землянка взвода топографической разведки. Солдаты сидели в разнообразных позах и жадно поглощали горячую кашу из «полтавки». Коробков, как командир взвода, устроился более удобно, на теодолитном ящике, и тоже занимался кашей. Который раз Коробков оглядывает своих подчиненных. Все они были из Сталинградской области, влились в штабную батарею артполка при формировании дивизии в Сталинграде. Некоторое время люди держались обособленно, были раздражены войной и тем, что их, в большинстве пожилых людей, оторвали от занятий, от семьи. Теперь все позади, взвод хоть и был разнообразен по возрастным признакам, но спайка, товарищество были налицо. Коробков стал наблюдать за Акользиным, который устроился со своим котелком в углу землянки и медленно пережевывал ка-

шу с какими-то дополнительными продуктами, извлекаемыми из вещевого мешка. «Загадочный человек», – думал Коробков. Акользин никогда не бывал весел, почти все время молчал. Заметно было, что военная служба ему противна, и он не скрывал этого. Все его движения и действия говорили: «Я не солдат и быть им не желаю, а выполняю приказания только потому, что другого выхода не вижу...» Он даже в строю все команды исполнял по-своему, по-крестьянски. Например, чтобы взять винтовку «на ремень», он долго вешал ее на плечо, подпрыгивая, встряхивая и наклоняясь влево, чтобы винтовка плотнее повисла рядом с не в меру раздутым вещевым мешком. Акользин был одиноличник, и здесь, в армии, он оставался одиноличником: близких товарищей не имел, ко всем относился одинаково с прохладцей. Командира взвода называл не по званию, а как называли в революционные годы – «взводный». В свободное от службы время он развязывал вещевой мешок и начинал закусывать всегда хранившимися там продуктами. Ел медленно, шумно, тяжело дыша и чавкая щербатым ртом. От нарядов он не отлынивал, а получив назначение, закруглял закусывание, не спеша поднимался, брал винтовку и шел выполнять приказ, раскачиваясь с ноги на ногу, как обычно ходят люди с большими ногами.

До войны Коробкову по своей работе часто приходилось бывать в селах, он знал, как одиноличники были недовольны сельсоветами, колхозами, всегда жаловались, что их притес-

няют, не дают жить, обижают. И сейчас, глядя на Акользина, он думал: «Наверно, Акользин недоволен советскими порядками и ждет лишь случая, чтобы перейти к противнику».

Но тут же Коробков отогнал от себя эту мысль: «Какое я имею право подозревать русского человека, крестьянина, в таком позорном намерении и заранее обрекать его на измену? Мне-то доверяют? С чего же исконно русскому бежать к немцам?» Чтобы отвлечь себя от мрачных мыслей, он громко заговорил:

– Послушай, Акользин, мы ведь с тобой одногодки, как же ты ухитрился в таком возрасте растерять зубы?

Акользин проглотил нежеванное, помолчал и голосом человека, страдающего одышкой, со свистом заговорил:

– Любой растеряет, ежели ему по зубам съездить кирпичом.

Солдаты весело настроились выслушать что-то забавное. А Коробков продолжал:

– Кто же тебе съездил и за что?

– Это сосед застал его у своей жены, – пошутил Лагутин.

– Да нет, собственная жена.

– Дрались, что ли?

– Нет, мы с ней никогда не дрались, все произошло на трудовом, так сказать, поприще.

– А именно?

Акользин с явной неохотой рассказал:

– За год до начала войны мы с женой заканчивали по-

стройку нового дома. Все было готово. Большие застекленные окна радовали глаз, в доме стоял запах свежих сосновых досок и глины. Была осень, и мы теперь в теплом помещении соорудили печь, осталось вывести трубу на чердак, куда в потолке прорезано четырехугольное отверстие. Я забрался на чердак и, выглянув в отверстие распорядился: «Подай мне кирпич, я буду складывать здесь для боровка, а потом уж будем заделывать отверстие». Жена наложила штабелем кирпич на табуретку, сама стала на другую табуретку и начала подавать мне кирпич. Поработали мы довольно долго, жена, видимо, устала и каждый кирпич подавала рывком, подбрасывая его к отверстию. А я подхватывал у нее из рук и укладывал вокруг себя. Потом подача кирпича прекратилась. Накладывает, думаю, на табуретку, а сам стал закуривать. Но вот уже и покурил, а она все не подает. Я стал злиться. «Ну и медлительная, терпения никакого нет, надо шугануть!» Выглянул из отверстия, только хотел крикнуть: «Что ты двигаешься, как черепаха? Давай поживей!» – как вдруг голова моя как будто треснула, в глазах пошли зеленые круги. Я потерял сознание. Оказывается, жена подбросила очередной кирпич и угодила острой гранью мне в подбородок: кирпич пробил насквозь нижнюю губу и вышиб сразу четыре зуба. Увидев мою окровавленную башку, жена свалилась с табуретки. Не знаю, через какое время я очнулся и увидел, что она, оттопырив свой зад, ползает по полу, пытаюсь подняться, но не может. А мне показалось, что она хохочет и не

может отдышаться. Собрав силы, я прошамкал:

– Смешно? Чуть не укокошила мужа – и смешно.

Жена с большим трудом села на полу и уставилась на меня, не понимая, о чем я говорю. А потом сама заговорила:

– За каким чертом ты высовывал свою морду в дыру? И всегда вот так, суешься везде, куда не надо.

Отлежались мы и только через неделю начали выводить боровок.

Вот этот-то случай и вспомнил Коробков 9 мая 1942 года, когда, покинув НП, отходили к расположению своей батареи, отступая от немцев. Они шли уже по ходу сообщения, который вывел разведчиков в балку с оврагом на дне. Четыре или пять фашистов преследовали их, однако догонять не спешили.

Группа Коробкова шла по самому дну оврага и при появлении немцев на бровке отстреливалась. Акользин прыгать в овраг не стал и шел по бровке оврага, отстав от группы метров на сто, как все, держа винтовку в руке. Коробков оглянулся и, заметив, что Акользин все больше отстает, махнул рукой: «Поспешай!» Акользин едва заметно отмахнулся: идите, мол, я догоню!..

«А ведь он так может погибнуть», – подумал Коробков и остановился, чтобы подождать Акользина.

На бровке неподалеку внезапно появился немец, он подходил к Акользину, крича:

– Ивэн, сдавайс! Ивэн, сдавайс.

«Ивэн» остановился, и Коробкову показалось, что Акользин решил сдаться.

«Надо этому помешать», – думал Коробков, укладывая винтовку на бровку промоины. – Только бы не промахнуться, только бы не промахнуться. Вот грудь немца на мушке. Так, надо взять упреждение...»

Акользин стоял, поджидая немца, и вдруг быстро вскинул винтовку и, не целясь, выстрелил, опередив Коробкова. Немец постоял, как бы определяя, куда ему удобней упасть, и упал вперед головою под откос. На бровке появился второй фашист, он бежал к Акользину и что-то кричал. Коробков выстрелил, пуля Коробкова или задела немца, или испугала своей близостью, а, может, он был потрясен зрелищем убитого. Фашист застопорил движение, как перед неожиданно появившейся пропастью, и мгновенно исчез за бугорком. Однако он успел с ходу дать по Акользину короткую очередь из автомата.

Акользин упал в овраг и покатился под откос на самое дно.

«Убили», – решил Коробков. Но нет, Акользин поднялся и тяжелой рысцей бежал к Коробкову. Щербатый рот перекошен, лицо бледное, он тяжело, с хрипом и свистом дышал и никак не мог отдышаться. Подбежав к Коробкову, оскалил остатки зубов подобием улыбки и, задыхаясь, промолвил:

– Один фриц поймал Ивэна в плен, слышь, взводный? Один, говорю, фриц поймал пленного!

– Я видал, – без удивления сказал Коробков и быстрым шагом стал догонять группу.

Акользин шел позади взводного и ворчал:

– Ишь, сволочь, чего захотел: «...сдавайс»! Нет, брат фриц, пока воздержимся!

Позже Акользин вместе со взводом благополучно форсировал Донец и в Новом Айдаре, находясь на посту по охране повозок, был ранен в плечо из пулемета с пролетавшего «мессершмита» и отправлен в госпиталь.

Коробков со своей группой пришли на место, где стояла штабная батарея, но там уже никого не было. Лишь видно было, как части, преследуемые самолетами, уходили по дороге и бездорожью в направлении на Изюм. Разведчикам ничего не оставалось, как догонять батарею.

– Давайте, ребята, поспешать! Догоним – там старшина даст нам чего-нибудь поесть, – подбадривал Коробков разведчиков.

Догонять пришлось весь день и всю следующую ночь. Только утром следующего дня показалась уже хорошо знакомая двуколка топовзвода, запряженная Лахваем. Едва передвигая ноги от усталости и голода, догнавшие бойцы не могли найти, где бы можно было чем-нибудь перекусить. Только у запасливого Лагутина в двуколке кое-что нашлось.

Всю дорогу до Донца немцы висели на флангах, сдерживаемые цепочкой стрелков. А пикирующие бомбардировщики непрерывно бомбили отходящие по дороге части. При раз-

рывах кони шарахались, ломая повозки, только Лахвай, запряженный в двуколку, никак не реагировал на бомбежку. Старая армейская лошадь, Лахвай был строевым конем, а теперь, по старости, возил двуколку. При появлении самолетов все разбегались и падали на землю, оставляя двуколку на дороге, Лахвай спокойно стоял, помахивал головой, отгоняя мух, и как бы говорил: «От своего, брат, осколка не убежишь, да и двуколка с геодезическим инструментом, – это понимать надо». Лишь когда бомбежка прекращалась и люди начинали подниматься с земли, Лахвай беспокойно оглядывался, топтался на месте. Беспокойство его вызывалось отсутствием Лагутина: встал он или продолжает лежать? Успокаивался он, только когда Лагутин брался за вожжи и говорил:

– Ну, трогай, поехали!

Топовзвод обгоняла пароконная подвода, нагруженная ящиками с водкой, и топографы стали просить:

– Слушай, друг, дай нам литра два, куда ты ее везешь?

– Что вы, разве можно? А что я скажу начальству?

– Так ведь разбомбят все равно.

– Нет, не могу, нельзя.

Вскоре эту повозку увидели перевернутой, а коней убитыми. Несколько бутылок Лагутин нашел целыми и положил в двуколку.

Но вот и Донец, Изюмская излучина! К этому времени вся штабная батарея рассеялась – половина батареи шла где-то впереди, часть растерялась, топографический взвод шел

в своем составе обособленно.

Взвод спустился с высокого, залесенного берега к Донцу.

Здесь было большое скопление брошенного имущества: лошадей, повозок с обмундированием, оружием и другим ценным имуществом. В самой гуще повозок какой-то ненормальный поджег рацию, а коней не выпряг. Топографы бросились к беснующимся коням, перерезали упряжь и освободили коней от угрожавшего им огня. Коробков спросил у Лагутина:

– Как думаешь, вплавь можно переправлять коней?

– Конечно можно.

– Хорошо бы переправить каждому по одной, тогда нам не надо будет тащиться пешими.

– Мы так и сделаем. Сейчас закусим и приступим к работе.

Таких казаков, которые с уверенностью брались за переправу, было четверо. Сели закусывать. Здесь было спокойно под крутой залесенной горой: танки идти сюда не могут, местность не простреливается. Только самолеты могут бомбить, но зачем им надо бомбить имущество, когда оно и без того брошено. Лагутин достал из двуколки водку. Выпили по полстакана, закусили консервами, а от второго полстакана Коробков отказался. Он стал поторапливать бойцов, опасаясь, как бы они не напились и не сорвали переправу. Коробков ходил, нервничая, не зная, как поступить. На строгое приказание надежды особой не было, потому что пере-

правляться умели только эти четыре человека, а они могут заупрямиться и совсем отказаться: дело все же рискованное. Сам же Коробков в этом деле не имел ни малейшего опыта. Когда он напоминал, что пора браться за работу, казаки спокойно говорили:

– Ну что вы, ей-богу, товарищ младший лейтенант, такой беспокойный! Мы сказали сделаем, значит, сделаем. Вот еще по одной выпьем и начнем.

Первым Лагутин переправил Лахвая. Он привязал на спину коню свою одежду, повел его в воду. Когда Лахвай оторвался от земли и поплыл, Лагутин схватил его за хвост и одной рукой стал грести, помогая Лахваю, а другой, как рулем, управлял Лахваем. Лахвай, пыхтя и фыркая, поплыл легко, его спина почти не заливалась водой, он, как буксир, поволок Лагутина на ту сторону. Коробков тотчас же организовал охрану переправленных коней и одежды: на той стороне было много охотников на уцелевшее имущество.

Красноармейцы брали самых лучших коней и по способу Лагутина переправлялись на другой берег. Коробков поймал себе сытую, на вид хорошую лошадь, также привязал ей на спину одежду и повел в воду. Лошадь боялась воды, она долго не хотела заходить в реку, и тем более плыть. Общими усилиями все же заставили ее плыть, но плыла она так тяжело, что из воды у нее, как у крокодила, торчали одни вытаращенные глаза. А когда почувствовала на своем хвосте тяжесть, то начала тонуть, выпрыгивая и ныряя. Коробкову

пришлось выпустить из рук хвост, а глупая лошадь проплыла до половины пути, а затем повернула обратно, потеряв при этом в воде сапоги Коробкова. Сапоги – небольшая беда, на брошенных подводах было полно всякого обмундирования. Но второй попытки переправиться с лошадью Коробков не делал. Он пошел к единственному колхозному парому. В невероятной давке ему удалось проскользнуть на паром и переехать на ту сторону.

С переправленными конями бойцы продвинулись вглубь леса и натолкнулись на брошенную повозку, здесь же лежали убитые лошади с упряжью. Операция заняла двадцать-тридцать минут: упряжь освободили, в повозку запрягли своих коней, вокруг повозки привязали заводных лошадей. Половина взвода ехала на конях без седел, остальные разместились на повозке, и вся эта кавалькада выехала на дорогу. Коробков не знал, где искать хоть какие-нибудь остатки полка. Ехали, куда ехали и шли другие. На окраине ближайшего села стояла большая группа офицеров. Коробкову показалось что-то знакомое в этой группе, он стал всматриваться. Да ведь это командный состав нашего полка, вон и полковник Сивак проводит разбор «погрома»!..

Коробков остановил взвод и подбежал с рапортом.

– Товарищ Коробков, откуда у вас столько коней?

– С переправы, товарищ полковник.

– Так это, знаете, какая ценность в нашем положении?

И повернувшись ко всей группе, сказал:

– Вот это молодцы! Я младшего лейтенанта и его молодых обязательно представлю к награде.

Здесь же был и командир штабной батареи лейтенант Максимов, он указал Коробкову, где расположилась его батарея.

Награду «молодцы» так и не получили. От писарей Коробков узнал, что вышестоящие штабы ответили: «Потерпевших поражение не награждают». Только Коробкова повысили в должности, он стал заместителем командира штабной батареи.

Временно Коробкова назначили офицером связи в штаб дивизии. Он оседлал белую лошадь (его лошадь Норма была украдена кубанскими конниками, да так мастерски, прямо из-под носа дневального, охранявшего коней, что Коробков был даже не в обиде на кубанцев за их мастерство) и выехал в соседнее село. Но выполнять долго миссию офицера связи Коробкову не пришлось: вскоре получили сообщение, что немецкие танки на подходе. Штаб дивизии спешно погрузился в машины и выехал. Офицеры связи на лошадях последовали в том же направлении. Потом группа офицеров связи решила искать свои части, так как бессмысленно было гнаться за машинами. Коробков в Новый Айдар не поехал, потому что ясно было: безоружные остатки полка не будут дожидаться в Новом Айдаре вражеских танков. Надо было искать их здесь, в этом потоке отступающих.

При въезде в одно село Коробков увидел стоявших коман-

дира полка и его адъютанта. Доложив Сиваку о своем положении, Коробков спросил, куда ему следовать.

– Следовать надо в направлении станицы Константиновской, там же надо искать и штаб дивизии. А мы поджидаем третий дивизион, он должен проходить здесь. С дивизионом мы будем следовать туда же.

Коробков направился по указанному маршруту.

В поведении Сивака Коробков заметил некоторую растерянность. Старик бодрился, но волнение ему скрыть не удалось. Он заметно осунулся, черные усы, всегда закрученные, теперь обвисли, на лице появилась бледность.

Всю первую половину дня Коробков ехал в общем потоке. Примерно в обед среди отступающих поднялась сумятица, крики: «Танки! Танки!» Коробков всмотрелся: впереди на дороге появилась колонна немецких танков. Они остановились, даже не приняв боевой порядок. Из открытых люков танкисты рассматривали смешавшуюся безоружную людскую массу, которая не могла оказать никакого сопротивления. Головной танк выпустил несколько снарядов в самую гущу, видимо, для большего смятения. Люди и повозки метались: кто повернул лошадей назад, кто пытался податься в сторону, чтобы выйти из-под огня. Коробкову показалось, что слева ничто не угрожает, и если ехать влево, так отрожками, скрытно можно выйти из-под наблюдения танков. Коробков повернул влево и рысью направился к ближайшему отрожку. Но оказалось, чтобы войти в отрожек, надо пере-

браться через заболоченный ручей, от которого и идет этот отрожек.

«Ну, что будет», – подумал Коробков и погнал лошадь через ручей. Лошадь судорожно, с храпом перебралась через ручей. За Коробковым направилась подвода и тоже переехала. Уже в балке подвода догнала Коробкова, и ездовой крикнул:

– Товарищ лейтенант! За вами, что ли, держаться?

Коробков пожал плечами:

– Если хочешь, держись за мной.

Тем временем еще несколько подвод переехали ручей и догнали Коробкова. Таким образом, Коробков невольно возглавил колонну из шести или семи подвод.

Выехали в безопасное место. Коробков свернул с дороги и остановился, стали и подводы. Коробков понял, что они едут за ним, а не сами по себе. Он осмотрел подводы, думая: «Что же за воинство увязалось за мной?» На повозках сидели по несколько человек, и хотя бы один имел какое-нибудь оружие. На одной из подвод сидели три офицера-интенданта и пили водку, закусывая окороком. Они ни на кого не обращали внимания, не спрашивали, почему стали или куда едем. Увлеченные своим занятием, они не интересовались окружающими событиями.

Всю вторую половину дня Коробков и эти подводы шли в степь, по возможности скрытно, используя рельеф, высокий бурьян (донник) и некошенные хлеба. У всей группы на

вооружении было лишь то, что имел Коробков. А имелось у него вот что: винтовка, шестьдесят патронов, бинокль, компас, одна ручная граната на поясе и в полевой сумке завернутый в тряпку детонатор, одна мелкомасштабная карта, охватывающая Сталинградскую область, Донбасс и часть Украины. Видимо, по этой «оснастке» люди, ехавшие за ним, уверовали в его всезнание. Но полководец сам ждал, когда его заарканят. Всю ночь отряд не прекращал движения. Утром, как стало развидняться, с передней подводы кто-то крикнул:

– Позади легковая машина!

Коробков оглянулся. Немецкая легковушка подошла почти вплотную, из машины вышел офицер, он в бинокль осмотрел подводы, потом сел на свое место, машина развернулась и ушла обратно.

«Теперь жди машину с автоматчиками! Надо избавиться от людей и повозок...» – подумал Коробков и решил предложить спутникам: кто хочет идти с ним, пусть бросают все, а если кто не хочет расстаться с повозками, то надо сказать им «до свидания».

Коробков ускорил движение, он искал только укрытие.

Наконец – балка, пруд. Интенданты проснулись и сидели на повозке, опохмелялись, доставая из своих громадных чемоданов бутылку за бутылкой.

Не слезая с лошади, Коробков спросил у солдат:

– Есть у кого оружие?

Все молчали. Один пожилой солдат спросил:

– Что, младший лейтенант, али воевать собрался с немцами? Не с нашим носом! Нам не оружие нужно, а как бы прошмыгнуть к своим, минуя немцев.

– Машина! – крикнул кто-то.

На той стороне балки с горы спускалась автомашина. Коробков посмотрел в бинокль: немцы, на кабине пулемет. Коробков подъехал ближе к доннику, что стеной стоял по обе стороны дороги. Машина вынырнула из балки: «Хальт! Хальт! Хендэ хох!» – заорали немцы и для остротки дали над головами длинную автоматную очередь. Коробков прыгнул с лошади прямо в бурьян и побежал. Отбежал метров сто, залег, снял с пояса гранату, достал детонатор, вложил в отверстие.

«Если будут прочесывать и какой-нибудь набредет на меня, брошу в него гранату, а сам отбегу еще метров на сто», – подумал он.

Прочесывать немцы не стали, а применили свой обычный метод: открыли стрельбу из автоматов по зарослям. В течение минуты несколько автоматов надрывно трещали, сбивая бурьян. Коробков прижался к земле, не поднимая головы. Слышались немецкие крики. Через несколько минут машина ушла, стук повозок стал отдаляться, и вскоре все стихло. Коробков встал и пошел по бурьяну, удаляясь от дороги.

Минут через десять вышел на полянку, на которой сидели восемь человек красноармейцев. Коробков направился к ним. Солдаты настороженно поджидали его. Коробков по-

дошел, поздоровался, оглядел группу: все были безоружны, кроме старшины. По обмундированию Даниил определил, что это был «кадровик», кадровый военный. Старшина имел автомат, два диска патронов и одну гранату. За спиной вещевой мешок, котелок. У остальных тоже были вещевые мешки и котелки, скатки, а больше – ничего.

Коробков достал карту и попытался определить примерное местонахождение. Старшина обратился к Коробкову:

– Товарищ младший лейтенант! Если вы не возражаете, давайте вместе выходить к своим. У вас я вижу карту, компас, а у нас нет ничего, и мы не знаем, куда идти, места незнакомые. Мы все смоленские, у нас леса, а здесь эти чертовы степи – и не сориентируешься. Мы саперы, все из одной роты, да вот так получилось: отбились от своего подразделения.

Он начал опять ругать степи. Коробков засмеялся:

– Вот видите, вы лесовики, а я как раз наоборот – родился и рос в степи, так что степи для меня – дом родной. Степь нам только на руку, поэтому я хочу взять направление еще левее, в глубь степи. А по большим дорогам да по населенным пунктам нас в первый же день перестреляют. Немцы держатся по большим дорогам, по населенным пунктам, а в степи им делать нечего.

Вот мы и воспользуемся такой ситуацией.

Коробков разложил карту и, хотя карта была мелкомасштабная, все же обстоятельно рассказал, как и где отступа-

ющие встретили танки, как к нему пристроились «в кильватер» подводы с людьми, как он вначале не обращал на них внимания, а потом, когда убедился, что они рассчитывают на него, решил предложить им бросить все и идти пешими.

– Но немцы накрыли нас за этим занятием, – рассказывал Коробков. – Мне удалось нырнуть в бурьян, не знаю, сколько человек использовали донник. Остальные, судя по крикам и другим звукам, были взяты в плен. Но если бы даже нам удалось договориться, то мало надежды, что безоружную группу в тридцать-тридцать пять человек возможно провести: где их укроешь в степи? Кто рискнет накормить такую уйму народа?

Потом Коробков показал бойцам по карте, где они сейчас находятся, куда пойдут, где дороги, по которым отступили наши, где какие населенные пункты. Саперы повеселели, сели закусывать, пригласили и младшего лейтенанта, который, кстати говоря, вторые сутки не ел ничего. Поели консервы из НЗ саперов, закурили, отдохнули и пошли колонной по одному: впереди младший лейтенант, за ним старшина, а потом остальные. Зашли к пруду, набрали воды во фляги и котелки.

В тот год было обилие бурьяна-донника, он заполнил все свободные поля – залежи, высотой выше роста человека. Этот донник и некошеные хлеба как раз и являлись спасителями многочисленных групп, выходивших из окружения. Коробков с саперами избегали дорог, шли межами, среди

ржи, сливаясь выцветшей солдатской одеждой с общим фоном. На привалах Коробков изучал карту и отмечал предполагаемые опасные места:

– Первое: перейти железную дорогу южнее Миллерово. Второе: перейти грунтовую дорогу, идущую вниз над притоком Донца – по этой дороге может быть сильное движение. Третье: пройти населенные пункты, расположенные над рекой Чир, и большую дорогу, идущую над Чиром. По этой дороге обязательно будет сплошной поток воинских частей. Реку Чир надо переходить выше станицы Боковской, с расчетом выхода к станице Вешенской. Четвертое: пересечь еще одну большую дорогу: Богучар – Серафимович – Клетская, идущую над Доном. И самое главное препятствие – река Дон. Там потребуются тщательная разведка.

Саперы полностью положились на младшего лейтенанта и не давали никаких советов. Да и что они могли посоветовать, не зная ни одного населенного пункта или реки. В опасных местах шли ночью, днем отдыхали, изучали окрестности, наблюдали за движением войск противника. Железную дорогу, как и предполагалось, пересекли благополучно южнее Миллерово. Миновали ночью первую речушку и дорогу. Утром путникам открылась ровная пырейная степь, трава пырей – по колено. Вся степь, насколько хватало глаз, была наполнена стадами скота, табунами коней. Скот пасся, никем не охраняемый. Скота было много, до самого горизонта везде ходил или лежал скот. Скоро на горизонте показался

отдельный двор и залежные поля с донником. Не доходя до дома, солдаты залегли и наблюдали, но двор казался необитаемым. Направились прямо к дому. Коробков постучал и громко спросил:

– Кто есть в доме?

За дверью послышалось движение. Вышел хромой старик и поприветствовал их.

– Найдется у вас попить?

– Как же не найтись, найдется! Вода у нас холодная, а уж вкусна – не говори! При председателе Иване Трофимовиче Востроухове копали, да и дом этот тогда же перевезли сюда. Это наш колхозный полевой стан, а я сейчас вроде как бы охраняю.

– Немцы здесь бывают? – перебил деда Коробков.

– Дык бывают: надесь приезжали пятеро верховых, спрашивали: «Солдат прячешь?» Это самое ружье наставляет, а я говорю: «Стреляй, не страшно, я все равно скоро умру!» Хе-хе-хе!

– Один раз приезжали?

– Чаво это?

– Говорю, один раз приезжали?

– Товарищ младший лейтенант! Конница! – крикнул наблюдавший за степью сапер.

Коробков поднял бинокль. Немцы хотя и были далеко, но определить по цвету мундиров можно было безошибочно. Они шли шагом, примерно около эскадрона или взвода.

Два немца приближались, и в мареве их фигуры удлинялись. Прямо от дома начиналась залежь, заросшая все тем же спасительным донником. К Коробкову подошел старшина:

– Товарищ младший лейтенант, может быть, устроить им засаду?

– Нет, старшина, у каждого только одна голова, и преждевременно совать ее под топор не следует. Ты из автомата успеешь убить двух-трех фашистов, да я одного-двух из винтовки. А потом они нас перестреляют безоружных, товарищей порубят и деда убьют.

Дед почувствовал, о чем идет речь, и подбежал к Коробкову.

– Ребята, ради бога уходите, вот за угол и в донник! Побьют они нас! Вот за угол – и в донник, там обождите меня.

В сотне метров «ребята» залегли в доннике. Вскоре нагрянули конники, хорошо было слышно, как они орали «комиссар! комиссар!», потом открыли стрельбу.

– Неужели деда убьют? – спросил старшина.

– Не думаю. Похоже, это они запугивают. Они любят, чтобы при их появлении все трепетали.

Все затихло. Конники уехали. Группа продолжала наблюдать за кавалеристами. Казалось, что они ездили по степи бесцельно: то поедут в одну сторону, то повернут в другую. Видимо, патрулировали степь или вели учет пасшегося скота. Из двора вышел старик, он направился по тропинке в гущу донника, ковыляя и помахивая рукой вперед. Коробков,

старшина, а потом и все пошли по тропинке вслед за дедом. На полянке среди зарослей стояли ульи. Оказалось, дед не дом охранял, а находился здесь с пчелами. Пчелами было все заполнено, они здесь же поблизости копошились в желтых цветах донника. Старик взял у старшины и накачал полный котелок меда. Развязал принесенный с собой узелок и дал буханку хлеба. Наевшись меда до жжения в желудке, сели в кружок, разговорились. Начал Коробков:

– Что это немцы кричали «комиссар, комиссар»? Вас за комиссара приняли?

– Нет, они показывали на чердак, спрашивали, там ли комиссар.

– А стреляли по кому?

– Дык по ним же, по комиссарам: по чердаку.

Старик был не такой уж одичавший, как показалось вначале Коробкову. Он был в курсе всех событий и дал Коробкову ценную информацию. Теперь Коробков знал, что наши войска заняли оборону по левому берегу реки Дон, так что предстояло пересечь (если идти в направлении Вешек) сплошные хутора и главную дорогу на Суровикино. На этой дороге сплошным потоком идут войска, а остальной путь до Дона не представляет большой опасности, если идти осторожно.

– Я бы довел вас до самого Дона, за четыре ночи были бы там, да вот стар стал, хромой. Эх, молодость! Где ты? – вздохнул старик.

Все встали, начали прощаться со стариком и благодарить за завтрак, а старик напутствовал:

– Самое главное – идите осторожно, больше высматривайте, наблюдайте, а потом уж идите. На Чиру, смотрите, хуторов вам не миновать, а там сейчас немца видимо-невидимо.

Солнце клонилось к горизонту, когда группа подошла к хутору из двух дворов. Убедившись, что там немцев нет, вошли в первый двор. Там стояла пожилая женщина, типичная казачка, уставилась враждебными, ненавидящими глазами.

Коробков спросил:

– Немцы у вас бывают?

– Чаво-о-о?

– Немцы у вас бывают?

– А черт вас разберет, где немцы, а где кто.

– Ах ты б... старая, я сейчас научу тебя отличать русских от немцев, – произнес Коробков, снимая с плеча винтовку.

Тетка пулей метнулась на скотный баз и скрылась за перегородками.

Коробкову неудобно стало за свой поступок, он повернулся к старшине:

– Она, кажется, и вправду подумала, что я буду стрелять в бабу.

– Стрелять пулей для нее большая честь, а вот дробью бы не мешало пройтись по ж... – отозвался старшина.

Направились во второй двор, этот вовсе был пустынным. Постояв во дворе, хотели уходить, но Коробкову показалось,

что там, в сараях, кто-то есть. Они со старшиной пришли на базы. В дверях конюшни стоял молодой мужчина, он положил руки на верхнее перекрытие дверного проема и настороженно смотрел на подошедших. Весь его облик говорил о принадлежности к Красной Армии: он даже не успел снять обмундирование красноармейца срочной службы. Некоторое время стояли, рассматривая друг друга. Коробков спросил:

– Красноармеец?

– Бывший.

– Убежал из части?

– Так части-то нет, и Красной Армии нет, а куда я пойду из дома?

– Там, поверх двери, что у тебя, оружие? Опустит руки, мы с тобой воевать не собираемся.

– Гы-гы-гы, – усмехнулся домосед.

Подошли к остальной группе. Коробков сказал:

– Пошли, хлопцы, здесь не пообедаешь.

И Коробков направился по тропинке в степь.

Стало вечереть, группа подошла к стойлу, где несколько женщин в белых косынках доили коров. Как только женщины угадали на пилотках звездочки, а в руках оружие, они бросили ведра и ринулись наутек. Только одна женщина не побежала и, не повернув головы, продолжала доить.

– Здравствуй, хозяйка!

– Здравствуйте.

– Найдется у вас что-нибудь поесть?

Женщина сняла с изгороди висевшую на гвоздике цедилку и подала саперу.

Подставила чистое ведро, сказала:

– Держи над ведром.

Сама взяла ведро, полное молока, и перелила через цедилку в порожнее ведро. Из будки принесла буханку хлеба и, передавая, сказала:

– Идите, вон там в балочке поедите, а ведро оставьте там. Мы сами возьмем, сюда не надо подходить.

– Не понимаю, – задумчиво произнес Коробков, допивая свою порцию молока. – Что они нас так испугались? А, старшина?

– Коровы колхозные, а кому они доят молоко? Видно, немцам. Или боятся репрессий от фрицев за контакт с красноармейцами.

Поели молока и двинулись дальше. Ночью набрали опять на громадное стадо скота. Тучные коровы и быки стояли и лежали, пережевывая жвачку. При приближении солдат они прекращали жевать и с удивлением рассматривали проходящих, как бы спрашивали друг у друга: «Смотри, откуда они появились?» Среди коров присели отдохнуть. Старшина дотронулся до Коробкова и, указав подбородком, прошептал:

– А ведь это человек идет.

Все затаились. Человек проходил мимо метрах в пятнадцати. Старшина встал и направился к человеку.

– Слушай, друг! Обожди!

Друг от неожиданности едва устоял на ногах, а увидев наведенный на него автомат, сделал попытку бежать. Услышав тихое, но твердое «стой», остановился.

– Что ты своих испугался? Иди, с нами посиди.

Человек подошел к группе и, опускаясь на колени, про-
бормотал:

– Темно, не видать, свой или кто.

Друг оказался парнем лет семнадцати.

– Что ты здесь делаешь?

– Это скот колхозный, пасется сам по себе, а меня, значит, хуторяне послали: присмотри, мол.

– Далеко ваш хутор?

– Километров десять будет.

– В какую сторону? Парень указал рукой.

– Немцы в вашем хуторе есть?

– Бывают, но они долго не задерживаются: переночуют и
– дальше.

Кричат: «Рус капут».

Коробков поднялся.

– Ну, пошли, ребята.

Парень решил, что его поймали, как важного языка, и на-
ивно спросил:

– А мне куда?

– Хуторяне что сказали, присмотри?

– Да.

– Вот и присматривай.

Рано утром вышли к небольшой тополевой рощице. В рощице среди деревьев валялось много всякого хлама: патроны, седла, уздечки. Окрестность усыпана листками бумаги. «Похоже на то, что здесь разгромлен какой-то штаб», – подумал Коробков и поднял одну из бумажек, по которой нетрудно было определить принадлежность ее к штабу 24-го кавалерийского полка. Не задерживаясь, пошли дальше. Часам к одиннадцати подошли к большой балке с отрогами, местами залесенными. В балке был пруд, стойло для скота и овец, здесь же построено что-то вроде летней кухни и рядом – сарай-навес. Группа Коробкова какое-то время наблюдала за фермой, затем подошла к кухне. Там обедали несколько молодых женщин, все принаряжены, в чисто выстиранных белых косынках. С ними был один казак, тоже во всем новом: в казачьей фуражке набекрень, с кудрявой шевелюрой, синие с лампасами шаровары заправлены в хромовые сапоги.

– Этот явно метит в атаманы, – толкнул старшину в плечо Коробков.

– Если уже не атаман, – засмеялся старшина.

Под навесом висели только что освежеванные две бараньи тушки. Люди ели мясо, которого наварили больше, чем могли съесть. Обитатели кухни вели себя весело, остряли, хохотали. Солдат усадили за стол, положили им вареной баранины и тоже – больше, чем надо. И все же Коробкову что-то не понравилась эта компания.

Пообедав, группа направилась вдоль балки. Солдат догна-
ла одна из женщин.

– Товарищ младший лейтенант! Возьмите меня с собой.

– С какой стати?

– Так я тоже из армии. Я саниструктор дивизиона, два-
дцать четвертого кавполка. Наш полк разбили, вот там, неда-
леко, я ушла на хутор, а сейчас больше нахожусь здесь. Возь-
мите, пожалуйста, я хочу выйти к своим.

Коробков подумал: «Говорит правду, ведь мы сами ли до-
кументы двадцать четвертого кавполка». Он посмотрел на
старшину.

– Как, старшина?

– Я думаю, не помешает, пусть идет.

– Ну пошли. Что у вас там, идите, берите.

– Нет, я должна сбегать на хутор, там у меня чемоданчик,
у женщины. Я мигом вернусь.

– Далеко хутор?

– Километра два-два с половиной, через два часа я вер-
нусь.

– Тогда сделаем так, – Коробков повернулся лицом вдоль
балки. – Вон видите лесок? Потом второй и третий. В тре-
тьем леске мы будем отдыхать. Через два с половиной часа
если вас не будет, уходим. Договорились?

– Хорошо. Через два часа я приду.

Дошли до третьего леска, который находился на самом
дне балки. От леска шли два отрога в разные стороны, оба

отрожка – с лесом. Установив очередность наблюдения за окрестностью, легли отдыхать. Все хорошо отдохнули и стали собираться в дорогу.

А вот и санинструктор, она быстро шла к ним в своей белоснежной косынке. Подошла к стоянке и, не присев, заявила:

– Пришла предупредить вас, товарищ младший лейтенант: я раздумала идти. Не советуют мне!

И сейчас же повернулась и пошла обратно по той же тропинке.

– Ну, пошли, ребята, – распорядился Коробков, осматривая окрестность. И вдруг на бровке балки, у отрожка, метрах в восьмистах, увидел стоящего человека. Посмотрел в бинокль: немец, и тоже смотрит в бинокль на лесок. Немец постоял, прошел по бровке и спустился в отрожек, за ним по одному прошли девять автоматчиков.

– Ребята, сейчас, когда они спустились в отрог и прервали наблюдение за нами, мы должны использовать это время. Минут через пятнадцать они будут здесь.

Коробков направил всех по одному в противоположный отрожек.

– Мы с тобой, старшина, замыкаем.

Минут через двадцать в том лесочке, из которого только что ушли саперы, послышалась автоматная стрельба. Это немцы искали вооруженных русских и, по заведенному правилу, простреливали каждый куст автоматными очередями.

Через полчаса группа вышла в сплошные высокие хлеба и направилась по меже.

Вечерело, и им предстояло опять двигаться всю ночь.

– Старшина! А ведь это санинструктор привела немцев, – предположил Коробков.

– Да, она. Чуть было не влипли с этой проклятой бабой!

– Воюем, воюем, а так и остались наивными ротозеями. Вся эта ферма, мне кажется, немецкий пост для вылавливания выходящих из окружения групп.

– Я тоже подумал, что эта баба на таком же положении, как и мы, почему ж не помочь...

– Ну и черт с ними! Зато мы у них мяса наелись. Знаешь как на рыбалке бывает: окунь приманку снимет и сам ухитрится уйти.

Разговор закончился общим смехом.

Коробков предполагал, что скоро должна быть река. Чир. Перед рассветом услышали собачий лай. Прислушались: близко жилье. Как стало развидняться, выбрали место для наблюдения и отдыха. Решили весь день наблюдать, а переходить через хутора во второй половине ночи. За день наблюдений установили: хутора действительно тянутся сплошь друг за другом. Правда, домики с усадьбами идут над речкой в один ряд. Мимо домиков проходил основной тракт, сильное движение по которому началось с восходом солнца – нескончаемый поток в сторону Суровикино – Чирской. Шли машины, мотоциклисты, артиллерия (хорошо, что в то время

немцы не утруждали себя ночными маршами, обычно с вечера они останавливались в селе, резали кур, готовили ужин и утром продолжали движение). Почти в каждом дворе были немцы. В километре в стороне, видимо, был брод: люди переходили речку свободно. Против брода хутор прерывался, разрыв между усадьбами достигал метров двухсот. От брода шла в гору полевая дорога через тракт и там терялась среди хлебов. Если от брода идти по дорожке, то до ближайшего дома будет метров сто, а с другой стороны дом был скрыт садом. Изучив подход к броду, чтобы ночью не заблудиться, Коробков передал бинокль старшине и лег отдохнуть.

Ночью, дождавшись, когда движение по дороге прекратилось, отряд поднялся и направился в сторону брода. Здесь был не только брод, но и мостик в одну доску. Без стука по одному перешли речку и направлись по дорожке, а чтобы не поднимать пыль, сошли на траву. Домик, который стоял в ста метрах слева, был затемнен, однако двери часто открывались, освещая ярким светом стоявшего у двери часового. Свет был электрический, яркий, очевидно, от аккумулятора. Нет, это не штаб: штаб был бы обнаружен днем. Похоже, что в доме пьянствовали офицеры, а охранявший их солдат, ослепляемый ярким светом, далеко видеть не мог, и группа в колонне по одному миновала двор и направилась в хлеба.

На вторую ночь, перед рассветом, Коробков почувствовал близость Дона. Посоветовались и решили выбрать траву повыше, дождаться рассвета, иначе можно было напороться на

немецкие боевые порядки. Лежа в траве, Коробков не заметил, как заснул и как наступил день. Разбужен он был мощным грохотом. Открыл глаза, сразу определил: танки, и кажется, идут прямо на него. С трудом удержал себя, чтобы не вскочить на ноги. Снял пилотку и осторожно выглянул из травы. Мимо по дороге проходили танки, он насчитал восемнадцать машин. Оказалось, ночью они выбрали место в восьмидесяти метрах от дороги, последней на их пути, что шла над Доном.

Никто из саперов не спал, все затаились. Впереди, за дорогой, сейчас же начинался лесок. По дороге, вслед за танками, прошло несколько автомашин, и движение прекратилось. Пользуясь затишьем, Коробков направил группу через дорогу в лесок. Солдаты по одному стали переходить дорогу и исчезать в леске. Последними перешли Коробков и старшина. Лесок был вершиной балки, которая впадала непосредственно в Дон. Балка лесистая, глубокая, овражистая. Коробкова смущало то обстоятельство, что над Доном они не видят противника.

– Где же у них передний край? Должен бы быть по правому, высокому, берегу... Если над самой водой – то это маловероятно.

Прошли леском вниз по балке, и когда почувствовали близость воды, остановились. К Дону решили подходить ночью.

Ночью с большой предосторожностью подошли к реке. У

самой воды стояла полевая будка, такая, какие вывозят на пашни во время полевых работ. Коробков и старшина осторожно подошли к будке: оттуда доносился храп спящего человека. Легонько постучали: храпение не прекращалось. Постучали еще. Человек в будке долго мычал, чавкал, кашлял, чесался, и только после этих процедур послышалось:

– Че надо?

Из будки высунулась бородатая физиономия старика. На вопрос, кто он и что тут делает, старик невнятно пробормотал что-то насчет рыбалки.

– А как нам перебраться на ту сторону?

– Перебирайтесь, если хотите получить пулеметную очередь в зубы.

– А какой же выход?

– Ложитесь спать, завтра перевезут. Ложитесь и спите спокойно: не вы первые, не вы последние.

– А разве немцы здесь не бывают?

– Нет, они по одному, по два ходят по горе, ведут наблюдение, а к воде не спускаются. Так что ложитесь и спите спокойно до завтра.

Старик лег на свое место, повернулся спиной к собеседникам, явно показывая, что переговоры окончены. Утром вся группа вышла на берег, стали сигналить, прося лодку. С той стороны в несколько биноклей долго изучали пришедших, потом снарядили лодку, на носу которой сел человек с пулеметом. С расстояния тридцати метров спросил:

– Кто вы?

– Не видите разве? Мы красноармейцы.

Лодка подошла, Коробков с группой переправился в расположение стрелкового полка, занимавшего оборону по левому берегу Дона. К ним подошел лейтенант.

– Товарищи, прошу сдать оружие.

– В нашей группе... – начал было Коробков.

– Группа ни при чем: тут каждый отвечает только за себя и сдает оружие только свое.

Получив от Коробкова оружие, лейтенант записал фамилию на бумажке и попросил зайти в штаб, получить официальную справку.

Начальнику штаба потребовалась информация, и Коробков рассказал о движении войск противника и о танках, показал на своей карте, на каких дорогах что видели. После чего получил направление в пересыльный пункт в Михайловку и справку о сдаче оружия. Коробков вышел из землянки. Саперы уже поджидали его, они тоже получили направления в Михайловку. До Михайловки договорились идти вместе и без замедления вышли. В первом же селе саперы увидели свой батальон, располагавшийся в этом же селе. Их дальше не пустили, и они, радостные, подошли прощаться. Коробкову стало грустно: не хотелось расставаться с этими простыми и смелыми ребятами. А то, что они не все были с оружием, в этом не было их вины. Коробков вспомнил многотысячную толпу солдат, мечущуюся при виде вражеских

танков. Не их вина, что все оказались без оружия, а многие потеряли веру в победу. Не их вина, что через Донец не было переправ, и людям приходилось перебираться вплавь, а кому хотелось, чтобы автомат или винтовка потащили владельца на дно? Так уж небережливо относилось командование к людскому составу армии, слишком самоуверенно стремились вперед, не предусматривая возможности отхода или даже катастрофы...

В Михайловке, сверх ожидания, Коробков получил направление в Сталинград, надо было явиться в комендатуру. Но у Даниила был свой комендант – жена Нюся...

Как только он появился дома, она ему сообщила:

– А ваша часть здесь, в Сталинграде, в Бекетовке.

– Ты что-то путаешь.

– Когда я что-нибудь путала? Я поехала к жене Федьки Пригарина, а он сам дома. Он-то и сказал мне, что ваша часть здесь. Собираются на старом месте, около кинотеатра.

Два дня Даниил приводил себя в порядок. Нюся все выстирала, починила, и признаков необычного похода как не бывало. Через два дня Коробков поехал в Бекетовку. Действительно, там собрался третий дивизион и часть штабной батареи.

Третий дивизион, которого при отступлении Сивак поджидал на окраине села, узнав, что впереди танки противника, изменил маршрут и вышел на Сталинград. Первый и второй дивизионы успели проскочить на Константиновскую.

Полковник Сивак от первой группы отстал, а вторую не дождался и, видимо, был убит или взят в плен. В Бекетовке же оказался и Малютин, он после производства в младшие лейтенанты направлялся в часть и как раз попал под разгром.

Спустя дней десять дивизион погрузили на баржу и отправили в Астрахань. В Астрахани их пересадили на пароход морского типа, вывели на астраханский рейд (километрах в восьмидесяти от города). Пароход бросил якорь и простоял там дней десять-двенадцать. Погода стояла солнечная, было жарко. Из питания получали только хлеб и селедку. Все находились на палубе, трюмы были загружены автомобильными покрышками. Этими покрышками была частично занята и палуба. Потом жара сменилась штормом, брызги окатывали людей.

Несколько человек, в том числе Малютин и Коробков, укрылись под каким-то брезентом. Сержант Пантелеев вздохнул и сказал:

– Черт возьми, от этой селедки и воды в желудке кишка кишке кукиш кажет. Пойду на охоту!

Он вылез из-под брезента и исчез в темноте.

На верхней палубе расположились два офицера-интенданта. Они задвинули свои объемистые чемоданы под скамейку и весь день пили водку и закусывали, доставая из чемоданов ветчину, сыр. Опьянев, тут же заснули, оставив (как показалось сержанту) чемоданы незапертыми. Пантелеев, опершись на перила, постоял, потом, как бы страдая от

«морской болезни», лег на скамейку, перевернулся на спину, разбросал руки и ноги. Одна его рука свесилась со скамейки и оказалась на чемодане. Он приподнял крышку, нащупал кусковой сахар и печенье и помаленьку стал перегружать содержимое чемодана за пазуху и в карманы. Освободившись у себя под брезентом от груза, он снова исчез, повторяя свой заход. Коробков и Малютин вышли из-под брезента покурить, поднялись на вторую палубу, куда брызги не долетали. Стали у борта неподалеку от интендантов, закурили и незаметно стали наблюдать: «морская болезнь» опять свалила Пантелеева на ту же скамейку, правая рука его расслабленно свешивалась со скамейки и ощупывала чемоданы. Только один чемодан оказался незапертым, а в нем, кроме печенья и сахара, ничего не оказалось. За два приступа «болезни» Пантелеев опустошил чемодан и перенес содержимое под брезент. Всю ночь укрывшиеся под брезентом забавлялись печеньем и сосали сахар.

В Махачкале командир дивизиона, находясь у коменданта, получил распоряжение следовать в город Грозный. Командир дивизиона прислал солдата с приказанием приготовиться к погрузке в вагоны. Долго пришлось ждать, когда придут от коменданта, и Малютин предложил:

– Есть хочется – кожа трещит, пойдете вон туда, напротив, зайдём во двор – может, чего добудем перекусить.

Малютин, Коробков и Пантелеев зашли во двор.

– Хозяюшка, не найдется ли у вас чего-нибудь поесть?

– Если вы возьмете бутылку вина, а я дам закусить.

Сели здесь же во дворе за столик под деревом, выпили, закусили, поблагодарили хозяйку, вышли, а дивизиона нет. Долго бегали по станции и окрестностям – дивизион как в воду канул.

Недолго думая, сели на товарняк и – в Грозный. Явились к коменданту, он долго рылся в дислокациях частей и объявил, что в прошедшие два дня из Махачкалы никаких частей не прибывало, а вот в Тбилиси какие-то остатки 898го артполка значатся. Друзья снова сели в товарняк и отправились в Тбилиси. Там действительно были какие-то остатки полка и отдел кадров дивизии. Прибывших поставили на довольствие. При зачислении на довольствие начальник отдела кадров удивленно посмотрел на Коробкова и спросил:

– Что вы ходите с одним квадратиком? Вам присвоено очередное звание. Запишите, – он заглянул в папку и диктовал: – Звание «лейтенант» присвоено 9-й армией 13 июня 1942 года, приказ № 0360.

Группу артиллерийского полка, как малочисленную, решено было влить пополнением в другие части, и потому послали всех на пересыльный пункт.

Там их построил подполковник и спросил:

– Кто выходил из окружения не со своей частью – выйдите из строя!

Коробков и Малютин вышли. Им выдали направление на станцию Вазиани, в лагерь МВД. Прибыв в Вазиани, нашли

этот пункт. Это был большой двор, огороженный колючей проволокой, посредине двора размещалось помещение барачного типа. Прибывшие подали часовому направления, он посмотрел и кивнул на барак.

В помещении направление взяли, а прибывших отвели туда, где находились ожидавшие вызова офицеры. Новички долго не решались сесть, до того омерзительная была картина: во дворе были вырыты ямы, не землянки, а обыкновенные ямы, даже без ступенек, и чтобы попасть туда, надо было прыгнуть в яму. На ямы были кое-как набросаны ветки – от солнца, внутри ям копошились грязные, худые и оборванные люди: лейтенанты, капитаны и майоры. Некоторые сидели в этих ямах по месяцу и более. Коробков посмотрел на Малютину:

– Черт нас дернул выйти из строя, ну кто нас тянул за язык? Что у нас, на лбу написано? Кому нужна наша честность?

– Да, очень глупо получилось. Хорошо, если быстро проверят, а могут сгноить здесь. Кормили их так: кусок хлеба и кусок селедки на весь день – никаких супов не положено. На одиннадцатый день вызвали обоих, только к разным следователям.

Следователь, к которому попал Коробков, писал очень много. Потребовал рассказать полную биографию. Коробков рассказал все, ничего не утаив. Потом пришлось рассказывать, как и где служил, как попал в окружение, с кем выхо-

дил и как попал на пересыльный пункт. В заключение потребовал справку о сдаче оружия при переходе линии фронта. Справка эта если и не решила все, то имела большое значение. Оба сослуживца получили пропуска, а также направления все к тому же подполковнику. После чего сели на товарный поезд и направились в Тбилиси. Видя, что Малютин задумался, Коробков спросил:

– Что задумался? Плохое самочувствие?

– Самочувствие такое, как будто меня ни за что высекли.

На пересыльном пункте Коробкова назначили в распоряжение командующего артиллерией 271-й стрелковой дивизии. Малютина назначили в другую дивизию.

271-я стрелковая дивизия

Осенью 1942 года лейтенант Коробков прибыл с направлением в штаб артиллерии 271-й стрелковой дивизии. Дивизия стояла в районе Махачкалы, готовилась к боевым операциям: получала материальную часть, обмундирование, пополнялась личным составом. Долгое время Коробков находился при штабе командующего артиллерией дивизии в ожидании назначения на должность.

Командующий артиллерией полковник Пономарев обладал характером, в котором сочетались противоположности: то он добрейший и внимательный начальник, то резкий и злой деспот. Причем настолько злой, что в такие минуты

офицеры штаба по возможности держались поодаль от полковника (как они сами шутили, «дабы не схлопотать по физиономии»). Правда, в период формирования дивизии таких происшествий не было, а в боевой обстановке были случаи рукоприкладства. Особенно в боевой обстановке много терпел от него шофер штабной полуторки Панасенко. В кабине полуторки всегда ездил Пономарев, и боже упаси посадить машину в грязь!.. Тогда начиналось представление: полковник орал благим матом, извергая ругательства, обещал Панасенко расстрелять сию же минуту. Как самый строгий блюститель субординации, полковник требовал, чтобы шофер знал свое место в колонне автомашин. Но Панасенко, шофер колхозной выучки, от субординация окончательно тупел, терялся и делал еще больше ошибок. Однажды ехавшая впереди легковушка забуксовала, Панасенко хотел бойко обогнать ее, показать, кстати, как он виртуозно умеет управлять машиной. Но неожиданно над самым ухом Панасенко рывкнул полковник:

– Стой! Ты что, рехнулся? Чья машина впереди?

Панасенко помолчал, соображая, потом тихо ответил вопросом на вопрос:

– Це, мабуть, командира дивизии?..

– Так какого же черта ты лезешь вперед? Ближе двадцати метров к этой машине не подъезжай! А свое «мабуть» прибереги для колхоза, там будешь гадать «мабуть це, чи, мабуть, не це». А здесь должен знать точно, кто впереди, а кто

позади.

При штабе КАД (командующего артиллерией дивизии) накопилось довольно много офицеров, но Пономарев не спешил назначать их на должности, присматривался к новым людям, собирал их на занятия, оценивал способности и знания.

Лейтенант Пеккер прибыл поздно вечером, увидел, что командующий проводит с офицерами занятия, и решил явиться к командующему завтра утром. Позади палатки положил под голову вещевой мешок и улегся на ночлег. Ему хорошо было слышно, как полковник от кого-то требовал отклонение в метрах выразить в делениях угломера. Пеккер не выдержал и прошептал подсказку.

– Это кто там подсказывает? – спросил полковник.

– Лейтенант Пеккер.

– Иди сюда, Пеккер.

В палатке появился подвижный черномазый человечек в замызганной одежде и грязной пилотке, сдвинутой до отказа набекрень и державшейся на голове каким-то чудом. Он четко представился:

– Лейтенант Пеккер прибыл для прохождения дальнейшей службы.

Полковник забыл о занятиях, занялся Пеккером, задавая ему обычные вопросы: где учился, когда окончил, последняя должность и тому подобное. Полковник заметно оживился, ему нравился лейтенант тем, что моментально реагировал на

каждый его вопрос. Пономарев вызвал писаря и приказал написать направление Пеккеру в артполк на должность командира первой батареи, потом, как бы вспомнив о десятке сидевших офицеров, которые терпеливо дожидались продолжения занятий, объявил:

– Все свободны!

Аудитория, состоявшая в большинстве из людей со специальностями подсобного характера и мало разбиравшихся в огневой подготовке, с облегчением вздохнула и не замедлила удалиться.

С Пеккера начались назначения офицеров на командные должности. Коробкова командующий назначил командиром штабной батареи, но в батарею не отпускал. Проверив, что Коробков действительно топограф, хорошо читает карту, хорошо знает номенклатуру листов и умеет готовить по карте данные для стрельбы, Пономарев сказал лейтенанту:

– Будешь пока работать в штабе КАД на внештатной должности ПНШ2 (по разведке). Такая должность здесь не положена, но тебе надо изучать штабную работу, а в штабной батарее там справится один лейтенант Бобков. Да и что там хорошего? Пока мы с противником соприкосновения не имеем, у тебя будет свободное время, которое заполняй чтением. У писаря в сундуке есть кое-какие пособия, возьми там большую книгу «Тактика артиллерии» Сивкова – займись этой книгой!

Коробков все свободное время читал, и полковник, заме-

тив упорную его учебу, со смехом заметил:

– Ты что, решил наизусть выучить всего Сивкова?

И уже серьезно посоветовал:

– Это хорошо, что тебя интересует все, но на все у тебя не хватит времени. Читай часть третью: работа штабов.

Если укомплектование дивизионной артиллерии материальной частью и личным составом хотя и медленно, но продвигалось, то средств артиллерийской тяги совсем не поступало. Ходили слухи, что артиллерия стрелковых полков получит лошадей, а дивизионная – автомашины. Время шло, но ни лошадей, ни машин не было.

В один день окрестности огласились верблюжьим ревом и фырканием: в дивизию пригнали большой табун верблюдов. Все были подавлены таким убожеством. Дивизионная артиллерия – и такая средневековая тяга. Кроме того, верблюдов пригнали без всякой амуниции, а та, что предназначалась для коней, верблюдам не годилась. Началась напряженная работа по устройству мало-мальски соответствующей упряжи. Большинство солдат никогда с верблюдами дела не имело. Хорошо еще, что в полку было много солдат-казаков, они мастерили верблюжьи хомуты, в сельских кузницах ковали разные кольца, крюки. Шли все время осенние дожди, верблюды к такой грязи были непривычны, они упрямылись, не хотели работать, а если упрямый верблюд лег и не хочет вставать, тогда режь его, стреляй – он не встанет. В этом убедился даже командир дивизии. Как-то позвонил он по телефону

командующему артиллерией:

– Послушай, Пономарев, твои артиллеристы у меня под окном с самого раннего утра бьют верблюда, а он не хочет вставать, лишь ревет истошно и плюется. Прекрати, пожалуйста, это безобразие!

Упрямого верблюда оставили лежать у квартиры командира дивизии. Верблюд лежал около часа, потом встал и сам пришел в расположение части. Скоро дивизия выступила на сближение с противником. Первый бой приняла у Ага-Батырь. Впоследствии с боями продвигались степями в направлении Александровская – Невинномысская. К этому времени, потерпев поражение у Моздока, противник с арьергардными боями отходил, но дивизия и преследовать-то его по-настоящему не могла. Собственно, преследовала пехота, артиллерия тащилась, отставая от стрелковых полков на пятьдесят и более километров. Медлительные верблюды за первый же месяц боевых действий были убиты во время бомбежек немецкими самолетами. Постоянная проблема «чем везти?» висела над всеми нерешенной. Пономарев очень переживал свое бессилие выполнять приказы командира дивизии, которого весьма уважал, как он сам говорил, «за его корректность, обширные и разносторонние знания».

К счастью, стали поступать «студебекеры». Первой получила машины батарея Пеккера. Теперь она была вроде пожарной команды: мчалась в нужный район напрямую по грязи, снегу и быстро открывала огонь. Но скоро и первая бата-

рея отстала (остальные батареи во главе с командиром полка, не имея средств передвижения, находились далеко в тылу), начались какие-то неполадки с подвозом бензина. Командующий Пономарев бегал по штабу злой, как тигр. Но вот командир дивизии по радиации сообщил, что один из стрелковых полков захватил богатые трофеи, в числе которых пятьдесят бочек бензина. Комдив приказывал прислать машину за бензином и добавил: «Только как можно быстрее, это вопрос жизни людей: стрелки несут большие потери, а поддержать их нечем». Но полковника Пономарева убеждать не надо было, он отлично понимал, во что обходится отставание артиллерии: его подчиненные уже побежали выполнять приказание. Из всех машин слили бензин и заправили одну, она исчезла в снежном вихре. Пеккеру полковник приказал:

– Как привезут бензин, сейчас же заправить машины, а как батарея будет проходить мимо штаба, доложите.

Пять часов Пономарев был как на иголках: то он оденется, то опять разденется, сядет, встанет, бегаёт по комнате. Наконец, появился Пеккер и доложил:

- Товарищ полковник, батарея к маршу готова.
- Бензин в запасе есть?
- По одной заправке в запасе.
- В полном составе?
- Нет, со мной два орудия, а те догонят.
- Как? И ты говоришь «готов»? – закричал полковник, в каком-то исступлении подскочив в Пеккеру. – Все орудия

давай – и бегом!..

– Есть!

Пеккер повернулся, как строевик, по-уставному, и это окончательно взбесило Пономарева.

– Ты что, на параде?

С этими словами Пономарев ударил ногой под зад Пеккера, и тот шаром выкатился в коридор.

Через некоторое время Пеккер второй раз докладывал о готовности к движению батареи в полном составе, а полковник уже спокойно приказал подойти к столу и на карте показал, где найти командира 367-го стрелкового полка и вступить в его распоряжение.

Вскоре весь артполк и истребительно-противотанковый дивизион получили автомашины, и артиллерия дивизии действовала уже в качестве полноценных артиллерийских частей.

Но теперь полковника Пономарева выводила из равновесия бездеятельность начальника штаба подполковника Фролова. В противоположность Пономареву, его бурной деятельностью и неутомимой работоспособности Фролов мог всю ночь беспробудно спать, в то время как командующий, не отдыхая, работал по две-три ночи, выполняя и штабную работу. Кроме того, Фролов был прожорливым и великим бабником. Он мог исчезнуть из штаба на весь день, но появляться в неожиданных местах, таких, как медсанбат, где было много женщин, или там, где работали девушки-телефонистки.

Штабные офицеры питались в АХЧ (административно-хозяйственной части) при штабе дивизии, но при желании могли встать на довольствие в штабной батарее и питаться с солдатской кухни. Конечно, кухня АХЧ готовила лучше, и переходить на солдатский паек охотников не было, но Фролов ухитрялся питаться и там, и там. Утром, когда приносят в котелках суп, Фролов возьмет ложку и проверит во всех котелках, кому как налили. При этом он отпускал похабную брань в адрес АХЧ, однако садился и съедал весь суп, потом звал шофера Панасенко и, подавая ему котелок, говорил:

– Пойди в штабную батарею, пусть нальют мне супа.

Когда суп с солдатской кухни был съеден, Панасенко шел за добавкой. Он приходил на кухню батареи и где-нибудь в сторонке стоял с котелочком, пока повар не спросит:

– Ты что стоишь, Панасенко? Ведь ты получил!

– Так я же подполковнику за добавками.

– Может быть, ты хочешь себе получить? – шутил повар.

– Та шо ты, шо я, подполковник чи шо?

Повар под хохот солдат наливал полный котелок супу. Командующий, бывало, отчитывал Фролова за безделье:

– Так нельзя работать! Вы хотя бы с офицерами занятия провели!

Но с Фролова – как с гуся вода. Однако прикажет всем офицерам штаба и батареи собраться у него в землянке, положит на столик лист карты, выберет самого несведущего и вызовет:

– Лейтенант Сеняпкин, подойдите к столу!

Сеняпкин подходит.

– Скажите, что это такое? – спрашивает Фролов, проводя карандашом по рамке листа. Сеняпкин низко наклоняется над картой и рассматривает рамку по всем четырем сторонам листа. Лицо Сеняпкина озабочено, лоб наморщен, он мучительно и долго ищет ответа, уставившись в злосчастную линейку, потом догадывается:

– А-а, так это край карты!

Фролов ржет, открыв свой большой рот:

– Га-га-га! Вот это грамотей, га-га-га!

Натешившись, он выискивает другую жертву для следующего трюка.

Аудитория расходилась из землянки весело, как после хорошего комедийного фильма.

Иногда командующий прибегал к другому способу воздействия на Фролова: он собирал офицеров, в том числе и начальника штаба, и начинал разнос, но все догадывались, что это больше касается Фролова.

Полковник говорит:

– Вас ничто не беспокоит и не интересует – ни противник, ни защита Родины. Вы только три дела выполняете добровольно: спите, жрете и с... и еще есть у вас одна забота, где бы найти бабу.

При последнем слове Фролов ржал своим обычным: га-га-га.

Утром Пономарев выехал на полуторке в артполк, но не успел отъехать от штаба и полкилометра, как впереди оказался «мессершмит». Он стремительно приближался. Едва полковник и Панасенко успели выскочить из машины и упасть в снег, как в тот же миг последовала пулеметная очередь. Полетели брызги от разбитых стекол, машина заглохла. Судя по пробоинам в сиденье, командующий и шофер были бы неминуемо убиты. Осмотрев автомашину, Пономарев со смехом сказал:

– Значит, мы с тобой, Панасенко, еще поживем! Да, не время, значит!..

– Так хиба ж узнаешь, колись воно буде – время?.. Полуторку жалко.

Пономарев вернулся в штаб и по пути зашел в штабную батарею отдать распоряжение насчет разбитой полуторки. Лейтенант Бобков, молодой офицер с хорошей строевой выправкой, встретил командующего по всем правилам устава. Полковник недовольно посмотрел на него и заметил:

– Хорошо выполняете строевые приемы, а как ведете хозяйство в батарее? Пойдемте, посмотрим.

Они стали обходить расположенную в двух смежных дворах батарею, и сразу полковник обратил внимание на повозки, которые были поставлены в ненастную погоду и оказались замороженными в грунт. Пономарев пришел в ярость, устроил Бобкову головомойку. Пошли дальше. В каком-то сожженном помещении, от которого остались одни стены,

стояли лошади, дрожащие от холода.

– Лошадей каждый день надо чистить и убирать из-под ног, а в мороз укрывать попонами. Есть у вас щетки, скребницы, попоны?

– Попон нет, товарищ полковник!

– Так какого же хрена не достанете? Щелкать каблуками повторяя «есть! есть!» – это еще не все, надо быть хозяином!

В каком-то чудом уцелевшем коридорчике старшина Нестеренко сделал кладовку, там хранил продукты, обмундирование, фураж и всякую мелочь. Ему слышно было, как командующий разносил комбата. «Обязательно зайдет сюда», – подумал Нестеренко и быстро навел порядок в кладовке: на середину помещения поставил вверх дном ящик, накрыл его простыней, нарезал хлеба и окорока из офицерского доппайка, налил в стакан разведенного спирта. Только старшина успел управиться со своим хозяйством, как дверь открылась, и полковник, дойдя до предельного накала от беспорядков, завопил:

– А это что здесь?

Нестеренко вышел вперед:

– Кладовка, товарищ полковник.

– Что у вас в кладовке?

– У нас все есть, даже можно закусить. Закусите, товарищ полковник.

Полковник посмотрел на стакан:

– А это что?

– Разведенный спирт, товарищ полковник.

Пономарев выпил спирт, взял ломоть хлеба, положил на него листки окорока, сел на подставленный табурет, кивнул на окорок:

– А хорошая штука. У нас в Чувашии раньше тоже ели бутерброды, только особым способом: отрезали большой ломоть хлеба, во всю буханку, брали сало, клали сало на противоположный от себя край ломтя и начинали есть. Когда ломоть хлеба съедался, сало таким же манером перекладывали на другой ломоть, а наевшись, «оставшееся» сало хранили до следующего обеда. Все засмеялись, а Пономарев встал, выходя из помещения, зло посмотрел на Бобкова и, переходя на прежний тон, проворчал:

– Только в кладовке у вас... вашу мать, порядок!

На следующее утро Пономарева отвезли на пароконной линейке на КП командира дивизии. Весь день они провели с командиром дивизии на КП, управляя боем. И когда вечером за полковником Пономаревым пришла линейка, командир дивизии изъявил желание ехать с Пономаревым на подводе. Они сели на подводку вчетвером: командир дивизии, Пономарев, ординарец Пономарева, который всегда с автоматом сопровождал полковника, и четвертый – ездовой. Не доезжая с километр до штаба, наехали на старую противотанковую мину, раздался взрыв большой силы. В результате все четверо были убиты насмерть, линейку разнесло в щепки, обе лошади также убиты. Так погиб Пономарев. Из

всех бывших после него командующих он был самым требовательным и самым грамотным артиллеристом. Погиб и командир дивизии, которого очень любил Пономарев.

Дивизия форсировала Дон ниже Ростова и устремила в направлении Донецка, но была остановлена для завершения неоконченного формирования. Штаб дивизии расположился в греческом селе западнее Ростова. В штаб КАД прибыл новый командующий, полковник Васенков, назначенный с должности командира минометного полка. Человек он неплохой, лет шестидесяти, одевался щеголевато, даже прицепил на сапоги серебряные шпоры. Единственно серьезный недостаток – любил выпить, и ради выпивки он способен был бросить все и бежать на любое расстояние. Во время боев на реке Шуге был такой случай. Дивизии был придан дивизион «катюш» под командой молодого капитана. После окончания операции дивизион отзывали на другой участок фронта, и его надо было отпустить с документами об эффективности работы дивизиона. Для составления такой справки надо было явиться капитану в штаб. Васенков взял трубку телефона:

– Товарищ капитан, вам необходимо явиться сейчас ко мне, и побыстрее!

– Товарищ полковник! Вы мне все дело портите, я жду вас к себе!

– А что там у вас?

– Как что? Все готово: и выпить, и закусить.

– Ну, я сейчас бегу! Я ведь старый солдат: бегу, бегу!

Нестеренко! С машиной ко мне!

И так всегда: ради выпивки он готов был явиться по вызову младшего лейтенанта.

Васенков был командующим артиллерией до конца боев на Миусе. После прорыва по вызову поехал к командующему артиллерией армии, ехал в коляске мотоцикла. Мотоцикл вел Нестеренко (тот самый, что был старшиной при Пономареве, а когда позже узнали, что Нестеренко – колхозный механик, то перевели его водить машину командующего). Темной ночью, без света, в пыли они столкнулись со «студебеккером». Васенков получил тяжелое увечье (переломы обеих ног), а Нестеренко отделался ушибами.

После Васенкова с быстротой кинокадров менялись командующие, которые проходили, ничем не отмечая свое пребывание на этой должности.

Дивизия стояла на деформировании. Впереди Миус.

В расположение штаба дивизии привели пополнение. Полковнику Васенкову представилась возможность отбирать людей для артиллерии. Отбирал он тех, кто уже служил в артиллерии, кто помоложе и кто пограмотней. Штаб КАД получил человек около сорока молодых ребят 1924 – 1925 годов рождения, почти все городские из Ростова. Ребята, что называется, бедовые, держали себя непринужденно, не делая никакого различия между званиями. Даже с полковником разговаривали, не вынимая папиросы изо рта и отставя ногу.

Полковник вызвал Коробкова.

– Надо помочь Бобкову. Пока нет боевых действий и в штабе нет большой работы, вместе с Бобковым сделайте из этой братии дисциплинированных воинов.

Наспех была составлена программа занятий, и началась учеба. Все дни были насыщены до предела. Занимались строевой подготовкой, изучали стрелковое оружие, а кроме того, каждый взвод занимался по своей специальности: связь, разведка, топография, радиосвязь. Вечером батарея, около ста человек, допоздна маршировала по улицам села и стройно пела:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Через три недели учебы у штаба стоял часовым один из ростовских новичков, Горин. В штабе находился один Коробков, он не мог оставить помещение, поэтому вышел и попросил часового:

– Горин, пойдя из землянки позови писаря.

– Я, товарищ старший лейтенант, не могу покидать пост.

Старший лейтенант посмотрел на упрямый лоб Горина и подумал: «Нет, этот не пойдет, какой молодец!» Вошел в комнату телефонистов, взял трубку:

– Бобков! Не забудь на вечерней поверке перед строем вынести благодарность Горину за добросовестное несение ка-

раульной службы и знание устава.

– А что он сделал?

– Заставь рассказать его самого, напomini мой с ним разговор.

А какими хорошими, даже талантливыми и смелыми оказались впоследствии эти ростовские ребята! Несколько человек из них были специалистами-добытчиками. Во время боев не всегда удавалось смотать свою связь (кабель), и часто подразделения оставались без кабеля. Вот тут и показывали свое мастерство добытчики.

После проливных дождей грязь невылазная. На крутом подъеме проезжает пароконная подвода, доверху нагруженная катушками кабеля. Кони через каждые 10 метров останавливаются. Один из добытчиков кричит:

– Ребята! Поможем?

Человек двадцать устремляются к повозке, окружают ее, с криком, гиканьем подхватывают повозку. Старик-возчик не оглядывается, погоняет коней, помощники – одни везут, другие снимают катушки, передают третьим. Все кричат:

– Взяли! Еще раз, взяли!

И берут, пока повозка, значительно облегченная, не пойдет без остановок.

Помощники отстают, возчик оглядывается и кричит:

– Спасибо, ребята!

– Ничего, не стоит! Спасибо и тебе!

Где-то под Житомиром, в рошице, было большое скопле-

ние подвод, автомашин, пехоты. Там же и штабная батарея КАД.

– Ребята! Сало будете есть? – вполголоса спрашивает Квятковский.

– Сала не мешало бы закусить, а где ты его возьмешь?

– А вон на повозке солдат ест сало: это у нас с ним общее сало!

Метрах в пятидесяти на подводе действительно сидел старик-солдат, видимо, только мобилизованный, с домашними харчами. Мешок с харчами лежал рядом. Куски сала старик повытаскивал из мешка и разложил около себя для проветривания. От одного куска он отрезал по кусочку и ел, медленно-медленно пережевывая сало с белым хлебом. Квятковский, остановившись в нескольких метрах от повозки и обворожительно улыбаясь, не сводил глаз с украинца.

– Шо? – спросил старик.

– Ты меня не узнаешь? – тоже задал вопрос Квятковский и подошел вплотную к повозке.

Старик не спеша разгладил усы и так же неторопливо басом ответил:

– А на шо ты мини здався?

– Ты ведь брат Панаса Загоруйко?

– Ниякого Панаса не знаю и знаты не хочу.

– Не знаешь Панаса Загоруйко?

– Ни.

– И жинку его, Хиврю, не знаешь?

– И Хиврю не знаю.

– Ну, посмотри на меня и вспомни: мы с Панасом приезжали к вам.

И Квятковский, навалившись на подводу, подставил свое лицо к самым глазам старика для опознавания. Старик отшатнулся назад и, уже повысив голос, почти закричал:

– Та шо ты причипывся, бисова родня! Гэть вид пидводы!

– Врешь ты, хитрый хохол, ты меня хорошо знаешь, только боишься признаться, – загадочно произнес Квятковский в самое лицо озадаченного старика и скрылся в гуще солдат.

Хлопцы из штабной батареи незаметно наблюдали за Квятковским и солдатом. После ухода Квятковского старик некоторое время сидел, очевидно, обдумывая появление странного знакомого. Потом, обнаружив, что у него недостает двух кусков сала, он засуетился, стал нервно бросать в мешок харчи, поднялся на повозку, встал на колени и долго среди солдатской массы отыскивал «знакового» с двумя кусками сала.

Примерно в мае дивизия заняла оборону по левобережью реки Миус. Началась усиленная разведка обороны противника. Прибыл новый командир дивизии полковник Говоров. Ниже среднего роста, лет шестидесяти, коренастый, с каким-то неприятным лицом, со щетинистыми подстриженными усиками. Он обладал неподражаемой способностью всех и все крыть трехэтажным матом. Мат в то время был не новость, матерились почти все, но обычными ругательствами.

У Говорова же ругательства были самые отвратительные, которые можно услышать только от уголовников, шпаны, тюремщиков. Ругательства он обрушивал на всех без исключения – от рядовых до старших офицеров, причем всегда и везде, даже в оперативном отделе, в присутствии машинисток и телефонисток. Слушать матерщину было противно, тем более из уст пожилого человека. Особенно Говоров свирепствовал во время неудачных боев: создавалось впечатление, что ругательствами Говоров пытается прикрыть отсутствие собственных военных знаний.

В целях выявления огневой мощи противника была назначена разведка боем: рота автоматчиков перед рассветом должна была продемонстрировать наступление. Весь командный состав занял свои места на наблюдательных пунктах. Отстрелялись батареи, но атаки автоматчиков не последовало. По телефону что-то бормотали нечленораздельное: кто говорил, что командир роты отдыхает, кто говорил, что он заболел. Послали в роту работника политотдела, и тот обстоятельно выяснил, что перед атакой командир роты решил закусить и попросил у старшины сто граммов водки. Старшина налил ротному стакан крепчайшего самогона. Выпив на голодный желудок самогон, старший лейтенант свалился и заснул непробудным сном. Все попытки поднять его на ноги не дали положительных результатов, и атака была сорвана.

Командир дивизии приказал командира роты и старшину арестовать и привести в штаб. Уже утром во двор к коман-

диру дивизии привели арестованных, там же находилось с десяток офицеров штаба. Вышел из дома Говоров и сразу, с порога, указывая на старшего лейтенанта, рявкнул:

– Расстрелять негодяя!

Из стоявших офицеров никто не пошевелился. Полковник посмотрел на них и повторил:

– Слышали? Расстрелять негодяя!

Но и на сей раз никто из офицеров не проявил усердия.

– Э-э-э, вашу мать, трусы!

И полковник обратился к адъютанту:

– Принеси маузер.

Адъютант вынес из квартиры пистолет в деревянной кобуре. Говоров взял пистолет. Старший лейтенант попросил:

– Товарищ полковник, я искуплю свою вину в боях.

– Не надо! – ответил Говоров, продолжая возиться с маузером, который, видимо, держал у себя больше для декорации и пытался стрелять из него впервые.

Прицелился, щелкнул: выстрела не последовало. Еще раз прицелился, щелкнул – пистолет молчал. Говоров бросил пистолет к ногам адъютанта и обратился к одному из офицеров:

– Дай-ка пистолет!

Напротив крыльца была глиняная стенка летней кухни. Обращаясь к арестованному, приказал:

– Стань ближе к стенке!

Старший лейтенант подошел к стенке, и тогда Говоров

двумя выстрелами застрелил командира роты. Потом повернулся к побледневшему старшине, потряс возле его носа пистолеком:

– А тебя, так твою... в штрафную роту!

Два раза дивизия пыталась прорвать оборону противника и оба раза, неся громадные потери, откатывалась на исходный рубеж. Говоров во время боев сидел на КП, расставив локти, следил через бинокль за полем боя. Иногда он казался каким-то чудовищем, поглощавшим свою дивизию. Он не принимал никаких доводов от командиров стрелковых полков, не хотел слушать, что атаковать больше некому – в ротах осталось по несколько человек. Со страшными ругательствами он повторял: «Вперед! Вперед!» В один из дней самых сильных боев Коробков проходил мимо землянки политотдела. Из землянки, чем-то встревоженный, вышел начальник политотдела полковник Федоров. Он жестом остановил Коробкова и приказал:

– Возьмите двух-трех автоматчиков и догоняйте меня!

Сам он бегом пустился под гору, в сторону переднего края. К счастью, у землянки штаба КАД в тени сидели два разведчика, Лопатин и Еремин. Коробков приказал им следовать за собой и не отставать. Начальника политотдела они настигли на открытом склоне реки. Противник заметил бегущую группу из четырех человек и открыл огонь из двух орудий. Местность – как на ладони, видимо, хорошо пристреляна: снаряды стали рваться прямо среди прижавшихся

к земле людей. Потом противник решил, что все уничтожены, и прекратил налет. Полковник Федоров, до этого чисто, опрятно одетый, в одно мгновение стал закопченным, китель до неузнаваемости испачкан грязью.

Полковник повернулся и крикнул остальным:

– По одному, к речке!

Сам поднялся и побежал к речке, легко перепрыгивая через промоины. Перешли речку и оказались в устье балки, где местность противником не просматривалась. Балку пересекал ход сообщения.

– Вот здесь останьтесь! – приказал полковник Коробкову. – По балке отходит 865-й стрелковый полк, остановите его, а командира направьте по ходу сообщения ко мне!

Сказав это, он направился по траншее в сторону.

Только полковник отошел от Коробкова, как из-за поворота балки показалась пехота. Шли они толпой, трудно было понять, что они представляют – полк, батальон или только роту. Больше половины из них были забинтованы, здоровые вели раненых товарищей. Коробкову никогда раньше не приходилось выполнять таких приказаний. Он подумал: «А если они не послушают и не остановятся, что тогда делать? Стрелять вверх? А если и это не подействует?»

Между тем толпа подошла метров на шестьдесят. Коробков взял у Лопатина автомат, поднял его над головой, как бы преграждая путь, и во всю силу легких крикнул:

– Стой! Садись! Старший – ко мне!

Солдаты сразу остановились и с явным удовольствием повалились на траву. Из отходящей группы отделился офицер. Подойдя к Коробкову, приложил руку к каске, представился:

– Старший лейтенант Иньков.

– Товарищ старший лейтенант, пройдите по ходу сообщения к начальнику политотдела, – направил Коробков Инькова и тяжело вздохнул, как после выполненной тяжелой работы.

Спустя какое-то время полковник с Иньковым возвратились вместе.

– Вы свободны, товарищ Коробков, – сказал полковник. – Возвращайтесь к своим обязанностям.

Вскоре обескровленные остатки дивизии прекратили атаки: о наступлении не могло быть и речи, пополнение поступало прямо в окопы.

У Коробкова выработался в работе своеобразный ритм: ночью, если и случалось отдыхать, он всегда оставался настороже: без конца приходилось запрашивать у наблюдательных пунктов обстановку, так как в любую минуту командование могло затребовать доклад. А незнание обстановки на огневых обычно сопровождалось крупными неприятностями. Утром он получал донесения из артподразделений стрелковых полков, из противотанкового дивизиона, представляли сводки артполка. Получив донесения, он тут же составлял оперативную сводку, разведсводку, копировал их и передавал телефонисту для передачи в корпус. Незакодированные

сводки писарь отпечатывал, Коробков проверял их, подписывал и нес на подпись начальнику штаба, после чего сводки с соответствующими схемами отправлялись фельдъегерской почтой. Если было свободное время, Коробков постепенно готовил по установленной схеме месячный отчет о деятельности артиллерии дивизии. Кроме того, он же, пользуясь копиями сводок, составлял полугодовые и годовые отчеты. Этим отчетам уделялось большое внимание, и требовалось много времени и труда по составлению разных схем, таблиц, зарисовок и фотоснимков. Чаше ехал на наблюдательные пункты артиллерийских подразделений, в натуре уточняя цели. В разведотделе дивизии получал новые данные и наносил их на разведкарту, получал цели от службы звуко-разведки. Следует отметить, что в штабах артполков эту же работу выполняли два ПНШ: один – по оперативной части, другой – по разведке, а в штабе КАД эту работу выполнял один ПНШ – Коробков.

Командующий артиллерией потребовал разведкарту. Коробков принес карту, передал командующему и задержался, но полковник хлопнул ладонью по карте и сказал:

– Карта останется у меня, идите, занимайтесь своей работой.

Что-то насторожило Коробкова: планирование артподготовки начиналось с разведкарты. Вот и теперь полковник и начальник штаба засели вдвоем готовить артподготовку. Подсчитывались цели и количество снарядов, потребное (по

нормам огня) для их уничтожения. Определялось количество стволов и затрата времени на уничтожение целей. К вечеру синяя расцветка разведкарты была покрыта легкой раскраской красного карандаша: то были участки огня артполков.

Ночью Коробков начал готовить документацию для артчастей, но работу пришлось прекратить: предстояло срочно выехать в соседнее село, в артснабжение, для увязки вопроса о переброске большого количества боеприпасов на ОП. Ночь выдалась темная, светить фарами строжайше запрещалось. Навстречу подтягивалась конница Кириченко, заполнив всю дорогу и подняв густые тучи пыли. За колоннами конницы шли в два-три ряда танки. Встречная полуторка Коробкова, избегая возможности быть раздавленной танками, вынуждена была продвигаться пашнями.

На другой день начали прибывать командиры приданных артполков. Они рекогносцировали огневые для своих частей, которые должны прибыть ночью, занять огневые позиции, окопаться и изготовиться к открытию огня. Во вторую ночь Коробкову стало известно, что документацию надо готовить для шести прибывших артиллерийских полков и для своего полка, а также для двух дивизионов «катюш». Не считая артиллерии стрелковых полков, противотанкового дивизиона и батальонных минометов и «катюш», получалось двести стволов на два километра фронта. Другими словами, на десять метров фронта – одно орудие. На весь прорыв должно

быть израсходовано десять тысяч снарядов. За одну ночь вся эта уйма снарядов должна быть переброшена на ОП.

Всю ночь землянка штаба КАД была заполнена до отказа офицерами из частей, которым вручалась документация. Один Коробков не мог справиться с такой огромной работой, в помощь ему были вызваны несколько начальников штабов дивизионов. В половине четвертого утра последний офицер покинул землянку. Коробков две ночи не смыкал глаз, однако, выдав последние документы, он поспешил на свой наблюдательный пункт. Артподготовка должна была начаться на рассвете, в 5.00, сигнал – залп «катюш».

Было 4.30, когда Коробков вошел в землянку НП. Он присел на скамейку, намереваясь полчаса посидеть.

– Товарищ старший лейтенант, посмотрите, что творится, – обратился к нему разведчик Лопатин.

Коробков подошел к двери землянки, куда указывал Лопатин. Позади НП в низине длинной шеренгой выстроились автомашины с реактивными минометами. Отдыхать уж больше не хотелось.

– Мощный концерт будет, – сказал Коробков, достал из кармана часы: оставалось 15 минут.

Как медленно идут последние минуты! Не остановились ли часы? Поднес к уху: нет, тикали. Вот уж 5.00 что случилось? Уж не отложили ли? Хотя все напряженно ждали залпа «катюш», и все же как-то неожиданно шеренга машин вздрогнула, окуталась дымом, подняла страшный рев, через

НП полетели ракеты, оставляя за собой дымовые полосы. Но то, что последовало за этим, не поддается никакому описанию: небо как будто разверзлось, свыше двухсот орудий взревели, позиции противника утонули в сплошных облаках дыма. На мгновение Коробкову показалось, что на позициях врага какой-то кипящий океан, все слилось в одну дымовую массу, все клокотало, визжало, свистело, ухало.

Коробков стоял перед амбразурой, как загипнотизированный, наполненный гордостью за свой немалый труд, который он вложил в создание этой дьявольской кухни для «высшей расы».

После двадцатиминутной обработки переднего края противника стрельба вдруг прекратилась. В наступившей тишине противник покинул укрытия и приготовился к отражению атаки, но вместо атаки вновь рывкнула артиллерия, и артподготовка продолжалась еще десять минут. За это время пехота подползла вплотную к окопам. Как только огонь артиллерии был перенесен в глубину, стрелки ворвались в окопы немцев.

Примерно так была запланирована и выполнена артподготовка. Фронт немцев был прорван. В прорыв со своей конницей и танками устремился Кириченко во вражеские тылы, в Приазовье. А дивизия преследовала противника в направлении Горловки и совместно со 151-й стрелковой дивизией заняла Горловку. Обе дивизии получили наименование «Горловских».

24 октября он был награжден орденом

Отечественной войны II степени. Но его в дивизии уже не было. 19 октября 1944 года он был тяжело ранен и находился в госпитале. Будучи в госпитале, получил из отдела кадров дивизии выписку из приказа от 16 ноября 1944 года о присвоении ему звания «капитан». На лечение потребовалось пять с половиной месяцев, и даже после войны он три месяца находился в офицерском учебном дивизионе. Здесь он изучал артиллерию, тактику. Очень многому Коробков научился в дивизионе, и ему осталось только сожалеть, что не пришлось пройти эти курсы перед войной, тогда он избежал бы многих неприятностей. Но теперь надобность в его профессии отпала, и он демобилизовался 8 августа 1945 года.

Какое точное совпадение: Коробков 8 августа 1941 года был призван в действующую армию, в этот же день 1945 года демобилизован – ровно через 4 года.

Так воевал Коробков Даниил Ильич. Ему не приходилось совершить головокружительные подвиги, но и он честно отдал все силы для защиты Отечества.

Семью свою Даниил Ильич нашел в разрушенном Сталинграде, в Бекетовке. Жили они в старом бараке с провалившимися полами. На Коробкова свалились домашние работы: доставать дрова, ехать в район за картошкой, тыквой. На работу Даниил поступил на довоенное место, полевым исполнителем. После ранения и от голодовки чувствовал себя неважно, по ночам у него начинались страшные судороги ног. Жена вскакивала, растирала ему ноги. Несколько минут

длился каждый такой приступ. Утром, следуя из управления на объект, он отдыхал на каждом удобном для сидения месте. А рабочие, шедшие с ним вместе, стояли, ждали, когда кончится его отдых.

Но это была уже другая, послевоенная жизнь Даниила Коробкова.

Рудольф ПРОТАСОВСКИЙ

НАША РОТА

В августе 1942 года я успешно, без троек окончил ЛУ-ИРЗА – Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии, которое готовило специалистов – прожектористов и технический персонал по ремонту систем ПУАЗО, управлению огнем зенитной артиллерии. Мне присвоили звание лейтенанта, я пристегнул к петлицам гимнастерки два кубика и был рад несказанно, что сумел одолеть всю эту программу обучения. Меня аттестовали на должность командира зенитно-прожекторного взвода и командира зенитно-пулеметного взвода. Теперь можно и воевать. Позади тринадцать месяцев напряженной учебы, позади Ленинград, военные лагеря Красного Села и эвакуация в Омск. Все позади...

До моего восемнадцатилетия оставался один месяц. Сорок молодых лейтенантов втиснули в товарную теплушку и направили на формирование в Пензу. Вагон прицепили к товарному составу из открытых платформ, нагруженных телегами и сеном. Тащились медленно, не торопясь, часами простаивая перед красным светофором. Мимо нас проносились составы с горючим, танками, войсками.

Приехали в Пензу. Там в густом сосновом лесу за горо-

дом формировалась бригада. Меня, Сергея Крылова и Игоря Александрова направили на Воронежский фронт в Рязско-Тамбовский дивизионный район ПВО в 1-й отдельный зенитно-пулеметный батальон. Позже наш батальон получил номер 34 и вошел в состав 5-го зенитно-артиллерийского корпуса ПВО. Батальон формировался в городе Липецке.

Липецк, небольшой курортный городок, стал прифронтовым. По всему городу затемнение. Штаб батальона разместился в старом монастыре у реки. Несколько отдельных взводов батальона были разбросаны по Дону. Формирование задерживалось из-за отсутствия вооружения. Молодые командиры изучали уставы, оружие, ходили на стрельбище, а вечерами собирались всей офицерской братией в большой монастырской келье с узкими окнами, заслоненными старыми кленами и плотными шторами.

Там стояло десятка полтора кроватей и выдавшее виды пианино. Командир взвода управления лейтенант Лев Владимирович Либин мастерски владел этим инструментом. Каждый вечер старый ящик возносил под своды монастыря веселые и игривые рулады, а когда западали клавиши, Лева кончал мелодию бравурным маршем, колотя руками по лакированному верху крышки.

Приходит пополнение

Покраснели клены вокруг монастыря. Порывистый ветер

вместе с дождем швыряет на дорогу широкие разлапистые листья. Первый морозец застеклил лужи. В батальон стало приходить пополнение. Приезжали резервисты, приходили из госпиталей после ранений солдаты, народ все бывалый, умелый.

С Дальнего Востока прибыл старший лейтенант Подоптелов, он пятнадцать лет служил на сопках, командовал ротой. За ним пришел лейтенант Сергей Константинович Андреев, он окончил ЛАТУЗА в Томске и курсы зенитных пулеметчиков в Омске, ленинградец, до войны окончил музыкальную школу и затем год служил под Брестом. Вскоре за ним как снег на голову свалился к нам младший лейтенант Матусов Юрий Леонидович, мой однокашник по училищу. Он был направлен в полк, но по неизвестной причине его переправили к нам в батальон.

Младший лейтенант Матусов принял командование взводом в роте маньчжурского героя Подоптелова.

Взвод управления

Командир взвода управления Либин пришел в часть из резерва. До войны работал на Ленфильме, широко образован, типичный носитель питерской культуры, сегодня он подчиняется начальнику связи Николаю Ляшко. Ляшко молод, этакий здоровяк, характер выдержанный, личность весьма уважаемая в части.

Из вчерашних школьниц Лева сколотил настоящую боевую дружину. Было в его подчинении десятка полтора девчат да несколько парней.

Первыми на службу явились две девицы из 729-й роты, которая занимала позиции на станции Лев Толстой. Узловая станция зимой 1941/42 года подвергалась систематическим бомбардировкам. Юные телефонистки с тяжелыми катушками проводов тянули линии связи. Анна Коростелева с юмором вспоминала свою службу в 739-й отдельной зенитно-пулеметной роте. Фамилию командира она не помнит, потому назовем его условно капитан Х. Группа девушек из Тамбова, в том числе Анна со своей подругой Антониной Мавриной, прибыла на станцию Лев Толстой. Военного обмундирования для женщин в роте не было. Капитан Х. распорядился выдать им мужскую одежду: шинели, брюки, гимнастерки, ботинки и обмотки, а также все остальное нательное. Ботинки выдали сорок второго размера, за неимением других, отчего миниатюрные женские ножки частенько выпадали из них, а мужские брюки приносили им одни неудобства. А чтобы придать новым солдатам военный облик, капитан Х. распорядился всех девчат подстричь под первый номер. Преодолев отдельные акты сопротивления и истерик, мужественный капитан осуществил свою затею и укомплектовал свою роту оболваненными девчонками. Только приезд высокого начальства отменил капитанскую практику.

Следом за Анной и Антониной прибыла группа девушек

из Тамбова. Все молодые, красивые, среди них выделялась высокая блондинка Ольга Рыбальченко. Эти три подруги – Анна, Антонина и Ольга – пройдут вместе весь военный путь до самой победы.

Боевое крещение

Наконец-то лед тронулся и начинается настоящая служба. Вызывает меня командир батальона майор Л.

– Назначаю тебя командиром батареи МЗА, на правах командира отдельного взвода. Принимай пушки. Поедешь на станцию Елец, на оборону железнодорожного моста.

Машины загрузили снарядами, прицепили пушки – и в путь. Я сижу в кабине на первой машине рядом с водителем. Дорога петляет то вправо, то влево, однако устремляется на Запад. Ну, вот и приехали. Станция узловая. Более сотни вагонов скопилось на ее путях. Развернулись на насыпи. Пятьдесят метров до моста, сто пятьдесят до вокзала. Рокадная дорога. Вдоль фронта непрерывным потоком идут поезда. Здесь идет разгрузка, и походным маршем солдаты отправляются к передовой. Здесь загружают раненых для отправки в тыл. По двум путям идут эшелоны с горючим. Вся эта сила стремится как можно быстрее доехать, разгрузиться, погрузиться, промчаться, только бы успеть до рассвета.

С наступлением сумерек немцы сбрасывают САБы – фонари, освещающие все вокруг. Непрерывно наносят удары с

воздуха. Горят вагоны. Яркими вспышками, словно солнце поднимается из-под земли, взрываются цистерны с горючим. С эшелонов и санитарных теплушек бегут люди в поле, подальше от полотна, в белую заснеженную равнину, где их настигают сотни огненных шаров. На огневые доносятся крики и стоны. День за днем орудия ведут заградительный огонь. Защита моста – главная задача. Мост невелик – около сотни метров, однако он очень нужен, так нужен, что у Верховного Главнокомандующего Сталина в Москве на карте обозначены все наши огневые средства.

Гудит земля, да, гудит. Это не метафора. Она протяжно не умолкая стонет, терзаемая человеком. Тысячи осколков пронизывают воздух, разноголосыми звуками украшают сатанинскую симфонию разрушения и смерти. И так до утра.

Утром внизу под насыпью, где стоят орудия, возятся саперы, убирая шесть невзорвавшихся бомб килограммов по пятьдесят.

– Ну и ну! – удивляется наводчик Шишков. – Значит, пронесло!

Наступает ночь, и снова боевая работа. Молодцы прожектористы, уже несколько сбитых самолетов на их боевом счету. Сверкнет звездочка на луче и давай метаться, пытаюсь выйти из него. На помощь приходит второй, затем третий луч. Все! Теперь стервятнику конец! Артиллеристы скорректируют огонь и – баста! А если окажется на выходе из зоны огня, то там истребители ПВО. Пронижет небо цепочка

оранжевых, зеленых и красных светлячков, и в перекрестиях лучей звездочка взорвется. Вспыхнет красное пламя и все погаснет. Погаснут лучи, и снова почернеет небо. Затихнут моторы, прекратится стрельба.

Солдат Абросимов, орловский крестьянин, кричит:

– Товарищ лейтенант, отпустите в землянку сбегать. Сахар не успел съесть. А то убьют, жалко, что он останется.

У вокзала из досок сколоченная уборная, очков эдак на пятьдесят – для транзита. Стояла надежно, оправдывая свое предназначение. А тут в одну ночь исчезла. Килограммов двести бомба прямым попаданием снесла так всем нужное заведение. На мост ее немец чуть-чуть не довез.

Днем солдаты отсыпаются, усталые, замученные, но не теряющие мужества. Утром скорчился от боли солдат Шишков. Отправили в госпиталь. Через неделю звонок. Скончался в госпитале Шишков. Пробождение язвы. Поникли солдаты. Плачет Абросимов, друг и однополчанин Шишкова, с первых дней войны вместе воевали. Для меня это была большая потеря. Таких вечных тружеников, верных друзей может породить только русская глубинка, нравственный чистейший край.

Морозы все крепче с каждым днем. Никому не ведомо, какое сегодня число, какой день недели. Временное измерение потеряло всякий смысл. Весь этот кошмар всю жизнь вытянул в одну сплошную грохочущую ночь.

От Сталинграда идут обгорелые, простреленные, в прах

разбитые вагоны, черные от сажи. С каждым рассветом нам привозят снаряды, много снарядов. Мост спасаем заградительным огнем. Каждую ночь какое-то безумие заставляет бежать людей из эшелонов в поле, под бомбы. Сегодня снова бегут раненые из теплушек туда, где десятки ярких скачущих мячей беснуются на снежной равнине, бегут, чтобы остаться там навсегда. Как страшны их крики среди неумолкаемого ни на минуту грохота...

Однажды днем сгрузили снаряды, вдогонку шофер сбросил мешок.

– Это вам подарок от английского Красного Креста!

И уехал. Потрясли мешок. Оттуда на снег посыпались белые перчатки. Обычные простые, машинной вязки. Старшина Бредихин тут же начал их раздавать, каждому по паре. Солдаты с недоумением их разглядывали, примеряли, а потом стали смеяться. Подошли ко мне: «Товарищ лейтенант, а на кой хрен нам такие нужны? Это летом в них форситься можно». Я и сам был удивлен, но солдат успокоил. «Как ни смотри, а это подарок, на том спасибо! У них в Индии лето круглый год, а где такая Россия, возможно, многие и не знают, вот нам их и закатали». Но применение им нашли – под рукавицы надели. Я запустил руку в перчатку, а там листок белой бумаги. Листок небольшой, и на нем чья-то девчоночья рука по-английски написала послание. Написано красиво, старательно. Повертел листок в руках, солдатам показал, но, к сожалению, никто на батарее не знал английского языка.

ка. Но решили, что писала добрая душа и желала нам скорой победы. Как-то старшина попросил бумаги на самокрутку. Пошарил я в карманах, нашел листок. Жаль, конечно, но закурить при такой жизни на лютom морозе важнее. «Давай, старшина, закрути на двоих английскую сигару из русской махорки».

Подарки часто приходили изo всех уголков России. Присылали расшитые кисеты, мешки с махоркой. То-то была радость. Как-то мне из штаба батальона прислали расшитый кисет, школьница из Сибири просила вручить лучшему бойцу, вот начальство и выбрало меня. Однажды на станцию пришел вагон с подарками из Монголии, но разгрузить его не успели. Прямым попаданием бомбы разнесло вагон в щепки. Вагонов на станции уйма, немцы бросают бомбы не глядя, что-нибудь да разобьют. И разбили вагон-сейф, здоровенный пульмановский вагон с охраной внутри и под пломбой. Тяжелая крупновская плюшка угодила по вагону. Везли фронтовые денежки под Сталинград, но не довели. Фронтовые трешки и пятерки разнесло по всей округе. Поставили оцепление, что сгодилось – собрали, а обгорелые обрывки зеленых и синих купюр еще долго разносил ветер по снегу.

Уперлась зима выюгами, не хочет уходить. Небо мрачное. Бои идут тяжелые. Накинули наши удавку на шестую немецкую армию Паулюса. Осветило солнце заснеженные пристанционные поля, потянулись эшелоны с военнопленными. У всех вид жалкий, ободранный. Вагоны битком набиты. Кор-

мят их хорошо, но косая ходит по эшелонам, распорядится, как ей вздумается. Растопило солнце снег на насыпи. Поутихло небо. Пришел приказ моей батарее передислоцироваться на аэродром авиации дальнего действия под Липецк. Остался стоять целым и невредимым железнодорожный мост, а пустой коробок станции, миллионно израненный с четырех сторон, просвечивал насквозь.

Райские кущи

Аэродром, как островок в море, раскинулся в донских степях. Строили его основательно в начале тридцатых под руководством немецких специалистов. Сейчас здесь базируется дивизия ночных бомбардировщиков ИЛ-4 (ДБ-ЗФ) полковника Бровка.

В последнее время повадились сюда ходить стервятники-одиночки. Наши машины вернутся с задания, начнут снижаться, прожектора полный свет дают на посадку, а они нашим в хвост пристроятся, дадут по машине очередь, сбросят осколочные бомбы и на бредущем домой. Так несколько машин нам сожгли.

Пузатые, как саранча, Илы образовали эллипс на зеленом поле, прочерченном взлетной бетонкой. На этом эллипсе мы и установили свои пушки. На противоположной стороне, примерно метрах в пятистах, свои пушки поставил Игорь Александров.

Весна выдалась щедрая на солнце и дожди. Ни палатки, ни землянки не могли спасти солдат от вселенского потока. Все ходили насквозь мокрые да вшивые. Еще раньше, в Ельце, все завшивели. Всех чесотка одолела, никаких сил справиться с этим злом не было. Но вот пришла машина с батальона с врачом Ниной Петровной Макеевой. Поставили железные бочки, и давай белье жарить. Кому рукав, кому подол, а кому и весь комплект белья сожгли.

Все помылись в палатке, надели чистое белье, повеселел народ.

Не успели окопаться, как на батарее появился подполковник, заместитель командира дивизии.

– Во избежание неприятностей открывать огонь будете только по нашей трассе с командного пункта. Без нашей команды огня не открывать!

С батареи хорошо виден горб землянки – КП с установленным наверху зенитным пулеметом.

После Ельца аэродром – как райские кущи. Тишина круглые сутки. Тишина непривычна, она давит на виски, на уши, на глаза, на каждый нерв. И только вечером, когда солнце сваливалось за горизонт, приходили автобусы, и степь оживала. К машинам шли пилоты, штурмана, радисты, стрелки. Рокот моторов будоражил тишину. С командного пункта подавали ракету, и машины одна за другой уходили в далекий рейс.

Батарея окопалась обстоятельно. Орудийные дворики,

землянки – все построено умело, грамотно, мне отдельную землянку соорудили. Это все заслуга моего помощника старшины Василия Бредихина. Ему тридцать лет, служил еще до войны, опыт армейской жизни у него богатый. Я внимательно слежу за ним, учусь у него житейской мудрости, знаю твердо, что он меня никогда не подведет.

Мне интересно наблюдать за поведением солдат. Однажды постелил на край окопа, на бруствер, фанеру и разбираю револьвер – решил почистить. Рядом на снаряжных ящиках, почесывая мокрый от жары живот, лежит сержант Исаев и философствует.

– Ну и жизнь здесь, товарищ лейтенант, прямо санатория, сколько дней стоим, и ни одного выстрела не сделали. По правде говоря, не думал я, что мы оттуда живыми выберемся. – Рыжая, вся в конопатинах физиономия полна блаженства. – Вот посмотрите на Кравцова, как он раздобрел, поди домой возвратится, его старуха и не признает. А бабы скажут: смотри, Анюта, нарком какого красавца из твоего хрыча сделал!

– Ты все брешешь, Исаев! – беззлобно сказал подошедший Кравцов.

Исаев пришел на батарею из госпиталя после ранения и был назначен первым наводчиком, молодой, расторопный сержант, с медалью «За отвагу» на гимнастерке. Кравцов – второй наводчик, он солдат последнего набора, выглядит молодцевато – высок, строен, крепкие крестьянские руки.

– Вопрос к тебе один есть, – обращается Исаев к Кравцову, – скажи, пожалуйста, что такое ПВО?

– Известно что, противовоздушная оборона.

– Ну я так и знал, темнота ты деревенская, – тяжело, со вздохом посочувствовал Исаев, – это значит: пока воюют, отдохнем.

Солдаты прыснули со смеху. Особенно пронзительно и голосисто смеется младший сержант Николай Шкуренко. Он бывший партизан, воевал у Ковпака, был ранен, его самолетом вывезли в Среднюю Азию, а после госпиталя прибыл ко мне с разбитой кистью правой руки. Исаев все свое несет, потешается над стариком.

– А теперь ты скажи мне, Кравцов, что такое ВНОС?

– А это воздушное наблюдение, оповещение и связь, – четко отвечает Кравцов.

– Эх, Кравцов, Кравцов! Долго еще тебя отесывать надо. Запомни: ВНОС – это война нас обойдет стороной. Ясно?

Однажды сижу в землянке, пишу письмо своей подруге однокласснице Амине Араслановой. В землянку просунулась голова Кравцова.

– Товарищ лейтенант, командир едет!

Я выскочил из землянки. Огибая зеленое поле аэродрома, идет полуторка, оставляя за собой черный шлейф. Машина издавала такой треск, словно ломали старинный дубовый шкаф. Я рапортовал командиру, глядя на красные прожилки, избородившие молодое лицо, и синеву под глубокими

голубыми глазами майора. От командира несло винным перегаром. Майор обошел батарею, дал вводную для первого орудия. Проверил наводку, затем молча пошел к машине. Я шел рядом. Остановившись у машины, майор смерил меня с ног до головы, увидел мои прищуренные глаза и, наверное, подумал: сопляк какой, а смотрит, словно я задолжал ему. Крепко сжал зубы, отчего его рот неестественно скривился, а желваки заходили на скулах, и с нескрываемым озлоблением процедил:

– Ты у меня, Протасовский, смотри!

Погрозил пальцем под самым моим носом и сел в машину. Черный шлейф дыма снова опоясал аэродром.

Свою карьеру майор Л. начал с кавалерии. Образование его было весьма низкое, несколько классов сельской школы, но он, похоже, был хорошим кавалеристом, остался на сверхсрочную службу и служил стране верой и правдой. Дослужился до капитана. Началась война, и с новым назначением получил звание майора. Кавалерия была кузницей командирских кадров Красной Армии. Высокий, красивый, с вьющейся шевелюрой, он горделиво сверкал никелем блестящих пряжек на новых ремнях.

Своего сбили

Ночь. Облака низко плывут над землей. В просветах то и дело появляется луна. Наполнит землю желтым сиянием и

снова спрячется за облака. Степная ночь настояна на крепком растворе тишины. Весь мир вокруг спит глубоким сном. До солдатского уха доносится звенящий рокот мотора.

– К бою! Тревога! – Все расчеты заняли свои места. В разрыве облаков появляется силуэт «мессершмита». Взяли цель в перекрестие. Ведут. Ждут команды. Новое облако скрывает цель. Солдаты волнуются, со всех орудий кричат: «Товарищ лейтенант, почему нет команды?» И тут же раздались разрывы бомб. Наконец появилась долгожданная трасса с КП. Полоснули зенитки в небо вслед проходящему самолету. А тут новая цель появилась. Идет тем же курсом. Перенесли огонь на нее. Но облака! Они снова начисто закрывают небо, а вместе с ним и самолет.

Утром выяснилось, что на КП замешкались, не могли понять, чей самолет. Упустили стервятника. А вторым самолетом шел наш ИЛ-4, возвращался с задания. Его не ждали и встретили огнем. Два бронебойных снаряда ему пришлось принять. Один в маслбак, другой в шасси. Шасси заклинило, и пришлось ему сесть на пузо на ложном аэродроме. Экипаж, к счастью, не пострадал. Через день мимо наших пушек трактор протащил самолет в ремонтные мастерские, в огромный ангар, стоящий в нескольких километрах от взлетного поля.

Недели через две появился другой пират – Ю-87, пикирующий бомбардировщик. Спикировал, побросал бомбы и ушел. Встретили его дружным огнем обе батареи. В этот раз

все обошлось без потерь.

Летающий артиллерист

Жаркие бои развернулись на Орловско-Курской дуге. Каждую ночь самолеты вылетают на передний край, иной раз по два вылета в ночь. Вернутся ребята из рейса, поставят машину, вылезут наружу и падают под крыло, лежат, отходят.

Рядом с батареей стоит ИЛ-4 с украинским экипажем. Три Николая: летчик, штурман и радист. Все профессионалы с довоенным стажем. Ребята простые, славные. Штурман на Николая немцы сбили в сорок первом при дневном полете. Многие наши парни тогда погибли, пока не сообразили перевести их на ночные полеты. Укрыла Колю одна хохлушка, выдала его за своего мужа. Оброс, вид страшный, больной. Пошел с ее сыном за хворостом. Навстречу по дороге немцы идут строем, смеются, все здоровые, на него посмотрели с пренебрежением, как на старика-доходягу. А высоко в небе наши самолеты на Запад идут. Сжалось от боли сердце у Николая, захолодело. И думает: вот бы мне сейчас быть там, наверху, посмеялись бы вы, сукины сыны! Подлечился, пошел к своим, долго блуждал по лесам, перешел фронт и вернулся в свой полк. Вечером пришли автобусы. Забегает в землянку Николай – радист: «На, лейтенант, спрячь пока!» – и подает мне канистру, увесистую флягу спирта с глицерином – антиобледенителем.

Теперь перед полетом ватага соколов заполняет землянку, вытащат флягу из-под нар, дернут по чарке и разбегаются по машинам.

Среди бела дня заявляется ко мне Николай-пилот.

– Летал когда на самолетах?

– Нет, не доводилось.

– Садись, летаем. Свечи поменяли, два часа налетать надо.

Оружейники, ребята молодые, стоят у машины, посмеиваются: «Лейтенант, штаны запасные прихвати, пригодятся». Сел я в штурманское кресло, напялил шлемофон, Николай показал, как включить ларингофон. И взмыли в небо. Пилот поет, забавляет меня шутками. Увидел на лугу пасущихся коров и закричал: «Смотри, как гвардейцы летают!» – и всю многотонную двухмоторную громаду бросает в пике на коров. Меня к сиденью придавило, как пришило, не повернуться. Смотрю в иллюминатор в проем у мотора, а там все коровы, бедные, по сторонам разбегаются. Николай смеется, маневром доволен, его машина надежная, сам Коккинаки ее на заводе испытывал, мертвую петлю сделал, о чем есть запись в формуляре.

До войны вся авиация была в руках военных. Все мальчишки завидовали летчикам. Они в зените славы – герои-полярники, Чкалов, кинофильм «Истребители». Дух захватывало! Сегодня мне восемнадцать лет. Знаю, для меня это самоволка, знаю, что рядом «мессеры» шастают, как у себя до-

ма. Ничто меня не останавливает. Капитан-пилот приглашает – я с ним лечу. Саша, пилот из Москвы, зовет – я лечу. С десяток часов налетал на боевой машине. А вот оружейники из БАО не летают, боятся. Если прикажут – другое дело. Мне их не понять. Знал бы генерал Громадин, что у него такой отважный летающий артиллерист объявился, наградил бы меня медалью «За отвагу» и направил бы на стажировку в штрафной батальон.

Довелось мне познакомиться с командиром дивизии. Днем на огневые пришел полковник Бровка. Вид внушительный, интеллигентный, на плечах плащ-накидка.

– Покажи, лейтенант, из чего по самолетам стреляют!

Я расчехлил орудие, рассказал о тактико-технических данных, показал прицел, крутанул штурвалы. Он попросил воды. Принес железную кружку. Полковник достал из кармана белую упаковку, высыпал порошок на язык и запил водой. Все летчики его любили, ласково называли бате́й. На самые трудные задания он всегда ходил вместе со своими полками.

Новое пополнение

Под Орлом продолжают тяжелые бои. Передний край обороны пилоты узнают издали. Широкая полоса огня, пожаров, взрывов тянется по всему переднему краю.

Днем на батарею пришла машина. Из кабины вылез майор Л. Из кузова машины выпрыгивают девчата. Сбились

стайкой, стоят, оглядываются, все в гражданском облачении: платица, туфельки, беретки.

– Принимай пополнение, будешь их обучать! – скомандовал майор. Ничего смотреть не стал и ни о чем меня не спросил. Подошел вплотную, погрозил пальцем и добавил: – Смотри, не женись! – И погрузился в машину. Позволили из штаба и приказали группу солдат направить на формирование новых частей. Сотни солдат прошли через мой взвод. Только подготовишь, выучишь, сроднишься с каждым, тут и провожать пора. Сколько и каких смелых ребят отправил в Сталинград? Ни одной весточки не пришло. Вот и сегодня надо назвать имена тех, кто должен выбыть. Как это казнит сердце. Как тяжело прощаться с друзьями. Обнялись, похлопали друг друга по плечу и пошли, закинув свой вечный спутник, вещевой мешок, за плечи.

Сегодня день особенный – вместе со снарядами пришла почта – газеты и письма. Из кабины выпорхнула сержант Валя Арно, наш комсорг части, ее приезду всегда рады. Девушка очаровательная, черные кудри полощутся на ветру, огромные глазища источают такие флюиды, что я от страха свои глаза прячу. Не знаю, куда деваться.

Получил письмо от Амины. Письмо выполнено как граммофонная пластинка – архимедовой спиралью. Сколько времени надо потратить на такое сочинение? На душе моей радость несказанная. Сегодня буду ей писать ответ, если получится – то в стихах.

Со дня на день ждем новый приказ. Вперед, на Запад!

Капустное поле

Сильно напирал немец, даже местами потеснил наши войска. Но пришел день и нашего наступления. Это была жестокая и кровавая битва, где целые дивизии таяли как свечи.

По узкой дороге среди минных полей в прорыв устремились наши войска. Дорога забита так, что ступить некуда. Машины, повозки, трактора с пушками. Длинная, нескончаемая вереница разномастных частей движется медленно. Наш батальон передвигается на машинах. Совсем стемнело. Впереди машина с начальником штаба Торопиным, в его руках маленький чемоданчик. Он усердно за собой ухаживает, любит всякие кремы, одеколоны и пудру. Над ним в управлении посмеиваются. Его машина в полной темноте нырнула в воронку, и бедный начальник вылетел из кабины со своим чемоданчиком на минное поле. Долго там ползал, собирая свою утварь. У меня в кузове боекомплект снарядов, на прицепе пушка. Водитель хороший парень, опытный, но устал зверски и утром задремал на спуске с крутого холма, хорошо, что я не спал, увидел, как машина на столбы пошла, схватился за руль. Секунды спасли нас.

Привезли нас к железнодорожному мосту, мою батарею и пулеметную роту Подоплелова сгрузили и приказали занимать позиции. Мост стратегически важный в направлении

главного удара наших войск.

Речушка неширокая, метров двадцать пять, но глубокая. Развернулись на ее приподнятом левом берегу. Правый берег с небольшим перелеском притоplen. За перелеском на минном поле торчат сочные капустные кочаны. Инженерные работы закончили поздней ночью, и когда закатали пушки в орудийные дворики, все улеглись спать.

Капустное поле за речкой солдат раздражает, солдатская жратва надоела. Эх, капустки бы! Сергей Андреев достал лодку, прихватил с собой солдата и айда на другой берег. Идут, через проволочки-ловушки перешагивают. Вот уже поле рядом. И тут – вжах! Рвануло. Упали и ползут назад. Сергей весь в крови, ногу волочит, кровь по всему лицу, мочку уха оторвало, осколки в спине, в ноге и в заднице. Отвезли в санбат. Вынули хирурги немецкие жестянки из Серезьки, подтолкнули его коленкой в зад, и нога его сама пошла.

Рекогносцировка

Рано утром, с первыми лучами солнца, я направился на рекогносцировку местности. Надо своими глазами посмотреть окрестность огневых позиций. Тропка долго петляла вдоль речки, пока не вышла на проселочную дорогу, проходившую примерно в двух километрах от огневых позиций. Всю дорогу приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на растяжку противопехотной мины. Местность во-

круг красивая, пересеченная полями и оврагами, лугами и перелесками. Я полной грудью вдыхал неповторимую свежесть летнего утра. Дорога нырнула в долгий овраг, а потом поползла к лесу. Кругом тишина, ни одной живой души. И вдруг на дороге появилась женщина, еще не старая, но уже и не молодая. Увидела меня. Остановилась, затем бросилась бегом ко мне навстречу.

– Сынок, дорогой, милый, освободитель наш! – причитала она по-матерински, обнимала и целовала меня. К груди прижимает, сама плачет, слезы по лицу текут, стала гладить мои плечи иссохшими жилистыми руками, слез не утирает, приговаривает: – Вот наконец-то пришли, свои пришли, родные освободители.

Я никак не ожидал такой встречи и растерялся, не знал, как вести себя и что говорить ей. Во время жарких сражений все жители скрывались в лесу, а теперь стали выходить к своим домам. Вот я и оказался первым командиром Красной Армии на ее пути.

Здесь проходили тяжелые танковые сражения. Танкисты и пехота ушли далеко вперед. Я замялся...

– Простите, пожалуйста, ваши освободители уже на танках ушли далеко вперед...

Но она меня не слушала, смотрела на меня и расставаться не торопилась.

– Вот какая форма нынче у наших. Погоны. Красиво!
Все лицо ее светится радостью.

Поселок у реки скрылся, спрятался в заросших садах. Сказочный город-мираж, чудом уцелевший от огня, молчал от горя и скуки. Пустой и одинокий, ни человека, ни курицы, ни паршивой собачонки.

Противоположный берег реки высокий, и за ним уходящее за горизонт, ровное как стол, поле. На поле застыли стальные громады, свыше сотни танков, а может быть, и больше. Все они, и наши и немецкие, перемешались нелепо. Стоят бездыханные великаны с оторванными стволами орудий, с пробоинами в толстой лобовой броне, другие стоят как телеги со сброшенными на землю башнями. Одному танку снаряд угодил в дульную часть ствола, выходное отверстие разворочено. У многих машин перебиты траки, и их гусеницы распластались по земле. Сгоревшие в жарком пламени, все в дырках, стоят лендлизовские «шерманы», их много, очень много, и у всех одна участь. Среди них кое-где покоятся тридцатьчетверки. По всему полю между ними, словно пауки-крестonosцы, заснули приземистые, с черными крестами на боках, немецкие танки. Их тоже много. Сражение было адское, броня шла на броню. У реки окопы в полный профиль, это немецкая линия обороны. Землянки оборудованы капитально, устраивались, видимо, на всю жизнь, все продумано до мелочей. Полочки, крючочки, занавески. Кругом разбросаны записные книжки, письма, сотни фотографий. С них улыбаются счастливые молодожены, женихи и невесты, любимые подруги, ухоженные, раздетые

дети. Сейчас вся эта человеческая память мокнет под дождем. Их владельцы – женихи, отцы, братья – сброшены в глубокий ров-окоп, который они так старательно сами себе вырыли на Орловской земле.

Над мертвым полем стоит тяжелый смрад пожарища. Ни дождь, ни роса, ни ночь, ни яркое солнце не могут с ним справиться. наших танкистов похоронили на городском кладбище. На этом поле среди разбитых танков остался только один холмик, небольшой, сверху огрызок фанеры, на котором карандашом выведено: «Прощай, Костя!» Рядом лежит каска, а в ней кровь.

Солдаты сорок первого

За моими огневыми ивняк полосой стоит. Припрет кого по нужде, ремень распустит и бежит за кусты. Отсидит там облегченный счастливчик положенное время и назад возвращается. Неделю туда ходили. А тут саперы пришли с длинными искателями. Повозились вокруг огневых и скомандовали: всем к реке и головы не поднимать. Только спустились, раздался взрыв, снаряд взорвали. Вышли, смотрим – нет нашего кустарника. Неделю ходили, судьбу испытывали.

В речке вода чистая-пречистая, прозрачная, все камешки на дне видны. Среди них останки наших солдат лежат с сорок первого года, обмывает вода косточки, пряжки на ремнях и звездочки на пилотках.

Моя батарея простояла недолго. На обороне моста осталась рота Подоплелова, а мне было приказано все вооружение передать в другой полк. Жаль было расставаться с пушками, с которыми породнился. Меня назначили командиром зенитно-пулеметного взвода и ввели в состав роты лейтенанта С. На вооружение я принял крупнокалиберные пулеметы ДШК. Автобатовские машины доставили мой взвод в район станции Стальной Конь, недалеко от Орла. Назначение необычное – надо было оборонять фронтной склад боеприпасов.

Борода

Песчаный карьер недалеко от станции Стальной Конь. Траншеи глубокие, длинные, более сотни метров, все забиты боеприпасами. Снаряды всех систем и калибров, как наши, так и немецкие, трофейные. Кругом пусто, ни дерева, ни куста, только одна колючая проволока по периметру. Установили пулеметы, окопались, и начались занятия по огневой подготовке. На всех огневых установили на шестах модели самолетов для тренировок.

Лейтенант С. был взводным, подружился с командиром и недавно получил повышение на роту, на огневых бывал мало, все мотался по каким-то заданиям командира части. Внешность его была весьма приметная. Тощий как скелет, если садится, то свои кости раскидывает по сторонам, но-

ги неестественно выворачиваются назад, а руки превращаются в две сложные спирали. Лицо узкое, волосы черные как смоль. Лет ему за сорок. Хитер и коварен, как беглый цыган. Все его разговоры сводились к одной теме: где, когда и кого он обманул. Носил бороду клином, за что получил прозвище Борода.

Отношения у меня с ним сложились нормальные, он часто покидал роту, и я всегда его замещал, занимался огневой подготовкой своих солдат. Никаких оснований для конфликтов у меня с ним не было. Но, как известно, вечной благодати для человека на земле не бывает, благодать может быть только на небе.

Полдень. Жара припекает так, что деваться некуда, тень можно найти только в землянке или в окопе. Позвонил ротный и вызвал меня на КП. Это деревянное строение, небольшое, но уютное. За столом восседает Борода и стучит по выдвинутому ящику костяшками. Расспросил меня о том, о сем и распорядился:

– Протасовский, я выезжаю в штаб батальона. Оставайтесь за меня!

Опять я остался один наедине с ротой на гигантской пороховой бочке. Сажу у телефона и размышляю: попади сюда самая маленькая бомбочка противопехотная рассеивающаяся величиной с ладонь, всю окрестность разнесет до самого горизонта. Спасения здесь никому не будет. Здесь прятаться некуда, здесь для всех одна судьба тонущего корабля.

Своих грабим

Через пару дней Борода вернулся и снова обращается ко мне:

– Дай мне Колю Шкуренко до штаба съездить. Останешься за меня.

Коля, молодой паренек, воевал у Ковпака в партизанах, был ранен и вывезен в тыл, а когда подрос, его мобилизовали. Звание у него младшего сержанта, служил у меня наводчиком.

Через двое суток Коля вернулся один, усталый и голодный.

– Ну что, Коля, что ты так долго пропадал, а где ротный?

Смотрю, Коля замялся, говорить не торопится. Свою любовь он ко мне не скрывал, ходил по пятам, что называется. Я смотрю на него и молчу, не тороплю, пусть сам созреет с ответом.

– Командир роты в штабе остался, – посмотрел по сторонам, оглянулся и, понизив голос, продолжил: – Говорить не велели. Стадо овец в тридцать четыре головы перегонял на живодерню.

– Иди, Николай, выспись.

Спустя некоторое время раздался звонок из штаба. Звонил С.

– Если тебя кто будет спрашивать командира с бородой,

говори, что у нас такого нет, и я не знаю. Номера части и фамилию командира никому не говори! Понял меня, Протасовский?

– Я вас понял.

Да, я его хорошо понял. Нищий, разоренный колхоз ограбили. Борода преступник, да кому об этом скажешь?

Вечером к домику, где разместился КП роты, подъехал «виллис». Из машины трое молодых краснощеких парней с автоматами. За ними степенно вылез плечистый полковник с черной окладистой бородой, интеллигентный старик.

Полковник вошел на КП как к себе домой. Представился: из заградотряда.

– Какая часть, кто командир, есть у вас офицер с бородой? – спокойно, по-домашнему начал допрос полковник. Я понимал свое нелепое положение, но начал юлить, таким полоумным дурачком рисоваться, а у самого кошки на душе скребут! Полковник не стал слушать мою чушь и прервал меня.

– Слушай, сынок, – он даже не счел нужным назвать меня по званию, мягкие отеческие глаза пригвоздили мою голову к воротнику, – послушай мой добрый совет: говори правду. Иначе увезу тебя! – он кивнул в окно, в сторону автоматчиков. – Ведь они за тобой приехали.

Влезать в преступную игру с Бородой я не стал и назвал номер и адрес части, фамилию командира.

«Виллис» мягко рванул с места и увез неожиданных гостей.

Избавление от свидетелей

Через трое суток Борода вернулся, но бороды у него уже не было.

– Эх ты, мальчишка, чего испугался! Смотри, худо тебе будет! – пригрозил он.

И тотчас на меня напустился.

Через несколько дней Колю Шкуренко вызвали в штаб с вещмешком. Его направили в маршевую роту, и в первом же наступлении Николай погиб. Прошла неделя. Раздался звонок. Меня к телефону вызывает майор Л. и начинает отчитывать.

– Ты, Протасовский, совсем надоел, распустился, командира своего не слушаешь, распоряжений не выполняешь. Мой приказ. Передай взвод помощнику и утром являйся в штаб части. Пойдешь в штрафной батальон!

И бросил трубку. У меня грудь сдавило от негодования.

Я вызвал старшину Бредихина и рассказал о разговоре с командиром части.

Старшина замер, сжал зубы, не знает, что сказать.

Утром, забросив вещмешок за плечи, я пошел прощаться с солдатами. Вошел в землянку. Все встали. Оцепенели старики, в глазах слезы, головы поникли. Приехал в штаб, встречаю начальника штаба. Он ласково меня за плечи обнял.

– А, Протасовский, приехал! Сходи в столовую, подкрепишься, захвати почту и возвращайся в роту.

Я растерялся. Неужели он не знает о моем вызове.

– Так ведь мне сам майор звонил.

– Знаю, знаю! Майор выехал в штаб корпуса. А ты поезжай в свою роту!

Я в недоумении от этого циничного фарса побрел по коридору. Навстречу мне идет капитан из СМЕРШа. Остановился. Поздоровались. Он хлопает меня дружески по плечу и говорит:

– Не расстраивайся, Протасовский, все в порядке, возвращайся в свою роту!

Встретил меня Бредихин, выслушал и говорит: видимо, вам командир подлость какую-то готовил, да сорвалось. К сожалению, память моя не сохранила фамилии капитана из СМЕРШа. Видимо, он был одним из тех, кто заслони́л меня от расправы.

На бункерах

В январские морозные дни сорок четвертого войска Первого Белорусского фронта перешли в наступление и освободили железнодорожную станцию Калинковичи. Станция – только название на карте. Самой станции и пристанционных построек нет. Только местами кое-где из-под снега выглядывает битый кирпич, да стоят на обочине полотна полураз-

рушенные, сложенные из шпал бункера, с сохранившимися надписями по бокам «Ахтунг! Раухен ферботен!». Единственное строение здесь, чудом уцелевшая будка на переезде.

Вплотную к железнодорожному полотну подступает лес. С одной стороны высоченные корабельные сосны, с другой – мелкий ельник с корявыми низкорослыми сосенками.

Лейтенанта С. с нашей роты сняли, командование ротой принял старший лейтенант Покуда, а я, как и прежде, командовал первым взводом роты.

Выгрузили роту из новых автобатовских «студебекеров». Покуда подает команду, кому и где занимать позиции. Указал вероятное направление нападения танков противника: северо-запад по лесной дороге.

Старший лейтенант Покуда средних лет, плечистый украинец, до войны работал в аппарате горкома партии Киева вместе с Хрущевым. Характер мягкий, покладистый, с таким командиром воевать можно. Он сочинял планы учебы, потешал нас смесью русского с украинским, а мы, взводные, жили по ритму, заведенному войной: спать, есть, стрелять, тренировать расчеты. День стоит морозный и сумрачный. Погода нелетная. Лесная тишина изредка нарушается уханьем орудий, стреляли где-то далеко за лесом.

В полночь на станцию тихо, по-кошачьи, подкатил паровоз-«кукушка» с несколькими вагонами. Сгружают ящики с боеприпасами и провиантом. Тут же ездовые нагружают все

это добро на сани и везут на передний край. Вместе с ними группа солдат тихо и без команд уходит в лес. Все в новых шубах, шапках и меховых рукавицах.

Наши солдаты шебуются у вагонов, болтают с ездowymi. Среди них и мой проныра младший сержант Костя из Кронштадта, фамилию его не помню. Этот так не уйдет. Не дадут, так сам стащит. Костю ко мне прислали на исправление. Служил он в роте Подоплелова, крупно с ним поскандалил и попал ко мне. Здесь, как правило, всех воров, уголовников, скандалистов и просто задир-драчунов направляют ко мне. Был я – как и все другие командиры, ничем особым не отличался и специально никого не воспитывал. Просто со всеми ладил, конфликтов со штрафниками никогда у меня не было, и ни одного бранного слова от них не слышал. Были у меня такие орлы, которые провели за проволокой по десять-пятнадцать лет. Все они оставили о себе хорошую память исправных солдат. В ту пору я был самым молодым офицером батальона, минуло мне только девятнадцать лет.

Землянку-контур мне продолбили у бункера второго расчета. За землянкой в канаве лежит здоровенный рыжий немец с автоматом, словно кого-то высматривает.

Голова крупная, лицо простое крестьянское, у самого носа небольшое синее отверстие.

– Теперь эта немецкая падла вас будет охранять, – острит сержант Исаев, – там, за дорогой, штук пятнадцать немецких ног из-под снега торчат. Может, стащить его туда? – предла-

гает он свои услуги.

– Не надо! Черт с ним, пусть валяется, похоронники заберут.

В обед старшина роты Павлов всем наливает по сто грамм фронтowych. Подает жестяную кружку с видом благодетеля, как дарит. А сам порции заначивает, наливает не каждый день. Павлов пройдоха. Одет во все новенькое командирское, сам стройный, с тонкими девичьими чертами лица.

Сожгли пирата

День проходит за днем под морозным куполом неба. Мороз не спадает. Печка дымит круглые сутки. Солдаты с мороза, то и дело забегают в землянку погреть руки. Немцы притихли, готовятся к наступлению на нашем участке. На станцию везут и везут грузы, они растут штабелями слева и справа от полотна.

В конце февраля прояснилось небо. Среди бела дня незаметно с тыла ринулись стервятники на станцию. Семерка пикирующих бомбардировщиков Ю-87 шла вдоль полотна. Один за другим. Небольшое пике, и взмывают вверх.

– Трах-тарарах! – Первые комья промерзшей земли взлетели вверх.

Затрещали штабеля ящичков.

– Тревога! – на КП бьют в рельс. Я спрыгиваю в окоп у бункера Гущина. Над головой пронзительно тарахтит ДШК.

Вдруг удар. Земля, смешанная со снегом, обрушилась на расчет. Ствол пулемета свалился на поребрик огневой.

– Гуцин, вы живы?

Он мне что-то говорит, но из-за грохота ничего не слышно. Он машет рукой: все в порядке. Сошник пулемета выскочил из-под скоб. В считанные секунды пулемет водворен на место и снова тарахтит. С плеч и с воротника я сбрасываю грязь. Шпала из бункера от удара выехала и теперь торчит над моей головой. Заход за заходом. Летят низко, угловые скорости большие, прицельность огня плохая. Отважные девчата Графская и Антонова только успевают встречать один самолет и провожать другой. Только каски мелькают. Сколько длился этот кошмар? Наверно, всю жизнь. В последних заходах застрекотали скорострельные пулеметы, стервятники решили пройтись по нашим головам. Отбомбились и ушли на север, ушли семеркой. Последний заметно отстал, оставляя за собой черный шлейф. К своим тянет, за передний край. Да, для такой станции девять стволов явно маловато.

Только стихло над станцией, как на переезде заурчал мотор. Это Люба с боеприпасами. С ней в кабине начальник штаба Гришин. Все это время они пролежали в кювете за станцией и выжидали. Гришин спрыгнул с машины и к нам на огневые торопится. Поздоровался, видит, солдаты потные и грязные, среди горячих гильз лежат. Мне приказ отдает:

– Ступай к пехоте, узнай, где сел самолет. Принеси завод-

ской номер.

Пошел я к переднему краю к пехоте один, карты нет, только компас да револьвер сбоку. Поставил его на боевой взвод. Сначала дорога шла прямо, потом пошла в сторону. Свернул на протоптанную тропу. Идти тяжело, ноги проваливаются. Среди лесной тишины редкие звуки: фью! звеньк! – шальные пули залетают. Снова дорога, другая. На дороге танк Т-34 стоит.

Солдат с гаечным ключом по железному телу, как жук, ползает.

– Привет, братишка! Случайно не видел горящего самолета?

– Как же, видел, над озером прошел, в дыму был. Ты, лейтенант, этой дорогой не ходи, она прямо к немцам ведет. Видишь, как меня разделали?

Посмотри!

– А где пехотинцы?

– Они справа, за озером. А здесь только мы.

Смотреть, как разделали немцы наш танк, у меня времени не было. И я поспешил напрямую через лес. Перелезал сугробы, обходил завалы. Сухие ветки предательски трещали под ногами на весь лес. Стало совсем темно, когда появились очертания дома. Обошел дом, постучал. Двери открыл старик. Я устроился на полу, подстелив старый кожух, и сразу заснул. Утром проснулся, осмотрелся. Хатенка малая. За столом девушка лет тринадцати смотрится в зерка-

ло и ленточками себя украшает. Девочка красивая, черново-
лосая, как цыганка. Как все здесь близко: смерть и ленточки.

– Живу вот с младшей, – поведал старик, – старшая с тан-
кистом на танке уехала. Отговаривал, не послушалась. Те-
перь с ним вместе воют.

Несколько хат у дороги. Все пустые. Одна снарядом раз-
ворочена. На дороге оживление. Идет группа солдат: у кого
рука, у кого голова в бинтах, у других шинели внакидку.

– Вчера над нами прошел ихний самолет, да взорвался та-
ма, ажно лес полон дымом был, – говорил старый усатый сол-
дат, рука на перевязи.

Остальные головами кивали. Видели, видели!

Вернулся я в свою роту и доложил обо всем начальнику
штаба по телефону.

Над зеркалом воды

Прорвав оборону противника, наши войска продвинулись
вперед километров на двести, образовав мешок. В горлови-
не мешка Припять, протекающая в большой широкой пой-
ме. Вот сюда и нагрянули строители возводить временную
железнодорожную переправу-однопутку.

Нашу роту срочно передислоцировали с Калинковичей
сюда, на переправу, тут до Мозыря рукой подать, километ-
ров пять будет, там разместился штаб нашего батальона.

Переправа растет на глазах. Длина с насыпной частью

1400 метров, над зеркалом воды – километр. Работа ведется круглые сутки, ночами площадка освещается прожекторами. Везут, несут, заколачивают, торопятся. Грохочут бабы, забивая сваи. Впечатление вселенского хаоса, однако, в кажущемся хаосе просматривается четкая координация всех работ.

Спокойно и тихо над полноводной рекой. Высоко в небе, едва видимая простым глазом, висит «фокке-вульф», немецкая рама, словно любитесь новостройкой.

Второй взвод лейтенанта Каганова занимает позицию слева от дороги, на косе, в зарослях ивняка. Третий взвод младшего лейтенанта, назовем его по имени Слава, справа от моста на берегу реки.

Младший лейтенант Слава высок ростом, сутуловат, с одутловатым лицом и большими круглыми, как у совы глазами. За его плечами один курс института, пришел к нам после ускоренных фронтовых курсов. Слава хорошо воспитан, начитан, остроумный и быстро со всеми сдружился. При всем при том он отличался от других болезненным честолюбием. Бывало, на ротной кухне, в ожидании своего котелка со щами, мы забивали в балду – я, Семен и Слава. Мы с Сенькой балду проглатывали, хотя радости не испытывали. Но если Славка оказывался балдой – святых выноси! Глаза его краснели, лоб покрывался испариной, подбородок начинал дрожать, и на глазах блестели слезы.

В моем окружении до войны были ребята куда талантливее его, но подобного видеть мне никогда не доводилось. Та-

кие характеры терпимы в окружении равных, но упаси боже, попасть под власть такого начальника или командира, таких дров наломает, что мало не покажется.

Мой первый взвод располагается на старой насыпи полотна дороги, выступающей далеко вперед, врезаясь в воду. Старая насыпь возвышается над новой дорогой-переправой, как вулкан.

Справа от насыпи, внизу, на широкой отмели размещались КП роты, баня, кухня и гауптвахта. У обреза воды встали две уборные трехстенки с видом на противоположный берег, заросший лесом.

Сзади, за моими огневыми, метрах в трехстах поставили зенитно-артиллерийский бронепоезд.

На противоположном высоком берегу за переправой разместились роты зенитного полка. За ними справа и слева развернулись артиллеристы ОЗАДа. Огневых средств много. Стволы разных калибров устремлены вверх под маскировочными сетями. Прибыл и зенитно-прожекторный батальон, который стал опоясывать район переправы.

Наши старшины – гордость роты. Старшина роты Алексей Глушков, мудрый наставник, прошел всю финскую кампанию, затем с 1941 года участвовал в тяжелых боях, был серьезно ранен. Ему хотели ампутировать руку, но он отказался, решил скорее умереть, чем остаться без руки. К его счастью в госпитале работал Богораз, гениальный хирург, врач-легенда. Он сделал ему сложнейшую операцию, пере-

ставил его же кости и спас ему руку. Помкомвзвода у Каганова, старшина Николай Кузьменко, старослужащий, с первых дней войны на фронте, неутомимый труженик, единолично возвел укрепление огневой «ласточкино гнездо», чем спас жизнь всему пулеметному расчету. Жил и работал по уму.

Приказ на уничтожение

Мой взвод вытянулся по старому полотну дороги. Впереди на вулкане расчет первого отделения младшего сержанта Сиротенко, у него наводчик Клава Антонова. Внизу под обрывом из воды поднимаются фермы старого моста. Ниже вулкана расчет второго отделения сержанта Исаева, наводчиком у него Нина Графская. В нескольких метрах в стороне мой КП, окопчик в полный профиль. Далее по полотну расчет третьего отделения младшего сержанта Гущина, наводчик у него Костя. Каждый расчет укомплектован заряжающими и подносчиками. Сейчас все они роют землю, вгрызаются в матушку родимую, спасительницу, укрепляют борта от сыпучего песка чем только придется.

Труженицы земли Тамбовской, спины не разгибают Рая Печникова, Маша Ермакова, Нина Графская, Клава Антонова, Панкратова, Гныпа, Харина, Дякина, Дурнина, Бычкова, Демидова, Швецова – все дети нашей роты. Слева на длинной косе копошатся бойцы взвода Каганова. Там с лопатой Притуленко, рядом с ним Анна Щугорева и Клава Зацепина.

С правой стороны, внизу под насыпью, метрах в шестидесяти от нас ротный старшина Алексей Глушков строит баню. Там же рядом строится кухня-столовая роты. Маша Попова для нас уже обед готовит.

К мосту везут фермы, снятые в Москве со стройки Дворца Советов. Мимо огневых пронесли на носилках строителя. Упал на сваи и разбился. Похоронили его на опушке леса, напротив бронепоезда, на высоте у ее обрыва, где величаво стоит сосна. Корни ее наполовину висят в воздухе. Парит сосна над могилой как памятник солдату.

Справа от наших огневых под насыпью вдоль тропы застыли телеграфные столбы, молчащие с сорок первого года. Ржавеют провода в ожидании срочных депеш.

Апрель на исходе. Разлилась река, оставив небольшие островки, пенятся буруны у свежих свай, зеленая листва ивняка постепенно заслоняет Славкины огневые. Ржавые болотины покрываются ярким зеленым ковром.

Стройка подошла к концу, строители стали разъезжаться. Проскрипел паровозик, трижды проутюжил мост, и все затихло. Ночью снялись последние строители, и с утра застучали колеса. Пошли эшелоны. Едут солдаты молча, без песен. Пронесются платформы с танками, пушками, минометами. Полотно мягкое, как подушка. Ночью в землянку проникает размеренное колыбельное постукивание колес.

Наземная охрана переправы в руках пограничников-чекистов. Начальник заставы молодой лейтенант Саша, моск-

вич. Высокий, стройный блондин с добрыми голубыми глазами. Мы с ним быстро подружились и в свободные минуты делились своими заботами да вспоминали курсантские будни. Саша мне доверял и был откровенен. Не раз, бывало, подойдет и скажет:

– Рудольф, сегодня гостей ждем. Четырех диверсантов на нашем участке переправляют. Смотри в оба, ночью не дрейни!

Я никому об этом не говорил, но усиливал караул, и сам спал на один глаз. Однажды Саша поманил меня к своей заставе и доверительно сообщил:

– Есть приказ Гитлера – уничтожить нашу переправу до десятого мая. Сведения достоверные.

Все началось пятого мая. С утра было жарко и разморило людей. Я взял Исаева, пару солдат и пошел на опушку леса пристреливать пулемет. Я любил это занятие и делал все тщательно, не торопясь. Прошли метров триста вдоль полотна, свернули влево в лес. Выбрали безопасное место у песчаного обрыва и приступили к работе. Через час-полтора слышался гул моторов.

– Товарищ лейтенант, похоже, к нам летят! – Исаев прикрыл глаза ладошкой, пытаясь рассмотреть самолеты.

Пять «фокке-вульфов» на малой высоте шли к переправе, не соблюдая строя. Первый столб грязи, как нефтяной фонтан, поднялся над затоном, где базировались катера Днепровской флотилии. Второй столб поднялся у переправы.

Самолеты начали кружиться над переправой, как осы, на разных высотах, в разных направлениях. При пикировании раздавался пронзительный металлический визг. Темная пелена пыли поднималась над переправой. Что делать? За одну секунду в голове пронеслись десятки мыслей. Бежать на огневую к своим, Исаева оставить с солдатами. Где-то в глубине мозга мелькнула другая подленькая мыслишка: пойдём, все вместе, к тому времени стервятники, может быть, улетят. Заледенело сердце от такой мысли. Какой позор! Если бы они вылезли наружу и их увидели солдаты... Да никому в жизни, никогда я не скажу об этой проклятой мысли.

– Исаев, сворачивай хозяйство и на огневую!

Я бросился бежать туда, где поднимались к небу черные гейзеры грязи, земли и воды. Обогнув косогор, я выбежал на тропу, по которой мы шли. Всего три сотни метров до огневой. Сердце учащенно бьется в груди. «Ну, быстрее, Рудольф, быстрее, ведь ты хорошо бегал в училище, вторым пришел на три тысячи метров, и твоя фамилия красовалась на большом щите военного лагеря». Впереди черная стена, до огневых метров двести. Нырнул как в ночь. Окунулся во мрак. Исчезло солнце, стало темно, на голову и плечи сыпется песчаная пыль. Тошнотворный запах взрывчатки раздрает ноздри и душит. Какая-то сила давит на грудь и перехватывает дыхание. «Ну, Рудольф, быстрее, всего-то метров полтора». Где-то над головой с шипеньем и бульканьем летят осколки. Раздается адский взрыв. Земля под ногами

вздрогнула, и вместо земной тверди образовался провал. Как гром ухнуло над головой. Я с разбега сделал кульбит с тропы на низкий заболоченный бережок. Лежу. В глазах темно, в голове шум尼亚гарского водопада. Где-то что-то льется.

В голове проносится: жив, жив!

Оторвал тело от земли, на четвереньках выполз на тропу и, кажется из последних сил, снова скатился на мшистое одеяло. Прямо на меня напоззало огромное серое бревно телеграфного столба. Столб на проводах раскачивался, как садовый гамак.

Вот и огневые. Обрывки телеграфных проводов свисают длинными плетями вдоль огневых. Я свалился в свой окоп тяжело дыша. Горло пересохло, с трудом выдавил:

– Гуцин, потери есть?

– Нет, все живы, товарищ лейтенант, – и тут же добавил: – А вы ловко проскочили!

Я надел каску. Впереди и сзади НП раздавалось тарыхтенье крупнокалиберных пулеметов.

Первое воздушное нападение отбито. В роте и у соседей потерь нет. Занялись восстановлением огневых позиций: расчищать окопы от обвалившегося песка, укреплять брусстера. Сбросили с насыпи обрывки проводов. Вечером – разбор стрельб. Стервятники действовали внезапно, упрямо и настойчиво. Однако плотный зенитный огонь не позволил им нанести прицельного бомбометания и выйти на диагональ моста.

Время отбоя – все легли спать в 23.00. И тут же тяжело и надрывно зарокотали моторы. Группа «хейнкелей-III» выходит на переправу и проводит бомбометание. На фоне воды, как над зеркалом, хорошо просматривается переправа. По небу снуют лучи прожекторов искателей. Необъятное небо, велика скорость цели. Осветить самолет нелегко. Главная задача – не допустить врага к цели. Да и враг боится за свои шкуры, кружится вокруг да около, отбомбились и ушли.

В час ночи снова заход, все повторяется. В три – тоже налет. В пять утра последний ночной заход. Наступает утро, за ним теплый солнечный день. На огневых дежурные-наблюдатели, остальные отсыпаются.

Днем снова тревога. Пятерка «мессершмитов» нахально рвется к мосту. Сотрясается земля от разрывов, сыпется в окопах песок. При близком разрыве бомбы, когда она еще падает, и кажется, именно на твою голову, я делаю глубокий вдох, сжимаюсь в комок и замираю на считанные секунды. Вот-вот сейчас последует взрыв. Бешеная сила встряхивает меня и прижимает к стенке окопа. С бруствера на плечи спадает лавина песка. В голове проносится: жив, жив! Встаю во весь рост, осматриваю все огневые. Все на местах, за пулеметами.

Молодцы у меня что парни, что девчата!

Раздается вой сирены пикирующего бомбардировщика, до того душераздирающе осатанелый, что, кажется, испарывает все твои кишки, и тошнота подступает к горлу. Пуле-

метные трассы зелеными мерцающими огоньками отрываются от самолета и ленточкой несутся к огненным позициям. Свист осколков и взрывы бомб, все смешивается в единый многоголосый шум. У каждого осколка свой обертон и своя аранжировка. Большие осколки на излете издают шипение, как бы отплеываясь. Малые осколки настроены на высокие частоты. Пули посвистывают, как морзянка.

У телефона Каганович

Четверо суток непрерывно продолжается бомбежка. В точно назначенное врагом время начинается сражение за переправу. В двадцать три, в час, в три, в пять и днем в обед повторяется сошествие в ад. Вид у людей усталый, изможденный. Отстреляются и тут же падают у пулеметов и засыпают. Сон у меня короткий и чуткий. Чуть послышался гул, я бегу на огневую в первый расчет, на вулкан, там обзор хороший, и все солдаты – видят, командир за их спины не прячется. Правда, получал хорошую нахлобучку от ротного: «Твое место на НП. Нечего свое геройство показывать!»

На пятые сутки в 23.00 очередной заход. Эшелон отбомбился, мы отстрелялись. Все свалились кто где смог, куда только ноги донесли. Хотя бы часок поспать.

В полночь до моих ушей донесся слабый рокот мотора. Мигом вскочил и на вулкан. Там Клава Антонова. Сквозь редкие и низкие облака рассыпается лунный свет.

– Клава, встречай, кажется, одиночка забрел!

Ствол пулемета взметнулся в сторону луны, откуда рокотал мотор. Из землянок выбегают солдаты к своим расчетам. А тут и звук на какое-то время пропал. Не видно и не слышно. По всей округе тишина, видимо, стороной прошел. И вдруг внезапно, совсем неожиданно раздался вой сирены. Вой возрастал по мере приближения к земле. Самолет шел в пике на мост. Клава дала длинную очередь. Над головой раздался оглушительный рев включенных двигателей, за ним свист рассыпающихся бомб. Прямо над вулканом заскрежетал металл, от ферм моста во все стороны посыпались искры.

– Ложись, Клава!

Мы вместе свалились на дно окопа. И в ту же секунду над нашими головами пронесся огненный вихрь. Вслед уходящему невидимому противнику протянулись три мерцающие зелеными светлячками трассы. Все стихло. Это случилось так неожиданно и внезапно, что, кроме моего взвода, никто огня на переправе не открыл. Всё, что не смогли сделать массивные налеты сотен самолетов, сделал один самолет. Переправа была разбита. Четыре бомбы упали на мост, разрушив быки и развалив фермы, а две бомбы взорвались на старой довоенной ферме у вулкана, которые и вызвали огненный смерч, пронесшийся над первым расчетом.

Утром у ротной бани появилась группа офицеров и генералов. Установлена связь с Москвой по ВЧ. Говорит Каганович:

– Послезавтра в шесть часов вечера доложите о восстановлении переправы!

И повесил трубку.

Как с неба свалились строители. На восстановление переправы прибыло два стройбата. Снова застучали паровые молоты, водолазы ныряют под мост, засветились прожектора. Стук разносится далеко вокруг. Работа не прекращается даже в массированные налеты. Погасят прожектора, и каждый сидит на своем месте. Стихнет небо, и снова за работу.

Один метр до бомбы

Восстановили переправу в назначенный срок. Снова ВЧ аппарат в ротной бане. Доложили генералы Кагановичу о завершении работ. И снова постукивают вагоны, поют свою дорожную песню.

Утром раздался звонок, звонит Покуда:

– Протасовский, меня вызывают в штаб, вернусь завтра. Остайтесь за меня. Действуйте!

Штаб батальона разместился в пяти километрах от переправы. Там тоже переправа, но понтонная, только для машин. Над дорогой барражирует пара истребителей И-16, значит, Рокоссовский едет на передний край. День выдался жаркий. В небе ни облачка. Вышел я из ротного КП. Тревога! Группа «фокке-вульфов» идет на переправу.

Огонь открыли одновременно с обоих берегов. Один са-

молет идет прямо на КП. На размышление одно мгновение. Вижу в нескольких шагах НП командира роты. Прыгнул в окоп, как сквозь землю провалился. Узкая и глубокая, как труба, щель. Над головой несколько шпал уложено. Голова едва до верха достает. Только приземлился на дно – над головой вой сатанинский, затем удар. Кажется, вся земля подпрыгнула. Со стен сполз песок. Кое-как высунул наружу голову. На берегу Славкины пулеметы ведут огонь. На вулкане Сиротенко с Антоновой, видно, как их каски мелькают. Самолеты по одному заходят на переправу. Справа и слева от вулкана поднимаются черные столбы земли. Фонтаны грязной жижи накрывают Славкины расчеты. Снова раздается рвущий ушные перепонки визг. Удар. Бах! Меня так тряхнуло, будто пригвоздило к земле. Песчаный бруствер рухнул, засыпав меня под самый подбородок, только глаза не засыпало. Удар так уплотнил песок, что рта не открыть, все тело оказалось парализованным. Попытался руки вытащить. Не тут-то было! Они оказались намертво привязанными к туловищу. Отплевываясь от песчаной пыли, начал мало-помалу головой, а затем плечами освобождаться от навалившейся тяжести, постепенно освободил руки. Слава богу! Вылез наружу.

В метре от окопа, а может быть и меньше, где болотина подпирает песчаную косу, над низким бережком торчит стабилизатор стокилограммовой бомбы. Тут же недалеко от окопа, у ротного КП большая воронка. Потолок землянки в

два наката опустился со стеной на четверть высоты. Телефонистки вылезают очумелые и перепуганные. У одной осколок щеку поцарапал. У Каганова огневую «ласточкино гнездо», что стоит у обрыва, развалило всю напрочь, и тщательно уложенные Кузьменко шпалы теперь висят над самым обрывом. Осколком оторвало ствол пулемета. Весь расчет остался цел и невредим. Бомба взорвалась под самым обрывом у воды.

Кончился налет, вся рота приступила к укреплению огневых позиций. Пришли саперы, достали из болотины у ротного КП бомбу, увезли и за лесом взорвали.

Как меня в партию принимали

Заходит ко мне в землянку Славка, а был он в ту пору секретарем парторганизации роты. Свернули самокрутки, дышим. Он и говорит:

- Рудольф, пора тебя в партию принимать.
- Так у меня еще кандидатский стаж не вышел.
- А мы примем тебя по боевой характеристике. Стаж здесь не имеет значения.
- Если так, тогда я напишу заявление.

Заместитель командира части по боевой подготовке старший лейтенант Османов. Я знал, что он родом с Кавказа, до войны был учителем, награжден орденом «Знак Почета». Симпатичный, вежливый, требовательный командир, и впе-

чатления о нем у меня были самые хорошие. Встречались с ним в штабе части, на огневых я его никогда не видел. В этот день, точнее, в этот вечер, Османов появился на моих огневых один. Я доложил ему, поздоровались. Смотрю на него и узнать не могу: лицо суровое, стал кричать, выражать свое недовольство: непорядок! объявляю вам трое суток ареста!..

С моих огневых, не заходя к командиру роты, он повинтил в штаб. Я в полном недоумении. Это неспроста!

Через пару дней меня вызывают в штаб части на партийное собрание. На повестке один вопрос: прием в партию.

Расселись на зеленой лужайке возле штабной кухни. Внизу под обрывом речка, вокруг нас тишина первозданная, кузнечики стрекочут, бабочки и стрекозы летают. Славка зачитал мое заявление, затем боевую характеристику, весьма лестную, в мой адрес, где весь мой боевой путь был расписан. Первым выступил командир части майор Л. Несмотря на скудость сельского образования, говорил он складно и поносил меня как самого негодного командира и в подтверждение своих слов напомнил о трех сутках домашнего ареста.

Вторым выступил Османов, говорил раздраженно: на огневых непорядок, дежурство плохое, грубит начальству, с командирами пререкается. Оба в один голос заявили: членом партии большевиков Протасовский быть недостойн.

Третьим выступил командир третьей роты лейтенант С. Мой старый знакомый, он был моим командиром роты на станции Стальной Конь под Орлом.

– Молод еще Протасовский, чтобы быть членом коммунистической партии. С командирами в споры вступает. Звания коммуниста он еще не заслужил.

Сижу я на мягкой травушке-муравушке и думаю: силен наш майор, какую артиллерийскую атаку организовал.

Затем слово берет замполит капитан Лакшинский. На его лице полное равнодушие, словно он не на собрании, а наедине сам с собой разговаривает.

– Заслушали мы боевую характеристику. Там все по существу, все объективно изложено, воюет с сорок второго, авторитетный командир, политически грамотен. Его занятия по политподготовке одни из самых интересных в батальоне, – он повернул голову в сторону майора Л., мило ему улыбнулся и добавил: – Он не пьет и не ворует. Предлагаю Протасовского принять в члены ВКП(б).

За ним выступил парторг Андрюхин, полностью поддержал выступление замполита и предложил принять в партию. С добрым словом выступил командир роты Покуда.

Перешли к голосованию. Первым поставили на голосование вопрос вверх ногами:

– Кто против вступления в партию Протасовского?

Резво, как пионерским салютом, проголосовали майор Л., Османов и С. Следом за ними неуверенно, опустив очи долу, подняли руки два штабиста. Итак, против – пять.

– Кто за вступление в партию?

Руки поднимают пять человек. Итого: пять против пяти. В

этот критический момент из штабной кухни выбегает повара, молодая тамбовская красавица, бежит, торопится, на ходу фартук снимает:

– Простите меня, припозднилась малость, не смогла раньше... Ей объяснили расклад голосов и спросили: а вы за или против?

– Я, конечно, за товарища лейтенанта Протасовского голосую!

Итак, по боевой характеристике большинством голосов я был принят в партию большевиков.

Друзья мои смеялись. Ну вот, отвоевали мы тебя для партии. Ты не переживай! Другие позабыли, кто и где их принимал, а ты это собрание на всю жизнь запомнишь.

На следующий день я был избран секретарем парторганизации роты.

Аса с неба сняли

После полудня, когда солнце покидало зенит, на бреющем полете над правым берегом на фоне густого сосняка проскочил самолет. Проскочил быстро, опознать не удалось. Свой ли, чужой? Да и куда стрелять, когда на том берегу люди? Расчеты заняли свои места и наблюдают. Дошел самолет до понтонной переправы, развернулся и пошел назад над самым фарватером реки. Вроде похож на «мессера». Странно, не бомбит, не стреляет, и высота такая, хоть его рукой хва-

тай. Когда самолет подлетал к мосту, с обоих берегов одновременно на него обрушился шквальный пулеметный огонь. Самолет прошел переправу, вошел в резкое пике к воде. «Неужели уйдет? – подумал я. – Это маневр. Ведь по тому берегу бить не станешь». Но из пике самолет не вышел, вонзился в воду, как нож в масло, подняв буруны грязной воды.

В считанные минуты к месту падения самолета подошла машина, водолазы достали самолет, сняли мотор, убрали его под брезент и повезли в Москву. Летчика закопали здесь же, на болоте. Документы забрали. Пуля крупнокалиберного пулемета угодила ему прямо в лоб. Как позже выяснилось, это был двадцатичетырехлетний ас, лично награжденный Гитлером Железным крестом за особые заслуги. Он имел задание сфотографировать все огневые средства переправы. Летел на новой модели самолета – «Мессершмит-109Е». Его судьбу и решила пуля.

Союзника поцарапали

Днем нестерпимая жара. Вода под боком, а выкупаться некогда. Наблюдатели молодцы, не дремлют. С огневых кричат: «Тревога!» Со всех сторон доносится звяканье в рельс, колотят как для глухих – не умолкая. Со стороны понтонной переправы над рекой появилась «рама». Большая, громоздкая, плывет, не торопится, но идет курсом на переправу. Опознавательных знаков нет, тип самолета неизвестен.

Таких птиц здесь еще никто не видал. Идет низко. У моста «рама» окунулась в море огня. Артиллеристы на предельно малой высоте поставили заградогонь. От осколков некуда голову преклонить, сыпятся, как град.

Самолет, продолжая свой путь, стал покачиваться с крыла на крыло. Похоже, подает сигнал: «Я свой». Вышел из огня, как Иван-царевич из кипящего котла. Его перехватили истребители и повели с почетом: один сверху, двое по бокам. Посадили воздушное чудо в поле. А это оказался английский «ляйтнинг». Летел наш союзник с подскоком, да заблудился. Поцарапали его изрядно, но крепкая броня спасла экипаж.

Никто не хотел умирать

Когда авиация противника насаждает на Калинковичи, с моего вулкана хорошо просматривается картина наземно-воздушного сражения. На тех позициях, где располагался ранее мой взвод, ныне находятся огневые взводы Матусова – из третьей роты батальона.

С каждым днем увеличивается поток грузов, в тупике станции поставили несколько вагонов-цистерн с горючим. Массовый налет состоялся среди дня. Рванули цистерны. Огромные желто-белые шары, как восходящее солнце, поднимались, охваченные протуберанцами живого огня, как гигантские щупальца сказочного осьминога, пытались обнять необъятное. Мы с большой тревогой следили за огненным

хороводом, знали, что там наши друзья и им сегодня очень тяжело. Налет окончился, но пламя пожарища утихать не собиралось. К огненным позициям Матусова подъехала машина с начальником штаба. Поднимается Гришин на бункер, а там все пулеметы под чехлами и ни одной стреляной гильзы. Рядом полыхает гигантский костер, лохмотья сажи окутали станцию. Режущая нос вонь тола, паров горючего и еще какой-то неизвестной дряни заполонила все вокруг. Гришин стоит на бункере. Вот, наконец, вразброд вылезают солдаты из ельника. Несколько человек тащат Зинку, она орет благим матом, упирается, плачет. У нее истерика. Брыкается, из рук вырывается, упала, ногами и руками размахивает. Юрка пилотку поправляет, здоровается с Гришиным. Докладывать нечего, только плечами пожимает, дескать, не гореть же целому взводу.

Гришин увез Матусова в штаб батальона.

Один устав

Как-то возвращаюсь с ротного КП и вижу: на полотно поднимается Графская.

– Ты почему здесь расхаживаешь? Куда ходила?

– А я ходила на рекогносцировку с командиром роты.

– И что там видела?

– Да ничего, одна лесная дорога и одни сосны.

– Кто тебя послал?

– Покуда приказал. – Она виновато опустила голову и добавила: – Я вам правду говорю. Зачем ходила, и сама не знаю.

– Впредь без меня этого не делай, будешь ходить только с моего разрешения. А с Покудой я сам разберусь.

Развязка не заставила себя долго ждать, как в подобном случае говорят умные книги.

Вскоре все прояснилось и встало на свои места. Через несколько дней я увидел на огневой Покуду, он стоял и разговаривал с Графской. Графская – на посту. Увидел меня и спокойно говорит:

– лейтенант, дай команду заменить Графскую. Мы пойдем на рекогносцировку.

У меня, видимо, в глазах появились огнеметы. Я шагнул к нему вплотную и тихо-тихо произнес:

– Графская на посту. Я выделю другого бойца. А Графская с вами ни сегодня, ни завтра на рекогносцировку не пойдет!

Лицо у Покуды побагровело, он хотел что-то сказать, но воротник гимнастерки сильно сжал ему шею. Он покрутил головой, словно освобождаясь от воротника, промолчал и удалился.

Через неделю раздался звонок из штаба батальона.

– Графскую с вещмешком направить в штаб.

Уходя, она протянула мне ладошку, застенчиво улыбнулась:

– До свиданья, товарищ лейтенант!

– До свиданья, Ниночка!

Прошло две недели. По лесной дороге торопится солдат. Свернул с дороги и напрямую к огневым. Кого это еще сюда занесло! Смотрю, что-то знакомое.

На огневой появилась Графская.

– Здрасьте, я к вам!

– Нина, какими судьбами?

...Она сидела на краешке заправленных нар. Я на стуле-ящике.

– Мы стоим здесь, за рекой. Работаю оператором на радиолокаторе. Командир хороший, капитан. Попросилась к вам, отпустил на два часа.

Мы болтали с ней как хорошие знакомые. Минуты летели быстро, и ничто их не могло остановить. Я проводил ее до первого поворота дороги. Лес молчал, и мы молчали тоже. Ни одного путного слова в моей голове не нашлось.

– Ну ладно, я побегу. Спасибо вам, товарищ лейтенант, вы добрый. Прощайте, товарищ лейтенант!

– Прощай, Нина! – Некоторое время ее фигурка еще мелькала между высоких сосен, затем пропала.

Капля крови за победу

День за днем штурмует авиация противника переправу. Меняются типы самолетов, не меняется тактика: каждые два часа в точно назначенное время они сбрасывают на наши го-

ловы смертоносный груз. После ночного разбойного налета, разбившего переправу, пошли разговоры: всех офицеров в трибунал и разжаловать. Вместо этого прислали полк истребителей. Те в нашу зону огня не ходили, работали на подступах к переправе, как перехватчики. Давно потерял счет дням. Никому невдомек узнать, какой сегодня день или число. Ни газет, ни писем, ни занятий. Одна кутерьма войны. Регулярно подвозят боеприпасы, запасные части, смазочные материалы. Дом, семья, любимые подруги, все куда-то улетучилось и существовало, как забытый старый сон. На уме одно: не прозевать, вовремя открыть огонь.

Над лесом появился пират, я кричу командиру отделения:

– Саша! Саша! Смотри скорее, с затона заходит!

Я в каске, ворот гимнастерки расстегнут, лицо грязное.

– Исаев, чего медлишь? Огонь.

Гул страшный, все вокруг затянуто какой-то серой дымкой.

– Второй расчет, что у вас там?

Не слышат они.

Я выскакиваю из окопа, всего три прыжка надо сделать, и я на огневой. Там затвор заело. Ствол горячий, не дотронуться. Что было сил дернул рукоятку, и затвор вернулся на свое место. Теперь прицел застрял, не провисает. Надо поправить. Потянул руку к прицелу, а он падает под пулемет. Осколок снял его под самое основание. На дне окопа лежит чугунная бляшка размером с ладонь и рваными краями, со-

всем горячая.

– Исаев, запасной прицел доставай! Быстро!

Исаев с явной обидой в голосе на меня наседает.

– Товарищ лейтенант, идите, мы сами все сладим.

Обида искренняя. Он прав. Я кивнул ему и снова три прыжка до НП.

Сквозь артиллерийский гул и пулеметную трескотню с вулкана раздается восторженный крик.

– Сбили! Горит! «Хейнкель» горит!

Самолет шел от реки к лесу, снижался, покачиваясь, затем черное облако дыма окутало его, и он распался. В небе распустились три белые шапки парашютов.

Я сбросил каску, на рукаве гимнастерки кровь. Левая рука вся в крови. От запястья до локтя касательное ранение, словно кто ножом прошелся по руке. Я левша, рука рабочая. Пришел в землянку, перевязал руку и лег на нары. Заходит Кузьменко.

– Ну как, товарищ лейтенант, хорошо сегодня поработали? Кому запишут этот самолет?

– Да кому его запишешь? Такая плотность огня, сам черт не разберет. На район ПВО и запишут.

Беглецы

Прошла середина лета, постепенно стала спадать жара. Вечера стали приносить прохладу и веселые концерты. Ти-

хим теплым вечером оживает река. Вот закричали и заревели лягушки, концерт ведут на разные лады: то обычное ква-ква, то заахают: ах-ах, то заревут, как грудные дети: уа-уа-уа, ай-ай-ай. Раздирают лягушки солдатские души до тех пор, пока первая бомба не рванет на болотистом берегу. Тогда лягушечье сонмище вмиг замирает, замирает надолго, словно опасаясь небесной кары за разбуженную тишину.

После ужина митинг. Ротная кухня забита до отказа. Кто где, кто у кого и кто на ком, не разберешь. В центре стола коптилка из артиллерийской гильзы. Черный язык копти лижет потолок. Сегодня в роте праздник. Поздравляют награжденных. Моего наводчика Клаву Антонову наградили орденом Славы III степени, наводчика взвода Каганова Клаву Зацепину наградили медалью «За отвагу».

Я искренне рад за наших девчат, очень волновался, но речь моя получилась, кажется, складной. Клава переживает: как же ее наградили, а командир без награды остался! Нет, мне достаточно и того, что наградили моего наводчика. Другим взводам ни одной медали не выделили. У нас ведь все по разрядке. Вот штаб батальона не обидели, там все офицеры награды получили, даже С., который и пулемета не знает, получил звездочку. Никто из офицеров в окопах награжден не был. А вот у наших соседей-артиллеристов все лейтенанты с орденами ходят.

Наши солдаты приуныли, ропщут. «Баб наградили, значит, мы хуже баб». Солдат всегда не хватало. У меня было

несколько попыток переманить их в свою часть. Все попытки были безуспешны, я всегда натыкался на непонятную мне закономерность. Каждый фронтовик, испытавший боевое крещение, становился рабом своей профессии, и только в ней видел себе достойное место пребывания и твердую уверенность в самосохранении.

Как-то в дороге встретил пехотинца из госпиталя, паренек славный, и предложил ему причалить к зенитчикам.

– Да ты что, лейтенант, мы видим, как на вас пикируют немцы. Сидите и ждите, когда по балде получите. А я себе окопчик отрою и голову свою туда спрячу.

Это говорит пехотинец. А вот другой разговор, с танкистом.

– Нет, товарищ лейтенант, у тебя что на голове? Каска. А я весь в броне. Два года воюю. Нет, я свой полк найду!

А вот встреча с минометчиком. Опять отказ:

– Вы у немцев на виду, а я за бугорок поставлю свою трубу, ни ее, ни меня не видать!

Вот она солдатская мудрость: обстрелялся, приспособился к войне, сроднился с полком.

Гладиатор

Сижу в землянке с Володей Перелетовым, снаружи разговор доносится, кто-то меня спрашивает. Выглянул наружу, смотрю и глазам своим не верю – передо мной стоит Подо-

плелов в солдатской форме.

– Вот так встреча, заходи! Очень рад тебя видеть!

Поздоровались. Володька подает гостю табачок филичевой, мерзость хуже прошлогоднего веника. Подоплелов достает из кармана серебряный портсигар с вензелями и драгоценными камнями. Там табачок капитанский. Закурили. Нежный аромат капитанского табака пополз на огневые позиции.

Подоплелов почернел от загара, похудел здорово, аж скулы вперед вылезли. Движения его неторопливы, он всегда был таким.

– За своим барахлишком зашел.

Мы с Володькой молчим, знаем, что его барахлишко его же взводные на самогон пустили. Разве кто мог подумать, что увидит его живым?

О своих скитаниях Подоплелов поведал:

– Воевал недалеко отсюда, на юг километров пятьдесят. В батальоне тысяча двести человек. Обороняли косу длиной в километр. Кругом болото – ни скрыться, ни зарыться. Потери большие. Один раз немцы так нажали, что мы не выдержали, все с косы побежали. Бежал, согнувшись, хотел голову спасти. Выдохся, сил совсем не стало, апатия одолела. Будь что будет. Пошел во весь рост. Убьют – убьют! Так среди разрывов и шел, готовый жить и умереть. Прошел всю косу, вышел из обстрела, упал и лежу. Сколько лежал, не знаю, то ли сознание потерял, то ли сон одолел. Встал, осмотрелся,

ни одной царапины на моем теле нет. Вышло из косы всего восемнадцать человек. На косу поставили другой батальон. Меня майор в спецгруппу определил, по немецким тылам ходить. Нашу группу в двадцать пять человек провели партизаны в тыл к немцам. Немцы отход готовили, стали жителей в Германию угонять. Дороги забиты техникой, войсками. Тут и потребовалась наша работа. – Подоплелов повертел в руках портсигар с искрами драгоценных камней, загазил самокрутку и продолжил: – Этот портсигар у немецкого полковника взял, самого полковника партизаны в Москву переправили. На дорогах засады делали. – Он поднял манжет гимнастерки и показал часы: – А этот золотой швейцарский «лонжин» взял у нашего полицая. Автомат в тот момент у меня заело, пришлось его прикладом хлопнуть. Вот так все три месяца, день в день, и провел в штрафбате. Тогда за косу нам была объявлена амнистия, но документы застряли в штабах, пришлось все три месяца там служить.

Мы с Володькой молча выслушали исповедь мужественного человека. Такое мог выдюжить только он, бывший командир роты нашего батальона старший лейтенант Подоплелов, человек с телом и духом настоящего гладиатора. Я спросил его:

– А ты видел майора Л.?

– Да! Увидел он меня и испугался. Но я ему сказал: не бойся, не трону! Вот так, у каждого из нас своя тропа войны. Мы тепло попрощались с Подоплеловым и больше его

не встречали. Он ушел служить в другую часть.

Прощай, переправа!

Командир роты Гавриленко собрал всех взводных.

– К нам прибывает рота из нового полка, нам на смену. Все оружие, кроме личного, огневые, хозяйственные постройки – все надлежит им передать в полной сохранности. Мы получим новое вооружение. Вопросов нет? Вы свободны!

В своей землянке я завязывал вещевой мешок, когда снаружи до меня донесся писклявый голосок:

– Взвод, становись!

Я выхожу из землянки и вижу: белокурая девчушка, лет двадцати, в погонах младшего лейтенанта, стоит перед строем солдат. Все солдаты девушки, роста малого, рожицы желтенькие, скуластые, глазки-щелочки малюсенькие. На всех гимнастерки новые, чистые, тщательно отглаженные. Смотрю я на это воинство и стараюсь сдерживать улыбку. Все как в кино. Младший лейтенант командует.

– Смирно! Равнение направо! Товарищ лейтенант, второй взвод второй роты прибыл для приема огневых средств вверенного вам взвода!

– Откуда прибыли?

– Из Средней Азии, – отчеканила блондинка. Взгляд ее был суровый, командирский. На полевых погонах блестела

серебряная звездочка.

Роту погрузили по машинам и повезли на посадку в вагоны. Сухая болотина бросала машину из стороны в сторону. Клава Антонова вцепилась в мое плечо и шепчет: ой, боюсь, ой, боюсь, упаду!

Первые же сосны скрыли переправу. Вот и песчаный откос. На вершине откоса белеет фанерная пирамидка с красной звездочкой. В воздухе над братской могилой парит корабельная сосна, оберегая сон наших боевых друзей.

Один на посту

Последняя зима войны выдалась студеной. Ночное небо все в звездах. Огневые позиции открыты всем ветрам. В лесах появились польские партизаны Армии Крайовой – аковцы, иногда постреливают в наших солдат и офицеров, их идейные вожди сидят в Лондоне. Не могут угомониться поляки. А мы на огневых не имеем права забывать о своей безопасности. Солдат не хватает, все дежурят по две смены, все промерзли и простыли. А тут еще непредвиденное явление возникло. Стали девчата из роты исчезать. Звонит врач Макеева ротному командиру.

– Бойца Валентину М. направляйте в штаб. Домой поедет.

– Почему? Что такое?

– Как что? Непонятно? Домой рожать поедет.

Что ни неделя, то звонок. Недавно опять звонок Гаври-

ленко.

– Наталью Петрову с вещмешком в штаб батальона направить.

Опять Макеева комментирует:

– Время пришло рожать.

Вот это да! Петрова? Быть не может! Как же так, первый страж целомудрия, самая правоверная подкачала. Вот это новость. Поехала Петрова домой в Москву. Пришла ко мне попрощаться.

– Товарищ лейтенант, возьмите на память! – и положила на мой столик пачку носовых платков, расшитых цветным мулине. Тончайший рисунок, тщательное исполнение, высокое мастерство художника.

– Спасибо, Наташа, ты хорошо служила, я тебя буду помнить долго.

Мороз все крепчает. Вечером заходит старшина:

– Товарищ лейтенант, не знаю, что мне делать. Сегодня на ночь некого ставить на посты. Все перемерзли, устали, еле на ногах стоят.

Выслушал я его, молчу, обдумываю. Есть моменты у командира, когда нельзя приказывать. Или проси по-человечески, или делай сам. Выкурили с ним по самокрутке. И я распорядился:

– В двадцать два ноль-ноль всех трех наблюдателей снимай с огневых. Пусть отсыпаются. Я сам заступлю на дежурство во втором расчете. Оттуда обзор хороший. В шесть утра

всем дежурство восстановить.

Смотрю, у Кузьменко и лицо подобрело. Он тоже переживает за нашу службу.

Снова пришел приказ командиру нашей роты: роту направляют на оборону нового объекта на восточные немецкие земли.

Честь офицера

За нашими солдатами, кажется, и сама весна торопится. Встреча на Эльбе наших и американских солдат – событие для всех весьма радостное. Американский президент Рузвельт подарил всем нашим офицерам по военному костюму. Первые два комплекта перепали нашему батальону.

Меня вызвали в штаб батальона. Османов встретил весьма сердечно и добродушно. Всех офицеров городка выстроили на плацу, зачитали приказ командира части и перед строем вручили мне и Сергею Андрееву по американскому костюму, как лучшим командирам батальона. Такой чести от Османова я никак не ожидал.

Он пригласил меня в свой номер, где проживал со своей женой Евдокией, младшим лейтенантом, нашим финансистом. Посадили меня за стол, выпили по сто граммов фронтовых, побалакали о службе. Османов попросил у меня прощения за прошлогодний визит на мои огневые и наложение ареста-наказания по поручению майора Л. Молодец Осма-

нов, нашел в себе мужество извиниться, сохранить честь своего имени. Никакой злобы даже тогда я не питал к нему, была только обида. А вот теперь мы с ним стали добрыми товарищами.

Майор Лузинов

Командование корпуса направило к нам нового командира майора Лузинова. Он ленинградец, воевал в блокаду в городе, после госпиталя был направлен на наш фронт. Лузинов – образованный офицер, меня поражали его широкие познания. Он прекрасно знал наше вооружение, квалифицированно разбирался в автомашинах и в радиотехнике. Был он для нас добрым старшим товарищем.

У каждого из нас был свой порог, и на этом пороге военной субординации он был для нас примером.

У меня и Сергея Андреева появилась новая забота – сшить кители. Размер подарка такой величины, что хоть два костюма выкраивай. С большим трудом нашли мастера, который шил немецким офицерам, а проживал он в городе Калиш. Поехали, заказали и получили кители с немецким оттенком-абрисом.

Война идет к концу, бои идут под Берлином. У меня на душе и в голове одна мысль – посмотреть Берлин, как тогда его называли – фашистское логово. Обращаюсь к Лузинову, прошу его разрешения на поездку.

– Что вы, там еще бои идут, никак нельзя сейчас ехать.

Прошло несколько дней, и раздается звонок из штаба – меня направляют в командировку в штаб корпуса. Молодец Лузинов, не забыл меня.

Рейхстаг

Пятого мая я выехал в Ландсберг, там до Берлина рукой подать. Ландсберг – красивый, чистенький немецкий городок, весь утопает в зелени. Немцы боязливо вылезают на улицу, еще наших побаиваются. В каждом окне полощется белый флаг.

В штабе корпуса как в солидном тыловом управлении: чистота и порядок. Молодых девиц полно, все ухоженные, ладные, у каждой по несколько медалей на груди побрякивает. На меня внимания не обращают, поди, какой мальчишка в грязной прострелянной шинели. Смотрю на них и глазам своим не верю. Надо же, как устроились! Мне бы эту когорту на огневые прислали на воспитание, а их медали моим девчатам отдали. Офицеры штаба под стать своим подругам, горделиво вышагивают с важным видом по кабинетам и коридорам.

Все поручения я справил быстро и махнул на автостраду Варшава – Берлин. На попутных машинах добрался быстро. Дорога как стрела, две полосы, разделенные зеленой зоной. У въезда в Берлин КПП. У дороги огромный плакат:

«Дошли до Берлина». На нем солдат обмотки перематывает. Этот плакат давно по всей Польше шел за нашими войсками, только там написано было: «Дойдем до Берлина» и указано, сколько километров осталось.

На посту регулировщики – молодые солдаты с автоматами и красными флажками. Флажок взлетел вверх, и мы поехали.

Город велик: сорок на шестьдесят километров. Западные районы города от войны не пострадали, все дома стоят целехоньки, даже стекла в окнах уцелели. Немцев не видно, попрятались, боятся наших солдат и наружу не вылезают. Все фасады домов белые-пребелые, из каждого окна белый флаг. Обхожу центр города. Александерплац, Унтерденлинден, Вильгельмштрассе – все в сплошных руинах, даже коробок зданий не сохранилось. В чудом уцелевшем особняке на Александерплац разместилась наша военная комендатура.

Рейхстаг уныло взирает на Бранденбургские ворота. Знамя Победы на высоком полусферой куполе смотрится весьма скромно. По углам крыши еще несколько красных знамен установлено. Широкая парадная лестница внутри Рейхстага завалена обломками мраморных статуй. Наверх не пройти. Взорван весь марш лестничной клетки.

Снаружи у стен Рейхстага небольшими группками толпятся военные всех рангов. Каждый, кто чем только может, что-то царапает на стене. Десятки, сотни надписей краской, углем, мелом, карандашом, гвоздем...

«Мы пришли из Сталинграда...», «Мы пришли из Ленин-

града...», «Мы пришли из Москвы...» – и все фамилии, фамилии. Я тоже достал из кармана толстый трофейный карандаш, а в голову лезут самые разные мысли. Странно как-то, живые расписываются за мертвых. Они пришли и расписались своей кровью, многим даже не довелось дотронуться до стен Рейхстага. А я жив! Мне стало как-то неуютно на душе. Убрал карандаш в карман и решил: лучше я потом сам все расскажу, что я видел своими глазами.

Победа!

Этого дня ждали очень долго, даже в сорок первом году его ждали. Накануне было тревожно. Трофейный телефункен круглые сутки вещал на КП роты. Эфир забит десятками радиостанций на языках всех европейских стран. Все сообщения противоречивы, нелепы, одни домыслы. Первыми поздно ночью сообщили англичане о подписании акта о капитуляции Германии. Но наши радиостанции молчат. Даже всегда осведомленные радисты и те плечами пожимают. Только уснули, началась стрельба. Я выскочил из землянки. По всему небу фейерверк. Стреляли из всех калибров.

– Победа! Победа! Товарищ лейтенант, победа! – кричат солдаты.

Скинули чехлы с пулеметов наши сержанты, и устремились в небо желто-зеленые трассы крупнокалиберных пулеметов. Последние трассы войны.

Коротко об авторах

ШЕВЧУК Александр Андреевич (1921 – 2012).

Работать начал с 13 лет, был строителем, железнодорожником, речником. Великую Отечественную войну провел на кораблях Краснознаменного Балтийского флота. Был тяжело ранен. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За боевые заслуги» и другими.

Член Союза писателей России, автор 12 книг.

РЕДКОЗУБОВ Виктор Никифорович (1921 – 2007).

Был призван в ряды Красной Армии в 1940 году. Службу начал в Забайкалье. Как командир огневого артиллерийского взвода принимал участие в боях за освобождение г. Тихвина (ноябрь 1941) и в боях под Мясным Бором (1942). Был тяжело контужен, а после излечения в том же 1942 году возвратился в свой полк, на Волховский фронт. Снова принимал участие в боях под Мясным Бором, где вновь был тяжело ранен. По окончании войны учился на философском факультете ЛГУ. Кандидат философских наук, доцент.

КОРОБКОВ Даниил Ильич (1904 – 1983).

В 1920 году с частями Добровольческой армии скитался по загранице в Турции и Болгарии. В 1926 году возвратился на родину. Освоил профессию геодезиста. С началом Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии, сражался на фронте в артиллерийской части. Был тя-

жело ранен в 1944 году. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями. Уволен в запас в звании капитана.

ПРОТАСОВСКИЙ Рудольф Юрьевич (1924 – 2011).

В 1941 году поступил в военное училище ЛУИРЗА (Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии), которое окончил в 1942 году. Воевал на Воронежском, Донском и 1-м Белорусском фронтах в системе войск ПВО (Западный фронт ПВО) в должности командира зенитно-пулеметного взвода и командира трехорудийной батареи МЗА. Воинское звание – капитан. Награжден орденом Отечественной войны II степени, многими медалями.

После войны работал ведущим специалистом в отделе радиофизики ВНИИ мощного радиостроения.